

63.3(2)
к К64-ЦБ

Очерки о земле Красноуральской

К 63.3(2)
К 64 - ЦБ

Петр Коновалов

Очерки о земле Красноуральской

148 158

г. Красноуральск,
2021 г.

МУ «Централизованная
библиотечная система»
10 Красноуральск

Дорогие земляки!

Вы держите в руках книгу об истории нашего города. Книга, уникальная по своему содержанию, богатая на факты и свидетельства, на основе которых и был выстроен исторический путь нашего маленького уральского городка.

Древние говорили, что не иссякнет та земля, на которой помнят и чтут ее возрастивших, где ежедневно и ежедневно сохраняют свои исторические корни, следуют традициям предков. И мы помним, храним, чтим и следуем.

В течение многих лет материалы для сборника по крупицам собирал наш земляк, краевед Петр Александрович Коновалов. В архивах и забытых изданиях автору удалось разыскать ценные сведения, которые он умножил старинными документами, дневниковыми записками, геологическими картами, энциклопедическими изысканиями. В результате объемной кропотливой работы сегодня у нас есть возможность еще раз убедиться в том, что история Красноуральска уходит своими корнями в седую старину. Его возникновение связано с судьбой России XVIII века, когда еще свой промысел в стране развивали кустари, углежоги, старатели...

Все это близко и Красноуральску. Предлагаем читателям погрузиться в наше историческое прошлое, вместе с автором пройти ег

*Глава городского округа Красноуральск
Дмитрий КУЗЬМИНЫХ.*

ПРОЛОГ

Земля красноуральская... Судьба так распорядилась, что Красноуральскому городскому округу в административное подчинение отведен бассейн реки Салды Прокопьевской, ее верховья со всеми речушками, горками и болотами, со строевыми соснами и черным осинником, а с северо-запада - верховья Туры с правыми притоками - это и есть для нас земля красноуральская. Города-соседи десяток за десятком отмечают уже третье столетие со дня основания. Но даже у такого молодого города (по современным меркам) как Красноуральск, тоже может быть история, насчитывающая не одно столетие, поскольку он возник не на пустом месте. В предлагаемой серии очерков попытаемся проследить, как осваивал здешние места русский человек, какой след оставили на берегах Салды «казенные люди» и предприниматели.

Часть I.

Очерк первый.

На «сквозняке» между Европой и Азией

Разные есть суждения по поводу освоения русскими людьми бескрайней Сибири. Тысячелетие жили славяне в центре Европы и вдруг двинулись на восток? Зачем? Кто говорит: просто завоёвывать жизненное пространство. Есть еще одна теория, которую изложил известный историк С.М.Соловьев о менталитете русских людей: «... Они вечно движутся по широкому беспредельному пространству; у городов нет прочных к ним отношений. При отсутствии разнообразия, резкого разграничения местностей нет таких особенностей, которые бы действовали сильно на образование характера местного народонаселения, делали для него тяжким оставление родины, переселение. Нет прочных жилищ, с которыми бы тяжело было расставаться, в которых бы обжились целыми поколениями; города состоят из кучи деревянных изб, первая искра – и вместо них куча пепла. Беда, впрочем, невелика, движимого так мало, что легко вынести с собою, построить новый дом ничего не стоит по дешевизне матери-

Волок лодок

ала; отсюда с такой легкостью старинный русский человек покидал свой дом, свой родной город или село; уходил от татарина, от литвы, уходил от тяжелой подати, от дурного воеводы или подъячего; брести розно было не по чем, ибо везде можно было найти одно и то же, везде Русью пахло...».

На западе – народы чужой, католической веры, живут тесно и мирно. На юге агрессивные степняки и хлеб не сеют. А на востоке чувствовался простор, и враждебна была только природа. Обитатели же гор Рифейских известны еще со времен походов новгородцев: тоже люди, хотя и язычники, но с ними можно договариваться.

Да, на описываемой территории, которую занимает сегодня Красноуральский городской округ, на восточном склоне Уральских гор человек селился с давних пор. Самая древняя стоянка первобытных людей в нашем краю, которой около пяти тысяч лет, обнаружена в районе Буксино. Более поздние стоянки, но тоже почтенного возраста, археологи нашли неподалеку от впадения реки Выйки в Прокопьевскую Салду. И на берегах этой же Выйки в шести километрах от поселка Бородинка есть стоянки эпохи ранней бронзы и раннего железного века, которым также не одна тысяча лет. В обозримом историческом времени одни обитатели здешних мест сменяли других, переселение народов – процесс и ныне незакончившийся.

Для проникновения из Европы в Сибирь и обратно, кроме прочих, был известный ещё в глубокой древности Камский путь – рекой Камой и ее восточными притоками. Это пространство в Предуралье и на западном склоне Уральских гор и стали заселять русские еще в XV веке, присоединяя земли к Русскому государству. Так появилась

Пермь Великая. Аборигены Урала и Зауралья встретили русских не совсем ласково. Там, где силы были неравными, местные князьки становились данниками русского царя, но на короткий срок. Объединившись, племена вновь вели себя агрессивно. В Шишонко в Пермской летописи рассказывает: «В 1505 году, в понедельник, на страстной неделе, Кулук салтан сын Ивака царя тайно пришел из Тюмени чрез Уральские горы и неожиданно напал на Чердынь. Жители Перми Великой отразили Кулука от Чердыни, и он не мог завладеть городом, а устремился со своею ордой вниз по Каме, выжег и истребил селенья, убивал жителей и брал в плен. От нападения его потерпело и Усолье Камское.... Наместник же Великой Перми по вскрытии рек устремился в погоню за грабителями на судах, догнал их в реке Сылве, отнял добычу и побил рать Тюменскую». Русским отрядам периодически приходилось усмирять непокорных соседей, но людские ресурсы Сибири были безмерны, и нападения повторялись.

Первыми предпринимателями, которые начали осваивать верховья Камы и ее притоки, были солевары Строгановы. Им было дозво-

Поход Ермака

Вогулы

лено размещать свои поселения и по реке Чусовой, пересекавшей Уральский хребет с востока на запад. Один из вариантов Камского пути шел по Чусовой. Правда, он был нелёгким, поэтому, хотя им и продолжали пользоваться, но большой роли он не играл. А вошёл в историю благодаря походу Ермака, когда в 1582 году в очередной раз для усмирения «сибирского салтана» русские люди нарушили спокойствие здешнего края. Ватага атамана Ермака Тимофеевича, снаряжённая в экспедицию Максимом Строгановым, поднявшись вверх по течению сначала Чусовой, затем Серебряной на западном склоне Уральского хребта, перевалила через него с поклажей на собственных спинах и вдоль речки Жаровли спустилась к более полноводной реке Баранче. На плотках и плоскодонках добралась до реки Тагила, построила здесь струги и уже на них поплыла далее, до Туры. Одним словом, путь в Сибирь пролегал и на территории нынешнего Красноуральского округа.

Земли здешние были вначале неинтересны русским людям, поскольку были малопригодны для земледелия – горы, тайга да болота. Если какой землепроходец и побывал, то не задерживался. Но места эти не были пустынными никогда. На этом «сквозняке» между Европой и Азией уже в новой истории жили разные племена охотников и рыбаков. наших предков, начиная с Чусовой, встречали манси или,

как их тогда называли, вогуличи, вогулы. Мы и далее в тексте будем их так величать, чтобы не путаться в цитатах документов того времени.

Вогулы жили охотой, рыболовством, собиранием дикорастущих растений и несложной переработкой полученного сырья. Верхнюю одежду шили из шкур животных. Полотно вогулы изготавливали из крапивы, которая заменяла им коноплю. Из полученного холста шили рубашки, украшая их узорами. Большое значение в их жизни имела обработка бересты. Из нее изготавливались покрытия для жилищ - чумов, всевозможная утварь и посуда. После общения с русскими и жизни по соседству вогулы начали строить избы из бревен.

А вот как описывал их внешний вид известный писатель и журналист конца XIX века К.Д. Носилов: «...Откуда он (народ – П.К.) пришел в эту тайгу, какие великие передвижения народов выдвинули его сюда, он не говорит, он забыл даже свое недавнее прошлое; но его типичные черты, - хотя вогулы уже слились давно с монгольскими племенами, заимствовали от них обычаи, верования, - еще до сих пор напоминают юг, другое солнце: кудрявые черные волосы, римский профиль лица, тонкий, выдающийся нос, благородное открытое лицо, осанка, смуглый цвет лица, горячий смелый взгляд – ясно говорят, что не здесь их родина, что они только втиснуты сюда необходимостью, историческими событиями, передвижениями в великой Азии народов. Такие лица скорее напоминают венгерца, цыгана, болгарина...».

И действительно, когда ученые Венгрии начали искать происхождение своего языка, то оказалось, что они, живущие на Дунае, и обитатели сибирской тайги и тундры ханты и манси говорят на языках одного корня, который лингвисты называют общеугорским (праугорским) языком. Есть предположение, что в первом тысячелетии до новой эры общие предки венгров, хантов и манси, жили в Предуралье, на территории нынешней Башкирии. В первых веках новой эры началось великое переселение народов. И угры разделились на две ветви. Мадыары (венгры) двинулись на юго-запад и оказались на берегах Дуная. Ханты и манси пошли сначала вдоль Уральского хребта на север. Еще в X–XI веках русские летописи упоминают о «югре», то есть древних хантах и манси (остяках и вогулах). Постепенно перевалив через Уральский хребет, югра вышла на восточный склон Уральских гор и просторы Западной Сибири, к реке Оби и ее притокам.

О здешних вогулах, например, рассказывают некоторые топонимы-гидронимы, оставшиеся от аборигенов первым русским засельщикам: Сорья, Нырья и Выя. А Салда, скорее всего, остяцкое название, сравните: Тавда, Конда. Наверное, ближе к устью Салды, на Туре жили уже остяки (ханты), от них и истокам реки такое название перешло. Еще раньше русских за Урал начали проникать коми-зыря-

не. Есть предположение, что слова Ясьва, Айва, Нива, Кушва – имеют вогульские корни и коми-зырянское окончание. Например, если вогулы называли речку Ясь или Есь, то зыряне, услышав это слово, не имеющее для них перевода, добавляли свое – «ва» (вода, река). Недаром в первых русских документах эта речка сначала так и называлась – Ясь. Еще пример для размышления: Куш-ва и Куш-айка. Похоже, обе речки имели вначале одинаковое название Куш. К одной зыряне добавили окончание, а к другой – уже русские.

После падения Кучумова царства на Иртыше все местные племена остались жить на своих землях, но приняли присягу и стали считаться подданными русского царя. И проживавшие по берегам Туры, Салды, Тагила и их притоков вогулы (манси) тоже перестали посылать своих воинов в дружины князьков, делающих набеги на Пермь Великую, начали обращаться в христианскую веру и подчиняться законам Русского государства. Стали государевыми ясачными людьми, то есть были обложены обязательной ежегодной податью — ясаком, который обычно собирался пушшиной, в основном соболями. Они были главными поставщиками пушнины на царский двор. Ясачными людьми становились и переселяющиеся на эти земли русские, если не собирались или не было условий заниматься земледелием. А по-другому платить в государеву казну было нечем. Тот же историк С.М. Соловьев по этому поводу писал, что, если у русского человека привычка просто менять свое место жительства, то «... отсюда стремление правительства ловить, усаживать и прикреплять». В созданном на землях вогул и остяков Верхотурском уезде русская администрация использовала бывшее у сибирских ханов административное деление на сотни и десятки. Сотни объединяли нескольких «юртов» (больших семей вогул и остяков). На их основе были созданы ясачные волости. Во главе волости стоял сотник, как правило, глава рода.

На карте XVII века видно, что ясачное поселение было и в нашем краю, помеченное как Юрты, и стояло оно на Салде после впадения в нее Айвы. Чей это был юрт, какого рода, – пока нет сведений. Но известны первые русские засельщики края. Архивные документы рассказывают, что в начале XVII века угодья, расположенные по рекам Выя, Ясьва и Леневка принадлежали вогульскому роду Теляновых. Но в 1639 году «...вогул Телянко Еналов за старостию и увечьем ясак платить не может за всякия угодья». И в 1673 году на этой земле было отведено место под деревню верхотурскому стрельцу Евдокиму Пряничникову. Эта деревня, названная по фамилии основателя, стояла до недавних пор на берегу Тагила, правда за пределами нашего района, хотя отведенные Евдокиму покосы на 500 копен (так в то время определяли площадь), могли быть и на Салде. Затем в 1697 году Указом Петра I все ясачные земли Теляновых были отданы по челобитной Конону Филимонову, который взял на себя обязательство выплачивать ясак вместо Теляновых.

Чем занимался после этого ясашный человек Конон Филимонов – неизвестно. Пряничникову и Филимонову земли Теляновых передавались уже в разработанном виде. Были и пашни, и покосы, но, в основном, обширные охотничьи угодья.

А нас интересует XVIII век, его начало, время Петра Великого, время промышленного освоения Урала. Прошло 130 лет после похода Ермака, уже стояли каменные храмы в Верхотурье, дымились домны в Каменске и Невьянске, а на нашей территории мало что изменилось. Так же шумела бескрайняя тайга с редколесьем на частых болотах и на нерасчищенных гарях, и не было тесно немногочисленным охотникам на просторных угодьях. Только первые жители деревни Пряничниковой, сыновья Евдокима Степан и Иван да их соседи Кокшаровы обрабатывали несколько десятин пашни и на лесных полянах по берегам Салды косили сено, чтобы заплатить по 26 алтын с деньгой ясака каждому, вместо отца, который «престарел и скорбен глухотою и руками и того ясаку стало платить ему невмочь». В Верхотурском уезде в середине XVII века было 12 ясачных волостей. По переписи 1710 года в ясашной Верхтуринской волости, в которую входили поселения по Салде и Тагилу, числится всего двадцать четыре плательщика.

Но в описываемое время, кроме пушнины, русские начали получать от вогулов самое по тем временам дорогое – информацию об ископаемых богатствах. А аборигены ее имели, поскольку на своих охотничьих угодьях находили следы старых выработок, так называемые «чудские копи», оставшиеся от древних времен бронзового, а то и каменного века. Обращать на такие выработки внимание и доносить о них русской администрации способствовала Берг-привилегия, принятая 10 декабря 1719 года, – законодательный акт, определявший политику русского правительства в горнорудной промышленности.

Первый пункт гласил: «Соизволяется всем, и каждому дается воля, какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребные земли и камни, к чему каждой толико промышленников принять может, колико тот завод и к тому надобное иждивение требует».

А для вогулов-манси, кроме разрешения официально заниматься поисками руд, акт гарантировал вознаграждение за указанное рудное место. Это обстоятельство и явилось первопричиной возникновения Гороблагодатских заводов.

Камень Большой Балабан

Справка

1) Владельцы заводов в Александровском
 уезде: Андрей Емелин, который в
 1735 году в Александровском уезде
 владеть имеет 4 завода: 1) в Александровском
 уезде, 2) в Александровском уезде, 3) в Александровском
 уезде, 4) в Александровском уезде
 2) Владельцы заводов в Пермском
 уезде: Андрей Емелин, который в
 1735 году в Пермском уезде
 владеть имеет 4 завода: 1) в Пермском
 уезде, 2) в Пермском уезде, 3) в Пермском
 уезде, 4) в Пермском уезде

Очерк второй.

1735 год. Встреча Татищева и Чумпина

За год до знаковых событий, 23 марта 1734 года на казённые заводы Урала был отправлен главным начальником действительный статский советник Василий Никитич Татищев с инструкцией, по которой все эти заводы были отданы в полное его управление. И было предоставлено ему право: старые заводы перестраивать, к иным, если окажется нужным, что-то прибавить, а за недостатком людей или материалов - уменьшить или совсем закрыть, или на другое место перенести. Те же заводы, которые он посчитает для казны невыгодными, раздать в частные руки.

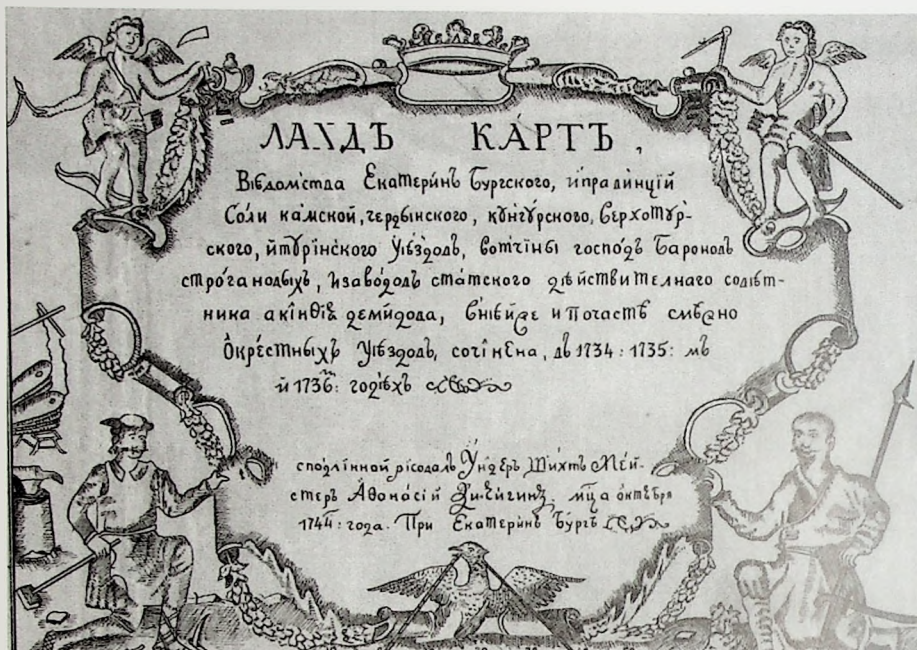
Василий Никитич рьяно взялся за наведение порядка на Урале, в том числе ввёл должности шихтмейстеров, которых поставил на частных заводах наблюдать за тем, как владелец соблюдает «государев интерес».

Весной 1735 года такой шихтмейстер Сергей Ярцев, служивший на Шайтанском заводе Никиты Никитича Демидова, объезжал с хозяйским приказчиком Мосоловым демидовские владения, проводя межевание лесов севернее Тагильского завода и осматривая железные

Василий Никитич Татищев

рудники, найденные людьми Демидова на реке Баранче. Остановились на отдых в деревне Ватиной, что стояла где-то в районе нынешней Евстюнихи. И здесь вогул Степан (назовём его пока только по имени), показал Ярцеву и Мосолову образцы железной руды, которые он нашел в районе речки Кушвы. Сергей Ярцев взял эти образцы с собой и, в свою очередь, показал их Андрею Федоровичу Хрущову, помощнику начальника Уральских и Сибирских заводов, когда тот вскоре заехал к нему на Шайтанский завод. Ярцев также сказал, что Демидовы тоже об этом знают от Мосолова, который поехал осматривать богатый выход железной руды на горе, неподалёку от слияния

1736 год. Картуш

рек Кушвы и Туры. Хрущов посоветовал Ярцеву немедленно ехать с образцами в Екатеринбург и сделать заявку от имени казны.

14 мая 1735 года Канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов зарегистрировала заявку Семёна Ярцева на месторождение при реке Кушве. И всего на два часа опоздал Василий Демидов с заявкой на это же месторождение. Но Демидовы не отказались от борьбы за обладание кушвинской рудой и подали протест в Горный Совет.

А пока суд да дело, 26 мая горный надзиратель Егор Михайлович Арцыбашев и геодезист Василий Михайлович Шишков были посланы освидетельствовать месторождение - «... объявленную шихтмейстером Ярцевым магнитную железную руду, которую ему объявили вогуличи Степан Анисимов, сын Сабанка, и Яков Савельев, сын Ватин», а также осмотреть удобные места на реках и в лесах для строения заводов, описать их и сделать чертѣж. Это были первые исследователи нашего края.

Руководствовались они рекомендациями недавнего командира Уральских заводов, генерала Вильгельма де Геннина: «Под строение плотины надлежит выбирать место при таких реках, где судового хода нет, и такие, чтоб на обеих сторонах реки берега, где быть плотине, были круты и высоки и, конечно, не ниже пяти или шести сажень,

и река б не очень крутое падение имела, но выше б плотины довольный розлив мог быть, и запертая вода далее могла разливаться». Обычно искали два высоких берега, желательного равных по высоте, после слияния речек, чтобы пруд был полноводней.

Арцыбашев отлично справился с поручением, что можно судить по его июньским «доношениям» в канцелярию. Для понимания текстов переведем некоторые старые едини-

цы мер в современные, метрические: верста = 500 саженей = 1,0668 км, сажень = 3 аршина = 7 футов = 2,1336 м. Первым делом Егор Михайлович приехал в вогульскую деревню Ватину и «...сыскал упомянутых вогуличей, чтобы они мне показали месторождение той руды, которую показали упомянутому Ярцеву. На что Яков Ватин сказал мне, что он места того не знает, а оную руду Ярцеву объявил вогулич Степан Анисимов, сын Сабакин. И тот Сабакин мне место рудное показал». Оно оказалось в сорока верстах от реки Баранчи. Отсчет Арцыбашев вел от места впадения Баранчи в Тагил, как ближайшего, обжитого людьми Демидова. Найденное железное богатство было достойно разработки по количеству и качеству руды. При таком качестве руды, писал Арцыбашев, можно содержать четыре домны, при этом руды хватит лет на шестьдесят без нужды.

В одной версте от месторождения протекала небольшая речка Кушва. На правом её берегу Арцыбашев нашел подходящее место под завод. По его расчетам плотина на том месте будет длиной пятьдесят сажен, высотой – четыре сажени. Речка Кушва в то время и в том месте была шириной четыре сажени. Воды заводского пруда в предполагаемом заводе будет достаточно на три доменных печи.

В шести верстах от назначенного завода речка заканчивалась, впадая в Туру. От ее устья по течению реки Туры в двух верстах Арцыбашев назначил место под второй завод. Место было более выгодное, нежели на Кушве. Предполагаемая плотина будет от горы до горы длиной шестьдесят пять сажен и высотой пять сажен. При ширине реки пять с половиной сажен её воды будет достаточно, чтобы подымать десять молотов, питать одну доменную печь и пильную мельницу.

Арцыбашев и Шишков нашли время обследовать и топливную базу

будущих заводов. Нашли, что от Лайского завода Акинфия Демидова к рудной горе на тридцать вёрст во все стороны достаточно красных сосновых лесов. И до реки Туры, и вниз по её течению по обеим сторонам тоже имелось довольно число лесов, в основном, еловых.

Через две недели исследователи вернулись в Екатеринбург. Шишков привез начерченную ландкарту, Арцыбашев привез для проб пуд и двадцать фунтов руды с обследованного месторождения. Они сделали большую работу, даже по нынешним временам требующую высокой квалификации, а, судя по их званиям, в то время были всего лишь чиновниками 13 класса, подпоручиками, если перевести на армейский лад. Настолько основательные были знания у образованных людей, «птенцов гнезда Петрова». Кто же были эти двое первопроходцев, как сложилась их судьба?

Егор Михайлович Арцыбашев. Из дворян Новгородского уезда, состоял в родстве с семьей Тургеневых. Горный офицер. Выпускник Славяно-латинской академии. С 1724 г. в службе на Урале. Вначале управитель Подволошного рудника. В 1734 - 1735 гг. в должности берггешворена (так назывался горный чиновник, наблюдавший за технической и хозяйственной стороной работ на рудниках), участник строительства Суванского завода, выбрал место под Кушвинский и Верхнетуринский заводы, управитель Полевского, Красноярского (выбирал место), Верх-Исетского заводов. Встречаем его имя в документах 1747 года, где он уже гиттенфервалтер в должности управителя Екатеринбургской заводской конторы. С 1753 года, став обер-гиттенфервалтером (старшим горным чиновником по плавильному делу), он занял пост управителя Пермского горного начальства. В 1758 - 1760 гг. - первый член Канцелярии Главного Правления заводов. А в ноябре 1760 года Егора Михайловича Арцыбашева, уже асессора, по сенатскому указу за долговременную и беспорочную службу произвели в надворные советники.

Шишков Василий Михайлович, геодезист и картограф, один из основателей инженерной графики на Урале и в Сибири. Уроженец Тверского уезда. Указом Сената от 18 марта 1734 г. он вместе со своим братом Иваном, тоже геодезистом, был отправлен к Татищеву для сочинения ландкарт.

*Личная печать
Егора Арцыбашева*

*Личная печать
Василия Шишкова*

В описываемое время преподавал в Екатеринбургской горной школе. В 1735, кроме поездки на Кушву, составил ландкарту местности, на которой была заложена Челябинская крепость. В составе Оренбургской экспедиции по указу В. Н. Татищева в 1736 году осуществлял поиск мест под строительство других крепостей. В 1737 Шишков под видом солдата Ивана был направлен в составе делегации к хану Абулхайру в Казахскую степь для тайного составления ландкарт и розыска месторождений полезных ископаемых. В том же году осуществлял межевание земель в Тобольске. В 1739 году был закончен первый план Москвы, в составлении которого с 1731 года среди прочих геодезистов и картографов принимал участие и Василий Михайлович. К 1740 создал первую карту полезных ископаемых Южного Урала. В 1747 года получил чин поручика, в 1760 - секунд-майора. Проводил межевание земель в Исетской и Уфимской провинциях.

Но вернемся в Екатеринбург 1735 года. 13 июня доменный мастер Максим Орловский из пуда руды, привезенной Арцыбашевым, выплавил в малой печке и вытянул десятифунтовую полоску железа. Протокольная записка по этому поводу гласит: *«И то железо в канцелярии главного правления в присутствии и по свидетельству господ членов правления явилось самое доброе, мягкое, жильное, о чём и записано в протоколе».*

148 158
Через два дня после плавки на новый рудник была отправлена уже небольшая экспедиция, которую возглавил надзиратель лесов Иван Куроедов, а с ним штейгер Вендель и шесть человек горных учеников, - так называли младший персонал независимо от возраста. Экспедиция должна была основательно исследовать гору и места вокруг нее, пробить шурфы у подножия и вверху в разных местах и выявить, на каком пространстве залегает руда. Куроедову дали на прогон и на найм работников, если понадобится, 12 рублей. По тем временам это были хорошие деньги.

Пока Вендель с учениками займется шурфами, Куроедов должен взять по своему усмотрению двух вогуличей и четверых здешних работников и сплавиться к Верхотурью по реке Туре. Во время сплава нужно учесть, сколько возможно, все впадающие в Туру речки и леса вдоль ее. Осмотреть прибрежные деревни, измерить между ними расстояния и учесть их жителей.

В Верхотурье необходимо потребовать 50 человек переменных работников из подгорных деревень и с одним из вогуличей срочно отправить их на берег Кушвы, на место строительства завода, чтобы они под присмотром штейгера поставили две или три избы и очистили место под строительство завода и плотины.

В задании экспедиции также было измерить расстояния от приписанных деревень до рудной горы и от той горы к Чусовой по реке Серебряной и по Чусовой вниз до середины и вверх. Измерять расстояния необходимо тщательно, чтобы составить обстоятельную ландкарту,

реки Туры, почти до уездного центра, и на восток вдоль реки Салды до деревни Злыгостевой, граничащие с угодьями верхотурских крестьян. Пригодные для строительства и углежжения леса простирались также на юге вдоль реки Тагила и на западе до ведомства Демидова.

Небольшая изыскательская экспедиция смогла обследовать гору с железной рудой и всю прилегающую к ней местность. Гора была отшурфована и по отшурфованию определились первые результаты разведки: «...явилось руды в длину на двести сажень и в ширину на шестьдесят сажень». Вскоре фактически был решён вопрос о строительстве плотин и заводов на Кушве и Туре, нужны были только люди. Куроедов побывал в Верхотурье, но требуемых работников воевода ему не дал. Дело застопорилось, в Екатеринбург ушли донесения об этом. И тогда строительство на реках Кушве и Туре взял под свой контроль действительный статский советник, командир всех уральских заводов Василий Никитич Татищев.

12 августа решилась проблема с людьми. Верхотурскому воеводе строго указали на выполнение императорского Указа о содействии строительству и велели «к показанному делу крестьян наряжать и выслать к 15 сентября».

Об этом решении канцелярия уведомила и Куроедова, чтобы тот не беспокоил её рапортами.

В начале сентября В.Н.Татищев стал собираться в дальнюю дорогу по казённым и частным заводам с инспекторской проверкой. Конечной точкой маршрута была Кушва.

Выехал обоз 5 сентября 1735 года: «*Действительный статский советник Татищев и при нём лекарь, подьячий, солдат – три человека, из Екатерининска отправился для осмотра новообретённого рудного места, что при реке Кушве, пополудни в 7 часу на тринадцати лошадях*». Поездка эта была подробно описана в путевом дневнике, который, как и все выше процитированные документы той эпохи, сохранился до наших дней. Итак, читаем наиболее важные места из дневника, нужно пояснить, что слово «пополудни» означает «после полдня», и отсчёт ведётся от 12 часов дня, например, «пополудни в 7 часу» означает «в 7 часу вечером».

«...Сентябрь, 7.

...На Нижнетагильский завод приехали пополудни, в 8 часу...

Сентябрь, 8.

Явился Верхотурского уезду деревни Чумкиной новокрещёный ясашный вогулич Степан Григорьев и объявил медную руду, три камня, которую он нашел в Верхотурском уезде близ той деревни Чумкиной, при речке Имянной в горе, которая от той деревни в четырех верстах, а от речки Имянной с полверсты.

Приказал надзирателю Куроедову, чтоб он показанное рудное место, осмотря, описал, и, раскопав, взяв руды, выбрал доброй и средней и прислал в канцелярию.

... По утру, в 8 часу, взяв 10 лошадей, поехал к Кушве верхами, а коляску и телегу за невозможным проездом оставили на заводе. Для показания мест взял одного вогулича Степана Григорьева на собственной его лошади....

...От Выйского завода дорога через дровосек расчищена, и мосты помещены до реки Баранчи, и через реку на девяти верстах. А оттуда через лес до реки Кушвы 34 версты прорублена только для верховой езды, самая нужная (трудная, - П.К.) и грязная. Так что с великим трудом ехали оную просеками. А во многих местах весьма с трудом можно проехать. На оную реку Кушву прибыли в 9 часу пополудни. И то многие лошади пристали, которые около полуночи прибыли.

Сентябрь, 9.

По утру, в 8 часу, взяв у горных учеников 5 лошадей, поехал для осмотра назначенного под плотину места на Кушве.

Оттуда, поворотясь к избушке, потому что прямо на Туру проехать не можно, поехал на Туру смотреть места. Перед собою послал горных учеников прорубить дорогу, понеже Куроедов и до Кушвы не прорубил. И рубили при мне....

...Лесов сосновых на строение и на уголь около одного места довольно.

Оттуда поворотясь, осматривал гору. И шурфы или копи рудные поверху и в середине горы копаны в длину сажени на 200, попереёк до 60. Вся руда ружная, гольян с вохрою, сплошь с россединами. Горы оные вверх остры, одна другой выше. На одной рудный камень выставился вверх, как столп, сажени на три, а другие меньше. Со средней горы видно Павлинской камень и за Верхотурье, как вогуляк сказывал, и видно горы со снегом, до которых верст около 100 счисляют.

На верхнюю в езде труден, а пешком идти я не мог. Штейгер сказал, что и на оной такая же руда. И я, видя, что оное сокровище подлинно можно Благодатью Вышняго назвать, того ради самую высшую назвал Благодать, которое значит собственно имя Ея Императорского величества. А прочим погоркам или нижайшим горам по сделании чертежа имена дать впредь...

...Воротясь с одного к избе, ученикам дано за пять лошадей на десять вёрст с возвратом на каждую по 20 копеек, итого рубль».

В этой избе, у самой вершины горы, на момент приезда Татищева жили штейгер, два берггауера (рудничные подмастерья), четыре горных ученика, писарь и четверо работников из ссыльных, а также брат Василия Шишкова, Иван.

Итак, 9 сентября, следующий день после праздника Рождества Богородицы можно назвать «Днём наречения горы». То, что увидел Татищев за этот день, он далее в дневнике называет «великим сокровищем». Рядом с ним на вершине стоял человек, открывший это сокровище государству российскому. О нем будет следующий наш очерк. А в тот день он вместе с Татищевым уехал в Тагильский завод. Уже там командор записывает в путевой дневник свои соображения о

дальнейшей судьбе горы Благодати. Сожалеет, что мало сил для начала строительства завода. Недобрым словом вспоминает верхотурского воеводу, не приславшего к 1 сентября 50 человек расчищать место под завод. Но находит выход и с Лялинского завода, простаивавшего из-за недостатка руды, приказывает прислать на Кушву 50 крестьян и 12 горных учеников с надзирателем работ и берггауэром (низший чин на рудниках, занимавшийся сортировкой руды. Берггауэры также занимались разведкой рудных месторождений).

Запустив механизм строительства, 10 сентября Татишев отбыл, как он пишет, в Екатерининск. А Куроедов остался руководить строительством и продолжать геодезические работы.

Если про Татищева сведений достаточно в литературе, то еще одно действующее лицо в этом очерке не так знаменито - Иван Куроедов. В марте 1734 года он прибыл на Урал вместе с геодезистами Иваном и Василием Шишковыми как ученик Московской навигацкой школы. А уже 4 декабря 1734 г. геодезический ученик И. Куроедов получил самостоятельное поручение: найти пути выпрямления дороги от Екатеринбурга до Тобольска. Далее Куроедов в условиях острой нехватки людей в 1735 г. был назначен лесным надзирателем.

При посещении строящихся заводов на Кушве и Туре Татишев отзывался о Куроедове как «неискусном к заводским работам», а поскольку он «человек молодой и в науке геодезии еще не довольно совершенен», решил: лучше «ему при Шишкове научиться», который в это время продолжал в районе Кушвы работы своего брата Василия: делал чертежи дорог на реку Серебряную и к Алапаевским слободам и измерял сенокосы. Видимо, Куроедов неплохо обучился у Ивана Шишкова. В ноябре 1735 года он сдал дела на Кушве заводскому управителю Леонтию Бекетову, а в марте 1738 г. Куроедов уже самостоятельно обработал ландкарты Соликамской провинции и Кунгурского уезда.

В 1739 г. сам имея учеников, с ними подготовил ландкарты Зауральской провинции с Чебаркульским, Окуневским, Исетским, Шадринским уездами. В 1742 году дороги того времени, связывавшие Челябинскую крепость с Верхнеуральской показаны на ландкарте Исетской провинции, составленной по журналам геодезии прапорщика Ивана Куроедова. Затем Куроедов вернулся в уральскую канцелярию и в феврале 1749 г. возглавил своеобразную школу геодезистов в Екатеринбурге. Указом начальства Куроедову предписывалось обучать в казенной квартире, отведенной ему для жилья, шесть учеников. Далее его следы находим в составе Пермского горного начальства, располагающегося в Кунгуре. В ноябре 1758 года в казначейской должности здесь служил поручик Куроедов. Возможно это тот самый молодой лесной надзиратель, который вместе с Иваном Шишковым летом 1735 года намерял покосы для будущих заводских лошадей на лесных полянах нашего края.

Очерк третий.

Степан Анисимов? Григорьев? Чумкин? Чумпин?

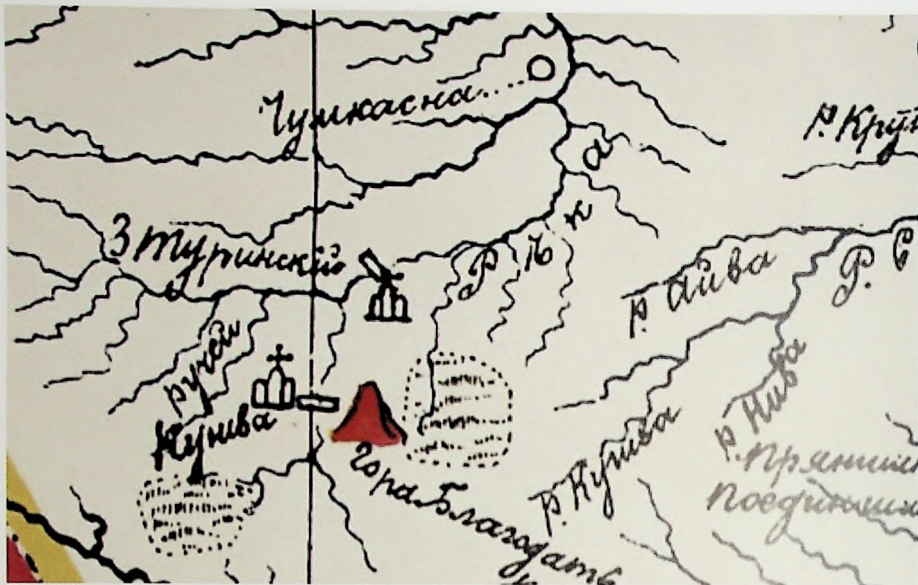
Имя первооткрывателя в рассказах о Кушве занимает не последнее место. Что же мы здесь имеем? Кого чтим?

Сергей Ярцев, заявляя месторождение в мае 1735 года, ссылается на вогуличей. В протоколе канцелярии так и записано: «... доносил, что, быв для осмотра рудных мест по Баранче реке, объявили ему вогуличи Яков с товарищем, а чьи прозванием не знает». Ни имя, ни фамилию второго «вогулича» Ярцев в документе не назвал. Вполне возможно, что Арцыбашеву он сказал лично, как найти «Якова с товарищем».

Егор Арцыбашев в своём рапорте, через месяц, в июне настолько по-разному называет рудознатца, что можно запутаться: Степан Анисимов, сын Сабанка, потом он же сын Сабакин, Сабаков, Сабанков. По просьбе Арцыбашева 14 июня Горная канцелярия выносит решение о награждении рудознатца: «За объявление той руды вогулятину, который ее показал посланному отсюда горному надзирателю Арцыбашеву, а именно Степану Анисимову сыну Сабайкину учинить награждение, когда он сюда явится». В этом документе, похоже, по-

Степан Чумпин. Каслинское литье

Деревня Чумкина на карте

следний вариант сочетания фамилии, имени и отчества Степана, который был проводником у Егора Арцыбашева.

А что за вогулич встречал Татищева вместе с Куроедовым 8 сентября в Тагильском заводе? И он же сопровождал Василия Никитича на железную гору, стоял 9 сентября рядом с Татищевым на вершине и рассказывал об окрестностях. Командор в тот же день вместе с проводником вернулся на Нижнетагильский завод и здесь вновь решался вопрос о первооткрывателе железной горы.

«Вагулиц Степан Григорьев бил челом, что де оную в горе Благодати железную руду нашел я. Да я же де и с лесным надзирателем Куроедовым ездил для показания по строению заводов мест и дорог недель с семь. А награды мне де Куроедов дал токмо два рубли семьдесят копеек. И просил, чтоб его еще наградить. А который де вагулиц той же деревни Яков Ватин в Екатерининске оную руду объявил, и оной де оболгал, хотя сильно мою награду у меня отнять.

На оное приказал я надзирателю лесов Куроедову, чтоб он в той вагулицкой деревне Чумкиной спросил всех жителей порознь обстоятельно: подлинно ли оной вагулиц нашел. И буде скажут, что он нашел, то оное записать. Велеть им приложить свои тамги или умеющим грамоте, вместо их руку. И при доношении прислать в Екатерининск в канцелярию немедленно. Оному вагулицу Степану Григорьеву дано 2 рубли».

Подьячий, который вёл записи за Татищевым, писал так, как слышал: то вогулич, то вогуляк, то вагулиц, но фамилию-то он перепу-

тать не мог. Степан, открывший гору, здесь назван Григорьевым из деревни Чумкиной.

После того, как Степан обратился к Татищеву за вознаграждением, Василий Никитич приказал Куроедову опросить жителей деревни Чумкиной, потому что на вознаграждение претендовал и Яков Ватин, в доме которого встретились Степан и Ярцев. И было это в деревне Ватиной. А как же донесение Арцыбашева, в котором он писал, как Ватин отказался вести его на гору, поскольку не знал дороги? Почему Татищев ещё раз решил проверить Степана, непонятно.

Выполняя распоряжение Татищева, Иван Куроедов в своем доношении от 28 ноября пишет, что он опросил жителей деревни Ватиной (а ему было приказано проверять в деревне Чумкиной) и выяснилось, что месторождение открыл ещё отец Степана Анисим (Онисим), о чём рассказал жителям деревни, но дорогу никому не показал. Вскоре Анисим умер, Степан остался единственным, кто знал путь к железному сокровищу. Помните, в предыдущей главе рассказывалось о переписи 1710 года в ясашной Верхтуринской волости, в которую входили поселения и нашей местности? Там упоминается вогулятин Ониско Чюнпин. И помечено, что «...в нынешнем 710-м году за скудость и за увечьем ясаку он Ониско не платил». Ониско Чюнпин...

Вид на гору Благодать

Сентябрь

В Шелань, мамма в афондеи
самраб афроени в котором во
зиди агофе мнаба на 86: вемь
поптейне камейне наредану
намоу 8: ррлемь, бо: котбкз
да бапаторо беря дауремаи в
коити которой ине фред аониде
таги аного дамеа ромо 43: 2
пейни

магдамь Снепа афроа дй селд
инд ондв боге дль дини дль ондв
рвон камей на. да дсе нитини
на дзирател афроаотмь едену
да поиданя, построение дамо
самь нбнть, геороль, нелора
сеин анаград Мнб афроа д
дадъ, то кино дама рдн камейна
котбкз. проси то емь енд аф
эфрума, аномоной магдамь
нон дини аномь мамма
в аиаметини ондв ррд бемь коной
в богадъ хомь под каград умдн
днать а кино;

На одное приидя а на дзирател
нбнть, афроаотмь инд боной
магдамьной дини едмичной
просидъ, вад аиней поро днз
всто ате кино рд иньбу

Отрывок из дневника о Чумпине

Очень похоже на Анисим Чумпин. Скорее всего, это один и тот же человек. И железная гора была в его охотничьих угодьях. И секрет свой он передал сыну своему Степану, у которого имен и прозвищ в тот момент было много, племенные и христианские вперемешку, поскольку при крещении вогулов им меняли прозвища на фамилии и давали христианские имена. Факт, что Степан «новокрещённый», первый раз в архивном деле упомянут в записи за 9 сентября. Если ему дали при крещении фамилию Григорьев, то почему спустя несколько месяцев он уже Чумпин?

Одно остаётся неизменным в этой путанице - имя первооткрывателя руды - Степан. А жил он, судя по строкам татищевского дневника, в деревне Чумкиной, при речке Именной. Остается только загадкой пока: а где стояла деревня Ватина и какое отношение она имела к деревне Чумкиной?

Впервые упоминание о сожжении Степана было сделано через девяносто лет, в 1827 году, в статье инженера К. Галляховского, но с оговоркой: «...изустное предание говорит, что его принесли в жертву...».

Сейчас уже не найти сочинителя этого «изустного предания» - красивой и страшной легенды о казни Степана соплеменниками на вершине Благодати. Только нет документального подтверждения этому факту. От Верхотурья до Кушвы жило всего несколько семей, это видно по книге 1710 г., уже цитированной. И не были вогулы столь кровожадны. Это был XVIII век, территория Верхотурского уезда, где почти все вогулы были уже крещёными в православие и жили рядом с русскими вторую сотню лет. В то время они наперегонки старались помочь русским в освоении местности. Гору Высокую, например, задолго до Степана открыл Демидовым тоже вогул, но никто его сжигать не собирался. В 1739 г. Нижнетагильская заводская контора получила от А.Н. Демидова письмо, в котором говорится о том, что «верными и лучшими рудознатцами являются вогулы Иван Белов и Яков Ватин». Тот самый, наверное, Яков Ватин, что оспаривал открытие Благодати.

Такая деталь для читателей с большой фантазией: вершина Благодати начала разрабатываться в первую очередь. Здесь выходила наружу очень богатая железом руда, и постоянно работали рудокопы. Здесь же, на вершине горы первое время обжигали руду: зарево стояло всю ночь - вот вам и «жертвенный костёр». И вряд ли Степан с соплеменниками приходил охотиться сюда после января 1736 года. Тащить же ослушника на казнь из его деревни Чумкиной (Чюнпиной), которая находилась от вершины Благодати за десятки вёрст, - зачем этот спектакль? Вогулам в ту пору и гору было не жаль, и свои угодья. Об этом свидетельствует такой факт. 31 июля 1740 года последовал указ Сибирской губернской канцелярии верхотурскому воеводе Воробьеву: «Верхотурского уезда Тагильской волости деревни Чунпины, Палкины и Карелины ясашные ж вогулича Марко Федоров сын Салтыков со товарищи, двадцать один человек, договорились и дали со общего

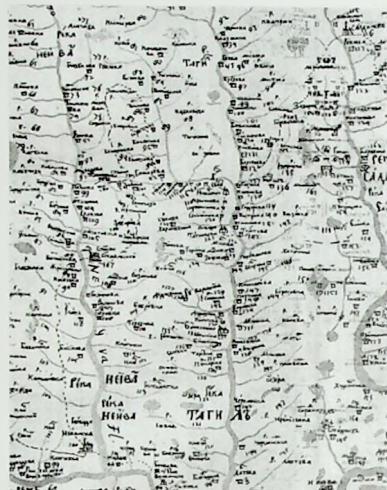
своего совету господину его дворянину Демидову ... запись о владении впредь на двадцать лет в Верхотурском уезде пожалованные им указом угодья по разным урочищам для рубки дров на угольное зжение к нижне-тагильскому и другим оного господина его заводам и ради приисквания руд и произведения заводов во славу Российской империи...». По условиям договора Демидов обязывался платить за вогулов в казну ясак, в том числе за земляков Степана.

Многие исследователи считали легенду о сожжении Степана вымыслом. В архивных документах зафиксировано, что 24 января 1736 года Степану, уже по фамилии Чумпин, Екатеринбургская канцелярия выдала награду 20 рублей серебром наградных. Согласно Берг-привилегии он должен был получать деньги и впредь, после начала переработки руды. Но Благодать в 1739 году передала во владение Шембергу, который за Благодать платить не собирался не только Степану, но и казне.

Не упоминают факт сожжения из истории открытия Благодати учёные Гмелин и Паллас, побывавшие в Кушве в XVIII веке, Иван Герман в «Сочинении о Сибирских рудниках и заводах» в 1797 году, и даже А.С. Ярцев, написавший «Российскую горную историю». А уж последнему автору сам Бог велел всё знать о Степане, ведь это его отец, Сергей Ярцев первым встретил вогула и сделал заявку на месторождение.

*1909 год. Памятник на вершине г. Благодать
вогулу Степану Чумпину*

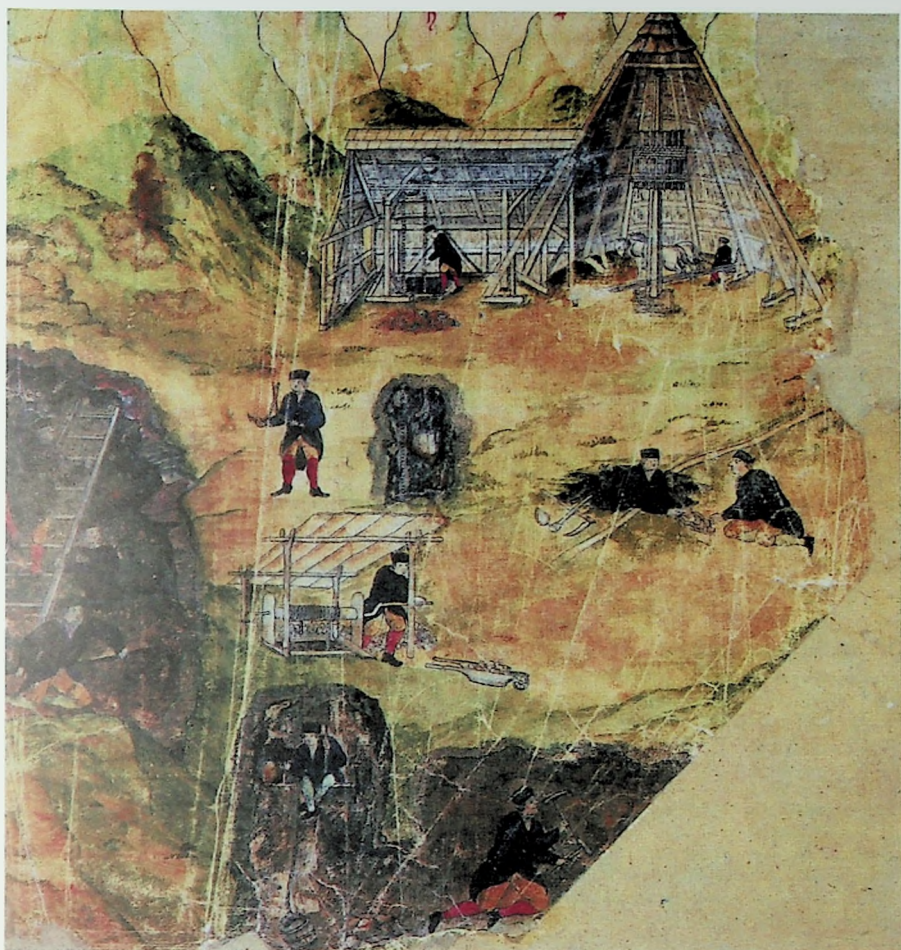
Очерк четвертый.

А МОГ БЫТЬ Салдинск-Осокинский

Когда осенью 1735 года казна начала строительство двух заводов на речках Кушве и Туре, нашелся предприниматель, который первым потревожил пойму Салды. И звали его Петр Осокин.

В начале XVIII века рудный Урал осваивали не только Демидовы, но и другие русские предприниматели. В их числе были купцы-промышленники, двоюродные братья Осокины: Гавриил Полуектович и Петр Игнатьевич. Происходили предприимчивые братья из крестьян деревни Еремеевой, расположенной в Балахнинских вотчинах Троице-Сергиевой лавры, то есть они были крепостные крестьяне, принадлежавшие монастырю. Будучи еще крепостными, они успешно занимались торговлей и поставкой провианта в Санкт-Петербург и стали первыми купцами, вложившими капитал в горнозаводское дело на Урале. Кстати, выкупить вольную они смогли только в 1756 году.

Вначале Осокины на совместных предприятиях, в основном, плавил медь. А в 1734 г. братья поделили принадлежавшее им хозяйство. Петру отошел Иргинский, а Гавриилу недавно построенный Юговский завод, оба в Предуралье. О новом месторождении на речке Кушве Осокины уз-

1735 год. Добыча руды. Рисунок из рукописи В. де Геннина
«Описание Уральских и Сибирских заводов»

нали уже после заявки Ярцева и протеста Демидова. С демидовскими приказчиками у них часто возникали конфликты из-за рудников, так как братья зачастую эксплуатировали месторождения, разведанные рудознатоками Демидова. И в этот раз, когда 16 июня 1735 года в Екатеринбурге решалась судьба нового рудного места, приказчики Осокиных тоже присутствовали на совете вместе с заводчиком Василием Демидовым, его приказчиком Мосоловым, а также приказчиками Строгановых и Акинфия Демидова. Совет определил, что всех желающих надлежит допускать к добыче руды во вновь открытой горе и в других тому подобных, богатых рудных горах. Каждому необходимо сделать отвод его части с учетом существующих домен. Пусть добывают в своих шахтах и штольнях своими работниками, не повреждая копей друг друга, и возят

Гора Осокина

на свои заводы. И дать им выбор: «Кто же, приняв на той горе место, обещет руду инде и тут работать не похочет, тоб оставить на их волю».

Такое решение успокоило всех заинтересованных лиц. А на другой день уже на совете горных офицеров к порядку распределения рудных мест конкретно по кушвинской горе было добавлено: сначала следует выбрать лучшее место для казны. В остальной части горы делать отводы частным лицам, где кто будет просить, каждому на поверхности земли по 10 квадратных сажен на домну; кроме того отводить у подножия горы каждому по 40 квадратных сажен для складирования камня, руды и на строение изб. Все горные выработки нужно будет содержать под присмотром назначенных казной надзирателя и штейгера и оплачивать их содержание.

Осокины после совещания послали своих приказчиков в район нового месторождения для изучения местности. В июле, когда Иван Куроедов с горными учениками исследовал пока безымянную гору и подступы к ней, с экспедицией встречался и Родион Набатов, приказчик Петра Осокина. А 9 сентября 1735 года Набатов вместе с Егором Гусевым, приказчиком Гавриила Осокина, обратился к Татищеву, когда тот с вершины «новообретенной» рудной горы любовался видом на Уральский хребет. Конечно, по заданию братьев приказчики хотели из первых уст услышать судьбу «Благодати Всевышнего», как назвал гору Татищев. Но повод нашли такой: они просили, чтоб им позволили осмотреть казенный Лялинский медеплавильный завод: «может мы оной купим». Татищев распорядился: «И потому дать им Указ». Возможно, братья вновь хотели объединить капиталы на медеплавильном производстве. Продолжения этой истории нет. Лялинский завод остался за казной, но знакомство с Татищевым состоялось.

Осокинъ принащени Кабинетъ Имъ С
просилъ что имъ дозволено, отъ
Кабинетной Делъ Междъ тѣхъ оной
Его Императоръ самъ и указъ. 6

Запись в дневнике Татищева о приказчиках Осокина

Гавриил больше никак не отметился возле командора и возле новой рудной горы, чего не скажешь о Петре. Его приказчик, Родион Набатов хорошо изучил ситуацию на Благодати и доложил хозяину. Набатову не нужно было долго объяснять необходимость поиска новых мест. Он понимал в заводском деле не меньше хозяина и широтой взглядов отличался от всех заводских работников-земляков. Это Родион Федорович помог Осокиным занять место на Иргине и поднял завод. Он давно видел, что сырьевая база Иргинского завода, которым владел Осокин, становится непрочной. А высокое качество благодатской руды и изобилие леса вокруг сулило большие перспективы и не отпускало. Петр Осокин внял докладу приказчика и попросил Татищева замолвить за себя слово перед Кабинетом.

Вернувшись с Кушвы, Татищев представил свое решение на утверждение Высочайшего Кабинета о привлечении частных капиталов к разработке Благодати: «...дабы желающие надежно могли там искать своей и государственной пользы». И в том же решении он упомянул Петра Осокина, как первого, желающего «вступить в строение заводов для плавки благодатских руд».

29 октября 1735 года Кабинет своим указом утвердил принцип, по которому допускались к разработке Благодати купцы-промышленники, в частности Петр Осокин. Предприниматель к тому времени исследовал окрестности горы, учел планы казны по строительству двух заводов на Кушве и Туре и нашел подходящее место на реке Салде, где он хотел бы построить свой завод. Сообщил об этом и Ивану Куроедову, который уже руководил строительством Кушвинского завода. Исток реки был в болоте у подножья горы Благодати. Она в отличие от другой Салды впадала не в Тагил, а в Туру и называлась Туринской, иногда Прокопьевской. Кроме того, кто-то из сородичей Степана Чумпина, а может быть и он сам, показал Петру Игнатьевичу еще одно рудное место. Оно находилось в 30-ти верстах по направлению ю.ю.в. от назначенного им заводского места на Салде. Открытую руду и место под завод 18 ноября 1735 года Осокин заявил в канцелярии от своего имени. Эту дату можно считать началом освоения нашего края наравне с Кушвой и Верхней Турой.

Тем же днем он написал челобитную «всепресветлейшей державней-

шей великой государыне императрице Анне Иоанновне Самодержице Всероссийской». Если упустить словесные реверансы и перевести на современный язык, то, по сути, смысл челобитной был таков:

Он, Осокин имеет построенные своим коштом (за свой счет) железные заводы в Кунгурском уезде на речке Иргине: действующую домну и три молота. При заводах приготовлено много различных припасов: руды, древесного угля и дров. Только та руда ныне изменилась. Из прежде заготовленной выплавляли хороший чугун. А в прошлом году хорошего чугуна сделать не могли, железо получается весьма ломкое и в различное дело негодное. Ныне Осокин побывал на заводах дворянина Акинфия Демидова и усмотрел, что в плавку к руде, подобной его, там добавляют магнитную нижнетагильскую руду, от чего чугун выходит весьма хорош. Поэтому Петр Гаврилович просит допустить его к добыче из новой обретенной Кушвинской магнитной горы двадцать тысяч пудов руды и из упомянутой нижнетагильской горы дворянина Демидова – сорок тысяч пудов. И на обжиг тех руд просит позволения нарубить лесу в тех местах. Руду и лес перевезет за свой счет на Иргинский завод. И все это принесет немалую прибыль в интересах государства. Отсутствие же хорошей руды грозит простоями заводам.

А дальше челобитную лучше процитировать дословно: *«... и я останусь в великом убытке. Мастеровые и работные люди без тех магнитных руд будут празды, и я ревнуя (в значении - следуя) вашего императорского величества всемилостливым указом произвел те заводы собственным своим коштом, в которых употребил своего капитала более двадцати тысяч рублей, а ныне еще имею ревность (в значении - стремление) в Сибири таковые же заводы произвести, о чем известно реченной канцелярии. (Здесь Осокин имеет в виду заявленный завод на Салде).*

И на сие мое прошение всепокорно прошу учинить милостливое решение вашего императорского величества нижайший раб балахонский купец и Иргинского завода заводчик Петр Игнатъев сын Осокин».

27 ноября Татищев с участием горных чиновников Андрея Хрущёва, Никифора Клеопина и Игнатия Юдина рассмотрел копию челобитной Осокина. Ему разрешили добыть требуемое число руды своими работниками, для чего отвести место пока на нижнетагильской горе, с условием, чтобы Демидову *«помешательства и утеснения не было»*. Разрешили рубить лес для углежжения, но не в дачах Демидова, а в свободных местах. Если же у Демидова, то только согласовать с ним или с приказчиками, для чего канцелярия пошлет нижнетагильскому надзирателю указ. Пошлет указ и Кушвинскому управителю, что Осокину можно также отвести место для добычи руды на Благодати и разрешить рубить лес на обжиг в надлежащих к тому местах. Пусть помощник управителя лесосеку отведет, но опять же *«где б казенным помешательства не было»*.

Указы же выполняются не так быстро, как пишутся. 4 декабря 1735 года Хрущёв и Клеопин ездили из Екатеринбурга с проверкой на Благо-

Благоволхпъ Сенатѣри гди 1735. 20 Назхра
И. Осокинъ Иванъ Куроевъ

Подпись Куроедова

нерал-Берг-директориум, который учреждался на правах коллегии, не был подотчетен Сенату и зависел непосредственно от императора. Президентом, Генерал-Берг-директором был назначен друг Бирона, барон Курт Александр де Шемберг.

В начале 1737 года Осокин обратился в Екатеринбургскую канцелярию за разрешением построить завод на заявленном им ранее месте, которое еще в год открытия Благодати по поручению канцелярии исследовал Иван Куроедов. То самое, на реке Салде. Осокин попросил приписать крестьян к задуманному заводу, отвести ему лесную дачу, места добычи горнового и трубного камня для домен. Напомнил также об отводе руд из Благодати.

Канцелярия 4 мая 1737 года дала указ кушвинскому управителю Бекетову, что Осокину разрешено построить в указанном месте завод, а также «по силе вальдмейстерской инструкции» нужно отвести ему леса на строение и на содержание завода. Если руды, отысканной Осокиным, о которой он объявил 18 ноября 1735 года, будет недостаточно или она в плавку не пойдет, то для добычи отвести место на горе Благодати. Трубный камень к домнам разрешается добывать по р. Чусовой, а горновой - отпускать за деньги с Точильной горы. И главное, что ждал заводчик: «... приписать из Кунгурского уезда, из ближайших деревень, до ста дворов, считая в каждом по 4 души, какие деревни за способное сам Осокин усмотрит, но с их крестьян пока к действительному строению того завода вступить, но к прежним заводам и никуда ни под каким видом в работы и в другие службы не употреблять и до того ими не владеть».

Возможно, Осокин посчитал такое движение ему навстречу со стороны Канцелярии, как признание его больших возможностей, и решил: чего там мелочиться с Салдой, когда можно все заводы возле Благодати самому построить. И вот, в сентябре 1737 года Петр Игнатьевич вновь «бил челом» Анне Иоанновне: «... дабы указом ея императорского величества повелено было, для ея императорского величества фамилии многолетняго здравия и ради государственной славы и интересной прибыли и всероссийской пользы явить к нему, нижайшему, ея императорского величества высочайшее материнское милосердие и призрение, и повелеть вновь приисканную близь реки Кушвы и Туры гору, называемую Благодать

с железными в ней имеющимися рудами и с определенными под казенные заводы местами и с мастеровыми, определенными и поселившимися людьми и впредь кто из мастеровых людей понадобится к тем заводам и с приписными отдать ему и наследником его в вечное владение». Не больше и не меньше.

Осокин предложил и свои условия передачи ему горы и заводов. Он расплатится с казной поставкой 50000 пудов якорей и 400000 пудов железа с уступкой против цен Демидова, то есть дешевле: якоря на 10, а железо на пять копеек с пуда. Поставку якорей и железа он обещал начать через три года со дня передачи ему Благодати и рассчитаться полностью в течение десяти лет.

Кроме того, заводчик просил не брать с него никаких пошлин за продукцию. А также: приписать к каждой домне по 150 и к каждому молоту по 30 дворов крестьян, считая во дворе по четыре души; взять у него с Иргинского завода 5000 пудов меди и, переделав в деньги и полушки, отдать их ему, удержав плату за передел меди в монету; освободить его на десять лет от платежа десятины.

Кабинет поручил берг-директориуму вместе с Татищевым рассмотреть прошение Осокина и высказать мнение.

Василий Никитич, хотя и отвлекался уже в это время на башкирские дела, но еще заведовал горными заводами. 15 февраля 1738 года он отправил свое возражение на прошение Осокина.

К идее передачи строительства заводов в частные руки он отнесся отрицательно. И начал с упреков в адрес Осокина, потому что тот, как и другие заводчики, ранее уже просил отдать ему всю гору полностью, и когда Татищев отказал, то: *«принужден был слышать заочные поношения, смешанные с клеветою»*. Василий Никитич заметил, что в России ни один заводчик самостоятельно не построил с нуля ни одного завода, но всегда и везде сначала были построены казенные заводы, а уже потом на это место приходили частные лица. Как Демидов сегодня не помогает соседям, так и Осокин, получив Благодать, тоже не даст соседям ни припасов чугунных, ни машин, ни тем более руды. И казне от бездельности остальных заводчиков возле Благодати прибыли можно не ждать. Да и Осокин, судя по челобитной, мало чего имеет для строительства и тоже далек от прибыльного производства.

Татищев полагал, что новые Гороблагодатские заводы должны оставаться пока казенными. Если же будет принято решение их приватизировать, то в конкурсе должны участвовать все заводчики. Возможно, кто-то предложит условия более выгодные, чем Осокин. И первым в конкурсе должен быть все же Демидов. А Осокину надо помочь в строительстве заявленного завода.

Но конкурс устраивать никто не стал. Заводы на Кушве и Туре продолжали строиться усилиями казны. Осокин успокоился и вновь занялся отложенным проектом. В 1738 году Леонтий Бекетов произвел ему лесной отвод от правого берега Салды на 20 верст в сторону речки Ясьвы и

за нее. Бекетов отступил от вальдмейстерской инструкции и сделал не две-три версты, как обычно давали на строительство, а полный отвод, как будто завод уже был построен.

Для Осокина особенно было важно разрешение канцелярии на приписку крестьян. Он не зря запросил людей из Кунгурского уезда и близлежащих к его существующим заводам деревень. Хотя в указе канцелярии и было сказано о приписных, *«...к прежним заводам и никуда ни под каким видом в работы и в другие службы не употреблять и до того ими не владеть»*, он надеялся использовать и на существующих заводах этот ходячий капитал любого заводчика того времени.

Как же появился этот капитал в промышленности того времени? Богатая руда, изобилие нетронутого леса, горные речки, - о таких условиях в европейской части Российской империи можно было только мечтать. Но уральские заводы не могли ни строиться, ни работать без людей, которых на Урале было для этого недостаточно. Первопоселенцы, как правило, осваивали пашню, и их в то время здесь можно было насчитать едва несколько тысяч. При таком дефиците рабочей силы промышленное освоение Урала могло прекратиться. Например, единственным топливом в то время была древесина, только для заготовки ее и для выжигания угля требовалось огромное количество работников, не говоря уже о строительстве заводов, приготовлении кирпича, транспортировке руды и готовой продукции.

Государство нашло выход из этой ситуации, применив привычные для того жестокого, крепостного времени меры. Первым получил рабочую силу для Невьянского завода Никита Демидов. В 1703 году именованным указом ему были переданы из Верхотурского уезда слободы и село с деревнями *«и со всеми крестьяны з детьми и братьями и племянники и з землю со всякими угодьи. А что с тех крестьян в казну также и в монастырь денег и хлеба и всяких поборов збиралось, то все поборы денежные и за хлеб деньги и за пашни деньгами ж по вся годы брать у него, Демидова, в казну железом по договорной цене или деньгами...»*. Опыт Невьянска в последующие годы распространялся как на частные, так и на казенные заводы.

Возможно, уже весной 1738 года кунгурцы, люди Осокина прибыли на берега Салды и начали валить лес на месте будущей стройки. Все сходится к тому, что место первого завода было определено там, где позднее, уже в наше время появился поселок Новый Заводчик. Неспроста ему дали такое название, да и профиль берегов позволял перекрыть здесь реку не такой уж длинной плотиной.

Осокину одного завода показалось мало. Он присмотрел еще место выше по течению и, соответственно, ближе к Благодати, к руде. Разрешение на это строительство в этот раз он попросил не в канцелярии, а у генерал-берг-директориума. На втором месте Петр Игнатьевич запланировал поставить три доменных печи и четыре кричных молота. Есть предположение, что этот завод (верхний) должен был стоять между

устьем речки Черной и нынешним поселком Никольским. Воды в предполагаемом пруду хватило бы на меха для домен и четыре молота. У Заводчика же плотина предполагалась высокой, и силы водяного колеса было бы достаточно на десять кричных молотов. Все логично: чугун с домен верхнего завода на кричный передел можно будет сплавлять по Салде, а не возить на лошадях.

Этим же летом 1738 года Осокину стало известно, что в столице заседала Комиссия для приведения в лучшее состояние казенных медных и железных заводов и для рассмотрения: *«выгоднее ли их содержать на казенном коште, или отдать партикулярным людям, и то одному или многим?»*. Комиссия доносила императрице: *«...полезнее те казенные, как старые, так и новые заводы отдать охочим людям в компании на различных условиях, смотря по доброте руд, довольству их или оскудению»*. Императрица с выводом комиссии согласилась.

Осокин ждал перемен, но, не получив ответа на прошения 1737 года о строительстве второго завода и на челобитную о передаче ему горы и казенных заводов, прекратил все работы на заявленных местах.

Что породило у него желание забросить строительство двух этих заводов – неизвестно. Только ли молчание берг-директориума на поданную заявку? Скорее всего, наблюдая за Салдой третью весну, он понял, что больших прудов ему в намеченных местах не создать, река маловодна в своем верхнем течении. В своем прошении о строительстве второго завода он напоминал об отводе руды из Благодати и вдруг заявил, что *«...по реке Салде руд нет, да и впредь надежды не имеет»*. И тут же без всякого разрешения он начал интенсивно строить завод совершенно в другом, третьем уже месте, перенес его на 6-7 верст ниже по течению от первого, куроедовского, а именно – поблизости от устья Нивы, впадающей в Салду справа. Но и здесь его ожидало разочарование.

Идея о передаче казенных заводов на Благодати в частные руки, которую с 1735 года высказывал Осокин, воплотилась своеобразно и неожиданно. В 1739 году фаворит императрицы Бирон решил прибрать казенные горные заводы к рукам через подставных лиц, реализуя, как бы сейчас сказали, свой проект Генерал-Берг-директориума, который начал действовать еще в августе 1736 года. Его функции были сформулированы в Берг-регламенте, опубликованном в марте 1739 года. Документ закрепил первенство за промышленником и рудоискателем, которым гарантировалась неприкосновенность вложенных в промышленность капиталов, и по нему должны были регулироваться взаимоотношения между промышленником и правительством. Преимущество отдавалось развитию частной промышленности, и в 1739 году началась первая в России приватизация: казенные заводы стали раздаваться в партикулярное (частное) владение.

Первым делом другу Бирона, генерал-Берг-директору фон Шембергу, указом от 3 марта 1739 года императрица отдала во владение Благодатский рудник, недостроенные Кушвинский и Туринский (приставка

«Верхне-» появилась позднее) заводы.

В связи с этим Кушвинская заводская контора провела своеобразную инвентаризацию округа и по требованию канцелярии послала надзирателя работ Алексея Андрианова проверить постройку Осокина, как претендующего на благодатскую руду. Вот что написал в своем отчете Андрианов, побывав ниже устья Нивы: «...1) по объявлению приказчика Ивана Швецова, от хозяина его, Осокина, при оном заводе велено сделать две домны, две фабрики молотовых – по три молота и, ежели водою будет довольно, то и третью фабрику с тремя молотами сделать; 2) плотников и рабочих людей у заготовления лесных припасов и в дровосеке обретается 160 человек; 3) в заготовлении лесу к строению плотины и фабрик имеется разных сортов брусьев, на дело вешняка и под ларь – 70 стоек, ларевых – 200, огнив на лари, тесу ларевого дерева – 525 и под очистку места к плотине вырублено работными людьми лесу 1000 бревен; 4) дров вырублено, которые в кладях и в запруде имеются 700 сажений; 5) хоромнато строения построено две фабрики – кузницная да меховая, хозяйских два дома, да протчих 10 дворов; два амбара хозяйских же под кладку хлеба и протчих припасов, да один сарай кирпичной». Всего год понадобился нашим предкам, чтобы топором, пилой и лопатой выполнить эти работы. Заметим, в отчете ни слова о запасах привезенной руды. Место для ее добычи заводчику так и не отвели, как бы он не просил. А вскоре на Благодати вообще сослались на то, что разрешение и место под добычу дать может только Шемберг. И третий Салдинский завод перестал строиться.

Осокин в июне 1740 года попытался разжалобить берг-директориум, написав, что завод начал строить по указу канцелярии, для чего приготовил весь лес, кроме кровельного, срубил плотину до порога, построил кузницу и меховую фабрику, два дома, два хозяйских амбара и десять дворов, сарай. Кроме того, заготовлено много дров. На все истрачено более двух тысяч рублей – все в убыток. И надо содержать людей, которые завод уже не строят, а только охраняют сделанное. А все из-за того, что не отпускается руда с Благодати. Ответа от Шемберга Петр Игнатьевич так никогда и не получил. Осенью 1740 года Осокин работы на Салде прекратил и переключился на строительство медеплавильного завода на реке Бизяр в бассейне Сылвы.

Здесь уместно сделать небольшое отступление от темы. Год этот, 1740-ой, и приказчик Осокина Иван Швецов отметились в архивных документах в связи с первым упоминанием о самоварах. В феврале Иван Швецов, скорее всего, когда ехал с Иргинского завода на Салдинское строительство и добирался неразрешенной дорогой, чтобы избежать таможи, был задержан на Курьинской пристани Акинфия Демидова. Среди прочих грузов числился «Самовар с прибором медный, луженый, весом 16 фунтов, заводской собственной работы, ценю в 4 рубля 80 копеек». Ранее этого письменного известия ничего о самоварах не сохранилось, поэтому исследователь Корепанов Н.С. делает вывод, что этот

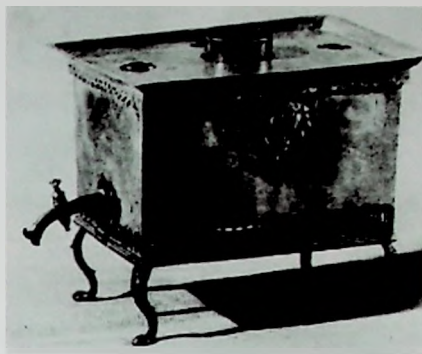
самовар был изготовлен на Иргинском заводе Осокина, и Петру Игнатьевичу принадлежит пальма первенства изготовления самоваров в России, а везли этот самовар на Салду, отметим мы.

Вернемся на Благодать. В октябре 1740 года умерла Анна Иоанновна, завещавшая трон своему малолетнему внуку, Ивану VI Антоновичу, а регентом при нем поставившая Бирона. Мать младенца-императора, Анна Леопольдовна, дала согласие противникам Бирона на арест регента. Особая комиссия сослала Бирона в Пелым. Анна Леопольдовна стала фактической правительницей России. Шемберг лишился покровителя, но не поста и не заводов.

У власти в России еще оставались иностранцы, и это не всем знатным русским фамилиям нравилось. В ночь с 24 на 25 ноября 1741 года дочь Петра I Елизавета с преображенцами явилась во дворец и арестовала правительницу вместе со всей её семьёй. Наутро был объявлен манифест о восшествии на престол императрицы Елизаветы. Вскоре, убедившись, что Генерал-Берг-директор в казну прибыли приносить не собирается, императрица прикрыла «проект Бирона». Сенат своим указом от 7 апреля 1742 года восстановил Берг-коллегию, вменил ей ведение всех горных дел и забрал обратно в казну заводы у Шемберга.

Осокин, узнав об исчезновении прежних препон на Благодати, уже в мае обратился в восстановленную берг-коллегию с просьбой о благодатской руде и также о позволении достраивать Салдинский завод. Больше года Петр Игнатьевич ждал ответа. Указ вышел только в октябре 1743 года. Тут злую шутку с заводчиком сыграла его заявка 1735 года о собственном месторождении: казна разрешила ему воспользоваться благодатской рудой, но только после того, как он начнет разрабатывать заявленное и будет видно, что руда плохая. А на Благодати, хотя место и отводят, но воспользоваться им можно будет, когда завод на Салде окончательно построит. Такой замкнутый круг Петр Игнатьевич разомкнуть уже был не в силах: шутка ли, пять лет пороги обивать с просьбами и деньги на ветер выбрасывать?

Да, Салда могла начать крутить водяные колеса раньше Кушвы и Туры, но, видимо, не судьба. Указ, при всех его нюансах, к тому же опоздал: летом того же 1743 года из-за лесного пожара большая часть построек на заводе сгорела. И Осокин окончательно ушел с берегов Салды, сосредоточившись на заводах в Предуралье.

40-е годы XVIII века. Иргинский завод. Один из первых самоваров – самовар дорожный

Очерк пятый.

Салдинские первопоселенцы

В дальнейшей судьбе завода-погорельца появляются другие люди: заводчики Масаловы, земляки Демидова. Родоначальником тульских промышленников Масаловых считается Перфилий Борисович. А основную деятельность в начале XVIII века развили его сыновья: Алексей Перфильевич (1690-е - 1746), Максим Перфильевич (1693 - 1768), Иван Большой Перфильевич, Иван Меньшой Перфильевич (1704-1777). Эти предприниматели в то время на Урале были известными. Достаточно сказать, что именно Масаловы считаются основателями Златоуста.

В 1751 году Осокин продал Ивану Меньшому Масалову за 3000 рублей погоревший завод на Салде, а именно: *«...зачатые заводские и хоромные строения, нарубленные дрова, открытый рудник и право на пользование благодатской рудой»*. В своем заявлении Берг-коллегии Петр Игнатьевич объяснил уступку завода *«причиной наступающей старости и случающимися болезнями»*. Но право на приписанных к этому заводу крестьян Осокин оставил за собой. Масалов по такому поводу обратился в Берг-коллегию с жалобой, что-де у Осокина и так

Петр Иванович Шувалов

крестьян много, а у Масаловых лишних нет. Только на жалобу Ивана Меньшого, как и на заявление о переходе Салдинского завода к новым владельцам канцелярия никак не отреагировала. Причина стала понятна позднее.

Указом сената 5 марта 1754 года Гороблагодатские казенные заводы и Благодать были отданы казной за будущие прибыли генерал-аншефу, генерал-адъютанту, действительному камергеру, лейб-гвардии подпоручику и кавалеру графу Петру Ивановичу Шувалову. Одних титулов было достаточно, чтобы понять: конкурентов на Благодати ему нет, и не видать Масаловым возможности пользоваться купленными

правами на Салдинский завод, в том числе, на право пользоваться благодатской рудой.

И снова, как при передаче горы Шембергу, горные чиновники приехали с инспекцией на Салду. Что же там увидели берггешворен Лодыгин, шихтмейстер Москвин и управитель Попов? *«На месте, расстоянием от Кушвинского в 28 и Верхнетурина завода в 25, а от казенной Ослянской пристани – в 83 верстах, где наперед сего заводчик Осокин начал строить завод; при том заводском месте имеется построенных его Осокина пять квартир и бревен из соснового лесу нарублено им Осокиным немалое число лежит по берегам и в лесу, и от лесного пожара обгорели и от долговременного втуне лежания и погнили; да ниже того места по той же реке в полутора верстах порублено на угольные дрова соснового и березового лесу немало, коих дров имеет быть около 200 сажений кубических меры, из которых березовые совсем сгнили и негодны, а сосновые весьма дряблы, разве около половины может выбраться на угольное жжение, только из тех уголь за одряблением настоящего жару, как бы из свежих дров, давать не будет; однако бросить их вовсе не надлежит. Оной дровосек означенный Осокин, не расчистя прежде прудового места и не имея еще в строении заводском ни малейшего заведения, как видно производил только для одной расчистки под пашни мест, и тако им Осокиным как в оном дровосечном, так и на показанном заводском месте, лесу погублено не малое число (коим почти целый завод построить было можно) напрасно. В том самом заводском Осокина месте – плотине и заводскому строению быть хотя и удобно и к довольству потребных к заводскому содержанию сосновых лесов близко, токмо тут река Салда водою скудна, так что по ординарному ея течению более действуемых трех молотов не поднимет».* Ни амбаров, ни кирпичного сарая и других сооружений, описанных в 1739 году Алексеем Андриановым, инспектирующие уже не увидели.

Через год, в 1755-м, шихтмейстер Москвин по приказу Шувалова закончил межевание заводских лесных дач вокруг Благодати, и сделано это было впервые, скорее всего, без учета прежних отводов, сделанных еще Куроедовым и Бекетовым. И надо же было такому случиться, что восточная граница округа гороблагодатских заводов прошла фактически по масаловскому заводу: от реки Тагила, а точнее от устья Нырвы, по этой речке до ее вершины, затем переходила на вершину Нивы, вниз по ней до устья, далее – вдоль берега Салды, вниз по течению, и до впадения справа в Салду Выи.

От Шувалова Масаловы никаких разрешений не дождались: ни на руду, ни на лес. Но, надеясь на лучшие времена, все же не исключали завод из документов на общее владение, пока козни, которые чинил Масаловым Шувалов не только на Салде, но и в других местах Урала, не осложнились вспыхнувшим скандалом среди братьев. Летом 1755 г. Иван Меньшой обратился в Берг-коллегию с жалобой на Максима Перфильевича, обвинив его в присвоении денег с общих выручек. В

ответной жалобе в Берг-коллегию Максим обвинил Ивана Меньшого в самоуправстве, а сын умершего к тому времени Алексея Иван добавил масла в огонь скандала, обвинив дядьев, что те не делились с ним, с его братом Григорием и матерью Пелагией Родионовной прибылью с заводов. Имущество Масаловых, бывшее до этого нераздельным, после жалобы Ивана Алексеевича распределилось по жеребьевке именным Указом. Так имущество на нашей таежной реке досталось по жребью сыновьям Алексея – Ивану и Григорию, а с 1760 года Салдинским заводом стал единолично владеть Иван Алексеевич. Только прибыли он от этого владения не получал.

Шувалов же, имея рассрочку в уплате за заводы и металл, до самой своей смерти в 1762 году не внес в казну ни копейки. Его сын в 1763 году ходатайствовал, чтобы Гороблагодатские заводы вновь были взяты в казну. Казалось бы, что черная полоса для Салдинского завода закончилась и Масаловым можно вернуться ко всем хлопотам перед Кабинетом. Но в результате проведенных перемежеваний казенной лесной дачи в 1777 и в 1778 году с демидовскими лесами вдоль Тагила прежний отвод Бекетова и территория завода Масаловых вошли целиком в состав Гороблагодатского округа.

Замежеванный погорелец, без леса и руды, без перспективы когда-либо заработать, все это время числился во владениях тульского заводчика. Последний раз упоминание о салдинской сироте есть в прошении И. А. Масалова в берг-коллегию в 1779 году, чтобы все вернулось к ситуации 1738 года: и леса до Ясьвы, и руда с Благода-

Просека к новому заводу

ти. Прошение осталось не удовлетворено. И Масаловы с Салды тоже ушли. А ей так и не довелось крутить заводские колеса, словно предчувствовала, что ждет ее другая судьба.

История строительства Осокинских заводов говорит о том, что с первых дней открытия Благодати наш край осваивался наравне с другими районами вокруг рудоносной горы. И осваивали его тоже приписные крестьяне, как на Кушве и Туре. Из документов того времени известно, что к Салдинскому заводу Осокина были приписаны 333 души села Сретенского, с деревнями Кулаковой и Моргуновой, и 867 душ из Медянского острога Пермской губернии.

Если мастеровые и работные люди жили при заводах, как казенных, так и частных, постоянно, то приписные крестьяне прибывали из своих сел, слобод и деревень на время. Жили в землянках и шалашах, использовались, как правило, на вспомогательных работах: строили, перевозили продукцию и сырье, рубили и сплавляли лес, выжигали уголь, отрабатывая тем самым подушную подать. Возможно, именно приписные из названных сел и деревень весной 1738 года прибыли на берега Салды и начали валить лес на месте будущей стройки. Они же под руководством приказчика Ивана Швецова построили первые заводские сооружения ниже устья Нивы. Здесь не появились постоянные работники - мастеровые, потому что этот завод летом 1743 года, не начав работать, частично сгорел, и строительство его Осокин прекратил, а Масалов не продолжил.

Осокин и Масаловы ушли, но остались люди, вольные крестьяне, строившие завод, не все же были приписными. Еще в 1736 и 1737 гг. на строительство Гороблагодатских заводов было разрешено *«ко оным заводам ради поспешания и окончания строения тех заводов принимать для поселения по рекам Туре и Кушве из вольных пришлых дворянских и монастырских крестьян, и чтоб они приискивали себе для того места, и селились при оных заводах в 20 верстах»*. Обратите внимание на строки в донесении Лодыгина, Москвина и Попова: *«Оной дровосек означенный Осокин... как видно производил только для одной расчистки под пашни мест»*. То есть ниже по течению устья Нивы были очищенные от леса участки, пригодные под пашню. Здесь и появилась деревня Салда или как ее еще называли Кутькина. Ее можно считать ровесницей Кушвы и Верхней Туры. Сегодня мало что напоминает обжитое место, а еще сто лет назад здесь было 39 дворов, в них жителей - 450 человек. Стояла православная часовня и дети ходили в

Изба-домница

Осоко-Александровский карьер сегодня

земское училище. Население занималось земледелием и вспомогательными заводскими работами в Кушве и Верхней Туре, заготовкой дров и выжиганием угля, «пытали счастье» на приисках. (По сведениям 1908 года Верхотурской земской управы).

Но вернемся в год шуваловского межевания заводских лесных дач. Если не брать во внимание эпопею на Салде с заводом-погорельцем, то 1755 год можно считать началом использования лесных ресурсов нашего края. По результатам того межевания граница между лесными дачами Кушвинского и Верхнетуринаского завода прошла по речке Кушайке, и оба завода начали организовывать углежжение на нашей территории. Остались дороги, которые появились при попытках Осокина построить заводы, и дороги эти, так или иначе, вели к горе Благодати. И благодаря им, в междуречье Ясьвы и Салды появились первые кушвинские углежоги, кроме того, недалеко от устья Ясьвы начали добывать известняк для домен, а из Буксиной возить огнеупорную глину.

Главным строительным материалом и единственным топливом в то время была древесина. Для заготовки ее и для выжигания угля требовалось большое количество работников. При Шемберге Гороблагодатские заводы имели 3106 душ приписных крестьян, а Шувалов получил еще 16132 души. Объем работ, который они должны были отработать на заводах, определялся размером подушного оклада, не-

уклонно возрастающего. Между тем, расценки на выполняемые работы, так называемые «плакатные ставки», установленные Указом от 13 января 1724 года, оставались уже три десятилетия неизменными. Для того, чтобы отработать подушный оклад, приписным крестьянам требовалось затратить конному – 20-30 рабочих дней, пешему – 38-40. В действительности приписные отработывали подушный оклад не менее четырёх месяцев в году, так как раскладка производилась на общее число ревизских душ приписного населения. Годные к работе отработывали за больных, увечных, престарелых, забранных в рекруты, за беглых и умерших до переписи.

Так, например, из общего числа приписных в 1755 году к Кушвинскому заводу только каждый четвёртый мог выполнять работу. Соответственно, он и отработывал за четверых. И всё равно за крестьянами оставались недоимки.

Волнения приписных крестьян графа Шувалова в 1761 году были подавлены силой. В декабре 1762 года, возмущённые порядками приписные крестьяне Кушвинского завода, оставили положенные работы в лесах и уехали по домам, за что были жестоко наказаны.

Выступления с протестом приписных крестьян несколько облегчили их участь. Новому начальнику Гороблагодатских заводов Ирману предписывалось не налагать на крестьян работ сверх подушного оклада и не вызывать их в летнее время, дрова на заводы заготавливать весной, а руду вывозить зимой.

Но эти померы не удовлетворяли крестьян, и они продолжали жаловаться на горное начальство. И наконец, в мае 1779 года Екатерина II подписала документ, регулирующий жизнь этого сословия.

Приписным к казенным или к частным заводам крестьянам предписывалось исправлять, как прежде, следующие заводские работы, а именно: Рубка куренных дров. Разломка куч и перевозка из куреней на заводы угля. Рубка дров для обжига флюса. Перевозка с рудников добытой готовой руды на заводы, а также песков и всяких флюсов, потребных к проплавке руд. Строительство и починка плотин в том единственном случае, когда те плотины будут повреждены при наводнениях или пожаре.

Запрещалось под страхом наказания требовать иных работ при заводах, добровольно же наниматься крестьянам не запрещалось.

Детально были расписаны действия заводской администрации:

«1-е) Наряжать к рубке дров тех крестьян, кои от заводов далее других жительствуют, дабы они, будучи уже от конных работ свободны, не имели нужды завозить с собою лошадей иных, как только сколько им самим потребно на привоз собственного прокормления. (Для справки: в наших местах работали приписные крестьяне из слобод Ирбитского уезда).

2-е) К рубке дров крестьянам быть на месте к 15 февраля, ранее сего в работе сей их не высылать. Домой им возвращаться к 20 апреля, поз-

же сего при работе сей их не удерживать, под опасением за то и другое взыскания, ниже сего в седьмой статье означенного.

З-е) Наряжать к вывозке выжженного из кучи угля, также руд и флюсов, тех крестьян, кои от заводов ближе других жительствам, первым зимним путем; ранее же сего к работе сей их не высылать. Домой им возвращаться зимним путем; позже же сего при работе сей их не удерживать под опасением за то и другое взыскания ниже сего в седьмой статье означенного...».

Прошло еще почти тридцать лет, пока не появился Указ от 9 ноября 1807г. отменивший приписку крестьян к горным заводам. И возникла новая категория рабочих. От каждой тысячи приписных крестьян выбиралось 58 мужчин не старше 40 лет, которые вместе с семьями направлялись на горные заводы, рудники и прииски, где обзаводились жильем, получали за труд твердое жалование, бесплатный хлеб и освобождались от податей.

Приписные крестьяне становились неременными работниками, из них, а также рекрутов и ссыльных формировалось население Кушвы, Верхней Туры и окружающих их деревень.

Последний владелец завода на Салде Масалов никак не отметился в истории края, а от Осокина хотя бы остались названия на карте. Недалеко от речки Черной есть возвышенность, которую называют Осокиной горой. Южнее ее находится Осокино-Александровское месторождение железных руд, в 1846 году Кушвинскому металлургическому заводу был выдан «владельный план» на его разведку и разработку. Так почти через сто лет руда, заявленная Петром Игнатьевичем, попала в домы. Кстати, разрабатывался только Александровский участок, содержание железа здесь было действительно ниже благодатской - меньше 30 процентов, а Осокинский участок так и не тронули из-за низкого содержания железа. Добыча на руднике прекращена в 1997 году. Остался затопленный живописный карьер.

Но вернемся в начало XIX века, когда закладывалась экономика нашего района, те «киты», на которых она держится и поныне.

Часть II.

Очерк шестой.

Руда без угля – просто камень

Началом использования лесных ресурсов нашего края каждым заводом на отведенной отдельной даче для заготовки дров и стройматериала можно считать шуваловское межевание заводских лесных дач в 1754 году, если не брать во внимание эпопею на Салде с заводом-пгорельцем. Хотя с первых дней строительства заводов при расчистке места под цеха, поселок и ложе пруда часть вырубаемого леса уже шла на заготовку угля для горнов и домен. По результатам того межевания граница между лесными дачами Кушвинского и Верхнетуриинского завода на территории нашего края прошла от речки Половинки к Кушайке, по ней до устья, затем по Салде вверх до самой Злыгостевой (Буксино). Правобережная тайга отошла к Кушве, а левобережная – к Верхней Туре. И так сложилось, что к развитию лесного хозяйства в нашем краю больше усилий в своей даче приложил Верхнетуриинский завод.

Территория после двадцати лет освоения была уже не такой непознанной. В Кушвинской лесной даче от попыток Осокина построить заводы на Салде остались дороги, и дороги эти, так или иначе, вели к

Кучонка - кучной вид приготовления древесного угля

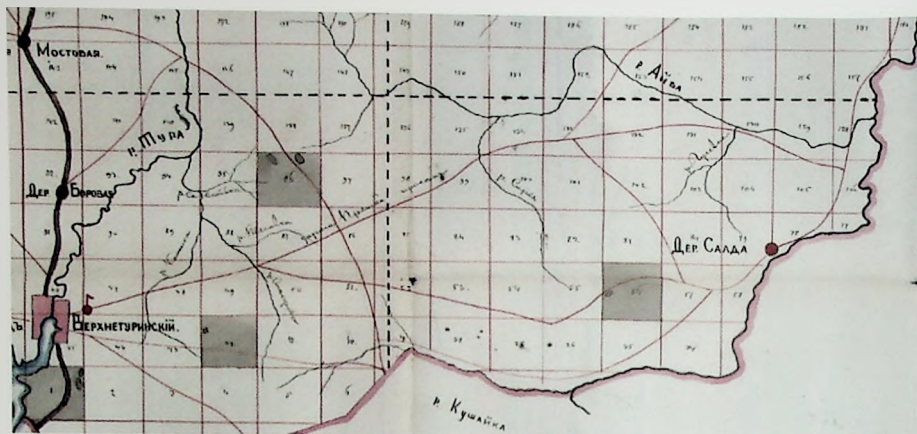
горе Благодати. И благодаря им, в междуречье Ясьвы и Салды задымались курени кушвинских углежогов, кроме того недалеко от устья Ясьвы начали добывать известняк для домен.

В Верхнетуринской даче появилась даже главная дорога – «Прямой просек», которая действительно была прямой от завода до речки Айвы. На нее выходило несколько ответвлений, дороги с куреней. А из Буксиной повезли огнеупорную глину на оба завода. Кстати, буксинская дорога и единственная деревня (Салда-Кутькина) на этом пути на много лет вперед определили развитие лесных дач преимущественно на восток.

После организации Гороблагодатского горного округа заведовать заводскими лесами в нем стал чиновник в должности форстмейстер с подчиненными ему заводскими форстерами, с 1827 года они стали именоваться окружной и заводские лесничие.

Вернувшись в казну от Шувалова, оба завода начали организовывать углежжение на нашей территории каждый для себя. Необходимо сделать отступление и рассказать об этом виде заводских работ. Без угля, как известно, руда – просто камень.

Порядок заготовки дров на Урале был установлен ещё со времён Виллима де Геннина. Было заведено, что на рубку леса приписных крестьян созывали к 20 марта. Реально работа начиналась с апреля, потому что глубокий снег не позволял подбираться к стволам так, чтобы не оставлять высоких пней. Рубка продолжалась весь апрель, чтобы в мае отпускать крестьян на посевную. Позже окончание заготовки приуро-

Часть Верхнетуринской дачи

чили к началу страды, к Петрову дню.

Заготовка дров заключалась в валке деревьев, очистке их от веток и сучьев с последующим распилом на поленья определённой длины. С поленьев - «ёлтылей», также снимали кору - «облысывали». После этого поленья складывали для просушки в вентилируемые поленицы, в виде пирамид - «скоростен». Для просушки выбирали сухое, возвышенное место. Сушка продолжалась в течение полугода. Оптимальной считалась средняя степень просушки - слишком сухое дерево быстро обугливалось, в результате чего сильно угорало и давало лёгкий уголь, а из влажных дров уголь получался трещиноватый. Приступали к выжигу угля осенью.

Существовало несколько способов приготовления древесного угля, в кучах, печах и самый простой - ямный или «майданный», который появился на заре древесноугольной металлургии. Он предполагал использование углубления в земле, куда укладывались поленья особым способом, поджигались, а воздух к костру подавался через специальные деревянные продухи, вторым концом выходившие в соседние ямки на уровень немного ниже уровня основной ямы, которую покрывали сверху дерном или влажной глиной. Этот способ давал небольшой процент готового продукта, был продолжительным по времени (не один десяток дней) и требовал постоянного контроля со стороны человека.

Второй способ - вид кучного, «кабаный». Тоже несовершенный, с опасной для углежога технологией укрощения кучи. По мнению специалиста в куче-«кабане»: «а) переугливается слишком толстый лес, отчего поверхность его сгорает прежде, нежели жар проникает внутрь поленьев; б) переугливается лес, содержащий в себе значительное количество воды, вследствие чего появляется в кабане много водяных паров, которые при дальнейшем нагревании, если не найдут для себя выхода,

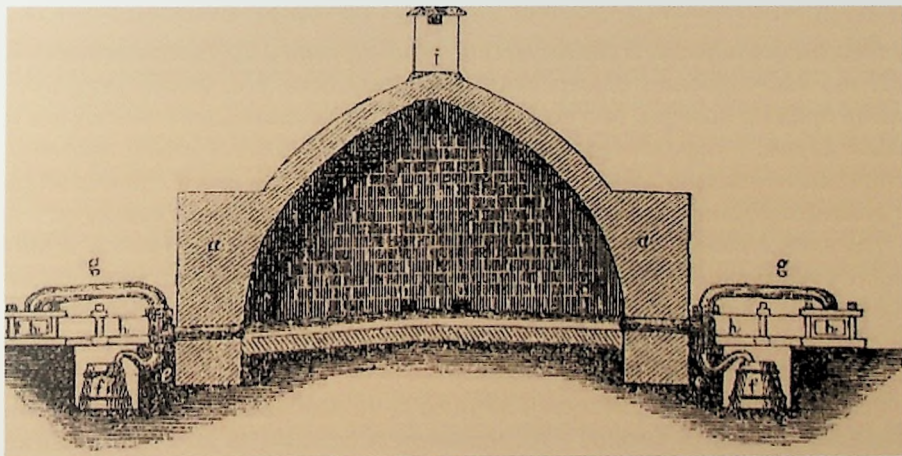
производят взрыв и расстройство в земляной покрывке; в) требуется кормежка, т.е. лишний расход дров; г) внутри костра образуются пустоты, влекущие за собой несчастья с людьми, - обжоги и даже смерть; д) уголь получается мелкий и от взрывов и провалов – перемешанный с землей; е) угля получается по объему почти вдвое менее против кучного способа;...Кстати, урочище Кабан, где при советской власти находился лагерь красноуральских пионеров «Березка», называлось так, вполне возможно, именно из-за куреня углежогов-«кабанщиков».

Обычный, традиционный, уральский, дошедший до XX века кучный способ углежжения, очевидец процесса описал так: «Работа была в полном разгаре. Одну кучу ещё складывали, две были в огне, третья остывала. Её подламывали внизу, чтобы выгрести готовый уголь».

Куча складывалась так. На сухом ровном месте намечали центр кучи и вбивали здесь четыре кола. Они образовывали будущую трубу. Вокруг кольев укладывали ярусами дровяные плахи, чтобы получился круглый костер – вроде каравая хлеба. Кучи плотно покрывали хвоей и ветками, обсыпали землей и плотно упрямбовывали, чтобы не проникал воздух.

Костер зажигают через трубу, туда спускают горящую бересту и мелкие дрова. У основания пробивают отверстия, чтобы через них тянул в кучу воздух. Часть дров горит, не разгораясь из-за недостатка воздуха. Развивающийся жар превращает остальные дрова в уголь. Специалисты зовут это сухой перегонкой древесины. Когда нижний слой дров переуглится, огонь переводят выше. Для этого отверстия забивают и делают другие – повыше. Так доводят переугливание до верха кучи. Тогда все отверстия забивают. Уголь готов. Его надо только остудить и выбрать из кучи.

Кажется, все просто, но огонь остается огнем, и управление им требу-

Печь системы Шварца (в разрезе)

Гороблагодатскій способъ.

Въ концѣ 30-хъ годовъ на Гороблагодатскіе заводы были командированы съ другихъ казенныхъ заводовъ куренные мастера. Мастеръ Златоустовскихъ заводовъ, изучивъ тамонній способъ углежженія и позитивившись въ свои заводы, допесли, что Гороблагодатскій способъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) *По рубкѣ куренныхъ дровъ.* Рубка дровъ производится тамъ изъ самаго лучшаго пряморостущаго лѣса, и именно: изъ еловаго, пихтоваго и кедроваго; березоваго же лѣса весьма мало, такъ что всѣ дрова состоятъ изъ однихъ только стволовъ лѣса; вершинъ или сучьевъ почти вовсе нѣтъ, а хотя и изъются отчасти при першинахъ деревьевъ, но по товкости своей, не вырубаясь на дрова, складываются въ кюстры, и такъ по складкѣ дровъ, сучьевъ бываетъ недостаточно для равенія поверхности кучи, и при толкѣ таковой лѣсъ качественно весьма мягкій и болѣе способенъ къ рубкѣ и колкѣ на мезкія части; равно и въ скорѣйшему пореугливанію, слѣдовательно и къ большому выходу угля. Мѣра дровъ со здѣшняго по показанію однихъ одинакова, а по показанію другихъ различна, какъ то мастеровъ Саткинскаго завода, и именно: полѣвнина кладутъ плотице по прилизвѣ лѣса; съ лицевой стороны въ вышину 8 четвертей, имѣсто $7\frac{1}{2}$ четв. и съ задней отъ 8 до 9 четвертей, изъ которыхъ заключалось сучьевъ весьма малое количество; длина сажени вѣсь и здѣсь 56 четвертей, длина полѣвнень также 7 четвертей безъ отступа, во колотья молкаго, отъ чего дрова плотице въ полѣвницѣ; дрова кладутся въ полѣвницу туяками въ одну сторону, т. е. по которой и рубятся. Качество лѣса различно отъ здѣшняго, который не изъется той ропности и чистоты какъ въ Гороблагодатскихъ заводахъ и на рубку куренныхъ дровъ здѣсь по необходимости употребляется буелѣшникъ, перьяшникъ, самосушикъ, вообще оставшіяся послѣ порубки строеваго лѣса, суковатый, песчовыйкъ къ колкѣ, дающій много сучьевъ. 2) *По кладкѣ дровъ въ кучи.* При Гороблагодатскихъ заводахъ всѣ вообще дрова и ва

Описание местного способа углежжения

ет большого навыка. В одном месте он замирает, в другом разгорается, где-то надо пробить отверстие, где-то закрыть его, чтобы регулировать приток воздуха. Местами угольный газ смешивается с воздухом и дает взрыв, в образовавшиеся отверстия вырываются языки пламени. Надо моментально засыпать прорыв землей, забить хвоей – иначе огонь с гуденьем расширит отверстие, охватит дрова и сожжет всю кучу.

Тяжелая опасная работа. Надо быть все время начеку. Нельзя оставить кучу без надзора. Надо вовремя утрамбовать покрывку, чтобы не пустить в кучу воздух. При большом взрыве трудно справиться одному. А если взрывы произойдут в двух кучах одновременно? Бывают ожоги, а случалось, жигарь погибал в огне».

Вся операция с одной кучей занимала 82 дня. Шестнадцать дней на укладку, двадцать четыре – на дернение и осыпку, 42 дня – на жжение и разломку.

На нашей территории существовал и свой особый, Гороблагодатский

способ, тоже кучный, но отличался от других мест тем, что при рубке куренных дров заготавливался самый лучший, пряморастущий лес, которого в наших местах было предостаточно. Из ровных дров куча укладывалась плотнее, уголь выходил с минимальными потерями и хорошего качества. Курени, как правило, располагались на ровной поверхности, и была наиболее пригодная для «осыпки» кучи супесчаная земля.

Курени кучного жжения на одном месте не задерживались, а двигались вслед за лесосеками. Лесные ресурсы беспрерывно поглощались металлургическим производством. Для выплавки одной тонны чугуна вырубалось 10 гектаров леса. Система рубки была такова, что оборот древесины, т.е. время, через которое можно возобновлять рубку леса, составлял 60–100 лет для смолистых и 18–20 для мягких пород. Рубка должна была производиться таким образом, чтобы ежегодный прирост компенсировал количество вырубленного леса, и производилась «площадками», расположенными вокруг завода в шахматном порядке так, чтобы среднее расстояние перевозки угля было бы примерно одинаковым.

При заводах в Кушве и Верхней Туре начали появляться капитально построенные печи системы Шварца, которые в отличие от покрытой дерном кучи, обеспечивали более высокое качество угля, позволяли существенно снизить трудоёмкость процесса и упростить технологию. Уголь здесь не залеживался и тотчас поставлялся в домны. Наконец, сводился к минимуму риск для жизни и здоровья углежогов. Но подвозить лес к заводским печам гужевым транспортом все же было дороже, нежели возить готовый уголь из куреней. И реки в нашей местности текли в обратном направлении от заводов, - сплав к месту углежжения был невозможен.

В лесных куренях уголь хранился в сараях в течение всего лета.

С наступлением зимы, по Прямому просеку и Ясьвинской дороге, когда устанавливался санный путь, уголь вывозили на заводы, где в сараях вместимостью до двух с половиной тысяч кубических саженьей (25 тыс. куб. м.) создавался запас на летний период. Возили в коробах, плетеных из ивового или черемухового прута. Размеры короба по Указу Пермской казенной палаты от 15 сентября 1782 года для возки угля двадцатипудовой пропорции были установлены следующие: *«в вышину полтора аршина до верхних брусков, сверху длиной три с половиной аршина шириной полтора аршина; внизу длина три аршина, ширина три четверти аршина»*. Короб перед засыпкой в домны в своем количестве дробно подразделялся еще на 24 «решётки». Все короба в начале перевозки угля проверялись углеприемщиками, которые осматривали их, а измеряли количество помещающегося в них угля. Фиксировали объемы короба заводскими пломбами, которые ставили на длинные прутья, скрепляющие длинные бока короба поперек.

Всё предусмотрел в своём наставлении генерал де Генин, и качество

угля тоже: «Уголь от лесного надзирателя при фабриках на заводе принимать указными коробами клеймеными, чтоб были полны, и уголь добрый, хрушкой, а не мелкой, без мусору и грязи. И при приеме велеть смотреть накрепко, чтоб в нем искр огненных не было, от которых, ежели не усмотреть, по привозе на завод великой вред нанеситься может...».

Древесный уголь по сортам – породам различался так: наиболее ценный – березовый, далее – «сметничный», т.е. из смешанного леса и хвойный, из которых на первом месте был чисто сосновый, затем пихтовый и еловый.

Учет угля велся следующим образом: контора выдавала каждому углежогу билет. Мастер в курене записывал количество коробов и породу угля, отпущенного возчику. Тот на заводском складе получал от приемщика угольные печатки – металлические бирки-жетоны, на которых так и было выбито количество сданного: «короб» или «полкороба». Породы угля отличались цветом и формой жетонов, они были медные, оловянные и железные, а по форме: квадратные, продолговатые и эллипсовидные.

Разгрузившись, возчик передавал эти жетоны куренному надзирателю, который записывал количество сданного угля в шнуровую книгу и отмечал в билете углевоза принятый уголь. Было время, когда жетоны – бирки углежог напрямую превращал в заводском магазине-складе в пищу и одежду. На нашей территории такие угольные печатки могли быть у жителей деревни Салды, которые в массе своей занимались углежжением. К этому времени приписные крестьяне стали непременными работниками. Из них, а также рекрутов и ссыльных сформировалось население Кушвы, Верхней Туры и окружающих их деревень. Люди стали специализироваться в своих занятиях, в том числе в углежжении. Так формировались куренные мастера.

Со временем менялось лесное хозяйство. С 1830 года горнозаводские леса перешли в полное подчинение главного начальника Уральских горных заводов. В 1839 году была введена должность главного лесничего Уральских горных заводов. Первым и самым известным главным лесничим был полковник Иван Иванович Шульц. Свою службу он начал фортмейстером в 1812 в Гороблагодатском округе. На всем пути до высокой должности он ставил перед собой главную задачу: рубить так, чтобы лес возобновлялся. Придуманые им «узкие деляны» для чере-

Угольная печатка
Верхнетуриинского завода

дования рубки спасли уральские леса от промышленного уничтожения. Это Шульц, выполняя инструкцию министра финансов Е.Ф.Канкрин, инициировал в 1832 году начало обследования, учета и составления карты уральских лесов. Каждая лесная дача (и наши две тоже) вначале делилась на четыре части просеками в направлении север-юг и запад-восток. Полученные четыре подлесничества делились на объезды и обходы. Семь лет без перерыва работали межевщики, горные землемеры, таская мерную цепь, намечали квартальные просеки, производили съемку лесов. Следом шли лесорубы, оставляя за собой просеки. Квартальная сеть в наших двух дачах устраивалась через две версты. Благодаря настойчивости Шульца и исполнительности экспедиций появились планы наших двух дач и ещё почти сотни уральских лесных дач, расчерченных просеками. На пробных десятинах была проведена таксация. Урал стал местом первого отечественного лесоустройства.

Шульц продолжил татищевское отношение к заготовке леса. Командор ещё во время первого приезда на Урал составил «правила сбережения лесов». Например, запрещалось рубить «сырорастущий» лес в радиусе пятнадцати верст от завода на дрова для отопительных целей, а также на строительство жилья. Запрещалась рубка молодого леса. С целью экономии Татищев предложил применять вместо теса (отесанных топором бревен), плахи и доски, изготавливаемые на водяных лесопилках- «пильных мельницах». И Шульц, чтобы исключить перевод большей части ствола в щепу при его валке с помощью топора, внедрил пилы собственной конструкции. А с помощью шульцевских семенных сушилок и сеялок уже в середине XIX века появились в наших местах первые сосновые посадки.

При Шульце в наших дачах появилась лесная стража. Дачи были разбиты на участки, объезды и обходы. Для непосредственной охраны объезда (участка леса для конной охраны) назначались объездчики. На каждом заводе было назначено по штатам не более пяти объездчиков. Из них всегда назначался дежурный в самом заводе. Объездчикам подчинялись лесные сторожа, отвечавшие за обходы (участки леса для пешей охраны). Жили лесные сторожа чаще всего на кордонах, ближе к охраняемому участку, где стражники селились со всем семейством в казенном доме, им отводилось 30 десятин на семью, семья освобождалась от податей. Дети с юных лет уже считались на отцовской службе и приучались к ней. Лесная стража казне служила ревностно, имела право не только носить на службе оружие, но и применять его против самовольных порубщиков.

На наших дачах еще в XX веке были известны кордоны: Выйский, Вогулка, Пряньковский, Мариинский. Последний до сих пор обозначен на областной карте, хотя уже следов от него на речке Ясьве не осталось. А самая длинная лесная дорога в даче – «Прямой просек» шла через Выйский «стражнический» дом до Буксиной.

Дома сторожей строились поблизости к дорогам и местам углежье-

ния. Большое значение имело выбранное для угольных куч место. В нашей тайге было трудно найти новое сухое, с толстым дерном и не каменистой почвой для осыпи. В старых куренях можно было продолжать выжигать, но подвоз дров из дальних лесосек и отсутствие поблизости нужного дерна удорожал себестоимость угля. Поэтому в конце XIX века в округе углежжение все реже осуществлялось в кучах, а больше в выстроенных ближе к лесосекам «томительных» печах. Первые печи появились ещё в семидесятых годах. Такие места стали называться «углевыжигательными заведениями». В конце девятых в наших дачах действовали печи конструкций Соколовского, Шварца и Пятницкого. Старались ставить печи в березовых массивах, поскольку березовый уголь был наиболее ценный для домен и окупал затраты на печь. Большой березовый массив был за речкой Выей, где стояли Выйские угольные печи

Возможно, к этому времени исчезли «вахтовые» землянки приписных возле куреней, а появились избушки углежогов на несколько семей возле печей. В большей мере это было в Верхнетуриной даче, потому что с верховьев Салды лес, в основном, поленьями везли на гору Благодать обжигать руду.

В 1903 году площадь этой дачи составляла 90644 десятины. Её охрана состояла из семи старших объездчиков (известны фамилии: П.Н. Старков, А.М. Филистеев, Я.Г. Оборин, Н.А. Шаламов, Р.Ф. Переяслав, Н.Д. Кайгородов, И.В. Березин) и 14 младших (известны фамилии: Л.Д. Анкудинов, М.Г. Черепанов, И.В. Токалов, А.Н. Березин, И.И. Баранов, А.И. Селиванов, С.А. Березин, В.Д. Шибаетов, Т.М. Злыгостев, В.П. Кузнецов, Я.П. Маслов, Рейнгольд Петерсон, М.Е. Новопашин, А.С. Кучин). Активно шли посадки леса. В насаждениях ели и пихты установился 120-летний оборот рубки, березы и осины – 70 лет, а лиственницы и сосны – 140. Только в Верхнетуриной даче работали 12 углевыжигательных печей. В 1909 году появились печи на Сорье и на участке «Межень» и вскоре на углевыжигательных заведениях Чирок и Бородинское.

Короб печного угля стоил от 2 рублей 38 копеек до 2 рублей 65 копеек, тогда как короб кучного был в цене от 2 рублей 76 копеек до 3 рублей 51 копейку. Дрова для завода поставлялись по цене 6 рублей 30 копеек за кубическую сажень. Для сравнения: мука ржаная стоила три рубля за пуд; соль - три копейки за фунт; сахар - 28 копеек за фунт; мясо - сорок копеек за фунт; картофель - 1 рубль 80 копеек за пуд; керосин - 10 фунтов на рубль.

Развитие лесной дачи упиралось в отсутствие хороших дорог.

Дорогу в жизни человека сравнить не с чем. Ведь даже сама жизнь сравнивается с путем. Так и говорят: «Его жизненный путь». А для людей, живущих в тайге, где нельзя, как в степи, идти прямо и в любом направлении, дорога важна и нужна.

Дороги в прежние времена, тем более в тайге, редко строили, они каким-то образом сами возникали. Разве что та самая, по которой

изъ этого поучения за работу
по условию 270 рублей это летняя
работа за время поучения. Везде
поденных приисходитъ у насъ

вотъ развѣстимъ

Мушкетъ поденныхъ

Денежныхъ

Фривъ почитать куре

отъ нашева села 10 верстъ 1.

делалъ избушку 4.

руба дровъ человекъ

покажетъ нарубить въ

день 1/4 куба 40.

место чистилъ прокуро 1.

кладки полукурки 4.

вернитъ полукурки 2.

осыпалъ земляей 3.

Два жидка припасу при 4.

Женѣе курки онъ жидка

день и ночь 1/2 сутка 24.

ложка полукурки 5.

отъ караситъ уголъ

двоемъ потому что дѣл

и ночь нужно 7.

запровизией провезу 10.

42.

Вернитъ полукурки 2.

осыпалъ 3.

два припасу 4.

ложка полукурки 5.

отъ караситъ 7.

Мушкетъ поденныхъ всего — 108.

Женѣе жидка всего — 18.

и все время лошадей

принимъ поденныхъ лошадей 108.

итого — 225 поденныхъ

и заработка по условию за этотъ

периодъ всего — 270 рублей

у насъ приходится вкупу

Татищев на место будущего Верхнетуринского завода приезжал верхом, выбивается из общего ряда. Её прямо перед командором горные ученики прорубали. Но есть в истории здешних мест еще одна дорога, которая строилась почти десять лет, и связано с ней немало человеческих судеб.

К началу XX века Верхнетуринский завод, как и Кушвинский, ощущал острый недостаток топлива. Было принято решение вовлечь в эксплуатацию слабо используемые лесные массивы восточной части Верхнетуринской лесной дачи, где предполагалось создать центральный район углежжения. Речным путем топливо и уголь на завод поставить было невозможно: все реки текли на восток или север, поэтому было решено построить узкоколейную железную дорогу.

Изыскания трассы и площадок начались ещё в 1900 году. Строительство открылось в 1913 году. Начало мировой войны ускорило работы, но вплотную к строительству приступили в 1917 году. Дорога сразу строилась, как узкоколейная, лесовозная, но колея была не 600, а 1067 мм. Дорога должна была соединить с Верхнетуринским заводом углевыжигательные заведения: Сорья, Межень, Чирок, Бородинское, Ржище, Серебрянское, Юрьевское, Вогулка, Спусковое и деревню Буксино.

Паровозы предполагалось иметь мощностью 120 л.с. Они должны были тянуть состав из 12 вагонов по тысяче пудов каждый.

Большую массу строителей и лесорубов составляли военнопленные и китайские рабочие. Например, на строительстве пути в списке рабочих с русскими фамилиями перемежались и такие: Хо-то-су, Цай-цзынь-фами, Цой-фин-шэ. Больше двух десятков восточных, как бы сейчас сказали, гастарбайтеров начала XX века трудились в заболоченной тайге.

Откуда появились китайцы на Урале, за тысячи верст от своей родины? После начала войны с Германией, Россия ощутила недостаток рабочих рук, а в Китае его всегда был избыток. Царское правительство разрешило въезд на работы китайским рабочим. В 1917 году в России находилось около трехсот тысяч китайцев, преимущественно мужчин-рабочих.

В начале XX века заводские отделы, занимающиеся эксплуатацией лесных дач стали называться лесокуренными управлениями. К началу строительства дороги в 1917 году штат Верхнетуринского лесокуренного управления был солидный: управляющий лесокуренной операцией, лесничий, пять помощников лесничего, землемер, девять старших объездчиков, двадцать три младших объездчика, старший куренной надзиратель, его помощник, старший куренной мастер, пятнадцать куренных мастеров, строительный мастер, техники на постройках, кладовщики, конторские служащие, сторожа. Был даже свой фельдшер и сестра милосердия, телефонисты и два монтера связи, пожарная команда и конюхи.

После отречения царя в новой демократической России в поселени-

ях появились новые органы власти: Комитеты Местного Самоуправления и параллельно с ними Совдепы. По-новому стали называться коллективы работников Лесокуренных отделов и управлений на заводах: Лесная семья. Царское Министерство тоже переименовалось в «Новое лесное общество охраны и культуры лесов и вод как народного достояния» - так длинно, но точно стало называться казенное ведомство летом 1917 года.

В Верхней Туре произошел конфликт: ревизионная комиссия Комитета Местного Самоуправления начала проверять Лесокуренное управление. Всё происходило фактически на территории нашего края, здесь находилась основная база лесокуренных операций.

28 марта 1917 года исполняющий обязанности лесничего Верхнетуринской дачи Куликов, помощники лесничего Шелегов, Корюкин, Казаков, куренной надзиратель Гробов, куренной мастер Саламатов, староста Лесной семьи Стуков, старший объездчик Оборин и член комитета местного самоуправления Бухряков обсуждали положение лесокуренного дела. И пришли к выводу, что необходимо прекратить полную настоящую анархию в куренях и на углевыжигательных печах. Для этого решили просить В.В.Ковалевского (бывшего лесничего), «как лицо, изучавшее куренное и лесное дело», дать им совет, как спасти это дело от полного развала, прекратить анархию и ввести дело в надлежащее русло.

Ковалевский им сказал: *«Мы приняли присягу Временному правительству и потому все должны оставаться на своих местах и твердо делать каждый своё дело, руководствуясь существующими и вновь издаваемыми законами. Я, лично, здесь оставил свою службу ещё 1 ноября 1916 года, но как гражданин, принявший присягу Временному правительству, не считая возможным уехать до окончания ревизии лесокуренного хозяйства. И всё это время буду посвящать разработке реорганизации, которым буду делиться с вами и горным начальником».*

А пока Ковалевский предложил собравшимся задействовать больше существующий штат служащих и добавить им прав для принятия ответственных решений. Надо проверить магазины (склады), и там, где нужно, поставить особых магазинеров. Необходимо навести порядок в хранении угля, защитить его от пожаров. Чтобы не захламлять склады, продать лишний заготовленный лес.

Комитет Местного Самоуправления своим собранием 31 марта одобрил предложения Ковалевского и добавил к ним несколько пунктов:

- а) возбудить перед Совдепом об откомандировании для охраны горючего в лесу силами военнопленных и раненных солдат;
- б) все свободные и удобные поляны и места в лесу засеять силами военнопленных картофелем, луком и чесноком.

Администрация лесничества составила, а Комитет местного самоуправления утвердил воззвание к рабочим лесокуренного отдела, которое вывесили в людных местах:

«Согласно акту от 28 марта 1917 года, лесная администрация приняла на себя временное ведение и куренного хозяйства под руководством г. Управителя, как заведующего куренной операцией. Вследствие чего комитет, обращаясь к гражданам – куренным рабочим и мастерам, счетоводам при куренных мастерах, жигарям, сторожам, как при печах, так и военнопленных, и всем служащим куренного отдела, а также лесным объездчикам, с покорнейшей просьбой оказывать лесной администрации возможное содействие по упорядочиванию куренного хозяйства.

Граждане! Сплотитесь в одну лесокуренную семью и спасите куренное дело от начинающегося развала!

Без горячего как сделаешь снаряды, необходимые для укрепления нашей свободы!!!

Граждане! Мы присягнули Временному правительству, оно призывает нас всех оставаться на своих местах, и каждому делать порученное ему дело.

Комитет убедительно просит не оставлять работ самовольно, памятуя, что о вас заботятся ваши же избранники в Комитете местного самоуправления и Совете рабочих и солдатских депутатов».

Это был период анархии, когда многие исповедовали принцип: «Лес – народу! Никаких ограничений! Никакой стражи! Руби, кто хочет и где хочет!», но длился он недолго. В 1918 году лес национализировали, как и все казенное и частное имущество. 7 мая образовался Лесной отдел Гороблагодатского районного Совдепа. Комиссаром отдела назначили А.А. Саламатова. В существующий Гороблагодатский лесной округ входили кроме Верхнетуринской ещё и Кушвинская, Баранчинская, западная Нижнетурильская и восточная Илимская лесные дачи. Заведующим лесами оставили главного лесничего округа Н.У. Толочко.

В 1918 году Верхнетурильская дача из всех дач Гороблагодатского округа была наиболее подготовлена для правильной эксплуатации, как по количеству, так и по средствам транспорта. Весь уголь выжигался только в печах. 85 из них были Верхнетуринского типа, 9 – Катав-Ивановского, 2 – Шварца, 6 – Соколовского. Общая вместимость печей была 621 кубическая сажень. Годовое производство – 62100 коробов. Дров заведения потребляли 20700 кубических сажень.

Очерк седьмой.

«...Рудники мои серебряные, золотые мои россыпи...»

Во время управления Екатеринбургскими заводами берггаутманом Н.А.Шленевым в 1814 году штейгер Лев Брусницын открыл россыпное золото и доказал, что его на Урале намного больше, нежели рудного. Повсеместно была освоена технология разработки золотых песков. С этого момента Уральские заводы устремились к поискам россыпей драгоценного металла.

Не остались в стороне и заводы Гороблагодатского горного округа. В это время Горным начальником здесь был обербергмейстер Николай Родионович Мамышев. Благодаря его настойчивости, искали во всех дачах округа по геологическим признакам, ставшим общим достоянием.

Поскольку нынешние красноуральские земли входили в состав Кушвинской и Верхнетуринской лесных дач и граница между ними проходила по речке Кушайке, далее от ее устья по реке Салде, привязка природных объектов производилась к этим заводам в зависимости от того, в даче которого они находились. Левый берег Салды и

все притоки с этой стороны были в Верхнетуринской даче, правый берег и притоки – в Кушвинской. Золото искали по всему бассейну Салды, но удача улыбнулась первым верхнетуридцам, когда 10 июня 1823 года в границах заводской дачи, на восток от Верхней Туры, в 22 верстах, вдоль речки Пессянки (Пещанки), впадающей в Салду шихтмейстером Москвиным была открыта Антониевская россыпь. Здесь работа проводилась в двух местах: сначала возле речки Старицы и по ней, затем около полуверсты ниже по течению Салды на устье речки Пессянки и возле него. Золото

Николай Родионович Мамышев

этой россыпи было блестящее, но очень мелкое, редко находились самородки в один золотник. За четыре года с этого рудника намыли 21 фунт, 91 золотник и 60 долей металла.

20 июня того же года в 23 верстах уже от Кушвинского завода на небольшой безымянной речке, стекающей по довольно крутому логу в Салду, берггешворен Людвиг Грасгоф открыл Ильинскую россыпь. Длина россыпи в логу была около полуверсты и шириной 9 и более сажен. За четыре сезона было добыто 8 фунтов, 64 золотника и 4 доли блестящего и сравнительно крупного золота.

14 сентября 1823 года в 25 верстах от Кушвинского завода и в шести верстах от Ильинского прииска на небольшой речке, Грасгоф нашел ещё одну россыпь и назвал ее Крестовоздвиженской. За четыре года здесь было добыто 1 пуд, 2 фунта, 84 золотника и 16 долей металла. Постепенное уменьшение содержания, большое количество пустой породы и сильный приток воды, а также недостаток рабочих заставили остановить действие этого рудника.

Айвинскую россыпь обнаружили в апреле 1824 года, в 22 верстах от Верхнетуринского завода на реке Айве. Мы пользуемся отчетом 1826 года. К тому времени Айвинская россыпь еще не разрабатывалась, а позднее ее уже не упоминали.

11 июня 1824 года на речке Чирок в 22 верстах от Верхнетуринского завода найденную россыпь назвали Петропавловской. Разрабаты-

Кушайское болото,
в настоящее время
нагаль и производит
еще громадное количество
кладовых. Буров, фре-
испытать целую
наполнено, и в настоящее
на дне котла и т.д.

Николай Мамышев о работах на Кушайском болоте

вать ее начали в семи верстах от устья Чирка. В первое время намыли один фунт, 92 золотника и 24 доли золота.

В этом же, 1824 году шихтмейстеры Старков и Ершов в 21 версте от Кушвинского завода по логу, впадающему в Салду открыли Новоильинскую россыпь, а через четыре версты от того лога эти же чиновники открыли Ново-Ершовскую россыпь. Между этими логами бергешворен Сивков открыл Веденьевскую россыпь.

В полуверсте от Антониевской россыпи по небольшому логу 6 декабря 1825 года была открыта Салдинская россыпь. Вскрышной грунт покрывал россыпь толщиной не больше аршина. Золото было «непластинковато» и «немелкозернистое». На россыпь возлагали большие надежды.

Не только в бассейне Салды было открыто золото. В числе первых была открыта Рождественская золотая россыпь неподалеку от деревни Ясвы на одноименной речке, которая, как известно, приток Тагила. За первые два года было добыто металла 21 золотник и 84 доли. И на том, похоже, добыча прекратилась. Но при работах на россыпи, как извещал Горный журнал, было «найденно два окаменелых плода,

похожие на урюк, кора и часть тела их проникнута массою зелено-каменного порфира, а вместо ядра находятся в середине кристаллы лучистого камня».

В 1828 году неподалеку от Ново-Ершовской унтершихтмейстер Водозовов открыл россыпь, названную его именем.

В 1829 году по логу, впадающему в Кушайку, в 19 верстах от Кушвы гиттенфервальтером Кузнецовым была открыта Перво-Кузнецовская россыпь. А это была территория нынешнего города. Кузнецов же через два года на старице Салды открыл Покровскую россыпь, а еще через год – Салдинскоблаговещенскую.

Шихтмейстер Москвин в 1830 году в 24 верстах от Верхней Туры в вершине Чирка открыл Иоаннопредтеченскую россыпь. А на четыре версты ближе, на речке Сорье, другую россыпь открыли заводские мастеровые. При разработке этих россыпей находили валуны сердолика и кости мамонта.

Еще одну россыпь на территории нынешнего города по речке Кушайке в 1832 году открыли берггешворен Старков и шихтмейстер Ершов. Они так и назвали ее Кушайской. Читаем ее описание, сделанное через шесть лет: *«Золотоносный пласт, длиной около трех верст, шириной в три сажени, толщиной от трех четвертей до одного аршина лежит глубиной от поверхности земли до одной сажени на желтой глине и серпентине, из которого состоят окружающие горы; в пласте попадаются обломки и валуны сиенитового порфира, диабазы, яшмы, кварца и зврита... В глубине одной сажени встречены здесь кости и зубы мамонта».*

Показали хорошее содержание золота в 1837 и 38 годах россыпь на речке Ключевой, пересекающей дорогу в деревню Салду, и другая - в логу рядом с закрытым первым Кузнецовским прииском, в версте от него. Тоже - выше старых выработок на Кушайке, недалеко от этого лога. И по речке Малый Чирок, в 21 версте от Верхней Туры были открыты Иоанно-Предтеченская и Петропавловская россыпи.

Открытия первых россыпей золота связаны с именем Николая Родионовича Мамышева, организатора всех работ, горного начальника округа, который научно обосновал наличие золотоносных песков в бассейне Салды.

Николай Родионович происходил из дворян Новгородского уезда. У матери Мамышева было имение и крепостные, а сам он окончил Горное училище, где *«... на казённом коште обучался риторике, поэзии, логики, немецкому языку, географии, истории, математики, физики, минералогии, металлургии, пробирное искусство, маркшейдерское искусство, подземной географии, горной механики, горной архитектуры».* Шихтмейстером 13 класса поступил на Богословские заводы, был управителем Николае-Павдинского завода. С 1799 по 1801 год служил на Нижнеисетском заводе, после чего на Пышминском и с 1802 г – на Каменском заводе, в 1807 году, будучи управителем Ка-

менского завода, получил чин маркшейдера 9 класса.

Позже Мамышева назначили начальником Камско-Воткинского горного завода, получив чин обербергмейстера, он стал начальником Гороблагодатских и Воткинского горных заводов. Под его руководством на Кушвинском заводе было организовано изготовление художественных отливок из доменного чугуна (в 1821 году). С его именем связано проведение опытов по изготовлению «уральского металла» - сплава платины с медью, опытов получения «дамассковой» стали - сплава цементной стали с платиной, а также осуществление шурфования складным буром до восемнадцатисаженной глубины. В 1825 году Мамышев стал членом-корреспондентом Горного ученого комитета. Пробовал себя в литературе и публиковался в столичных журналах, был знаком с Фаддеем Булгариным, «кавалер-девицей» Надеждой Дуровой и другими известными его современниками.

Поиском золота в округе Гороблагодатских заводов в 1823 г. руководил горный инженер Галляховский Константин Павлович. Ему было тогда всего 26 лет. Он окончил Петербургский Горный кадетский корпус. С 1819 г. служил в Гороблагодатском горном округе, сначала на Верхне-Туринском заводе смотрителем, помощником управителя, управителем, а во время поисков - главным маркшейдером округа.

Нужно отметить усердие и других горных офицеров тех лет, участников и руководителей поисковых экспедиций, вышеназванных шихтмейстеров Старкова, Москвина, Зворькина, и Ершова, унтер-шихтмейстеров Водовозова, Калинина и Лебедева, гиттенфервальтера Кузнецова, обергиттенфервальтера Волкова, берггешворенов Сивкова и Л. Грасгофа.

Позднее в бассейне Салды ещё были открыты многочисленные россыпи, разные по содержанию золота. Среди них остались в истории добычи Новокушайский, Водовозовский, Ново-Ильинский и Веденевский прииски. Михайловский на Макаровке, притоке Выи. А на одном из кушайских приисков летом 1838 года был вымыт первый алмаз на землях, принадлежавших казне. Алмаз этот весом в 7/16 карата был кристаллического вида, совершенно бесцветен и сильно блестел. Позднее он был огранен и вставлен в золотую булавку, которая теперь хранится в Алмазном фонде России.

В 1849 году, через четверть века после первых открытий золота, основная его добыча осуществлялась на приисках, давших при разведке хорошее содержание: на Кузнецовском (р.Кушайка), где работали около двух сотен старателей на десяти промывальных установках, на Антониевском (р.Салда)- полторы сотни рабочих на семи промывальных установках, на Песчанском (р.Песчанка)- 118 старателей на пяти установках, на Кушайском руднике - 76 человек рабочих и четыре установки. Удивительный результат был на Ржищевском прииске по речке Ржище, впадающей в Айву, который отличался богатым содержанием золота на сто пудов породы. Здесь стояли четыре установки

и работали 86 старателей, но золота было намыто больше, чем на всех остальных приисках, за исключением Кузнецовского. Но так было недолго.

В 1857 году Гороблагодатский округ посетил ученый-геолог Эрнст Карлович Гофман, известнейший исследователь всего Урала. 15 июня он отправился по длинному маршруту через Кушвинскую и Верхнетуринскую дачи. По накатанной старательской дороге от горы Благодать на восток через семь верст экспедиция вышла к Салде и, двигаясь вдоль ее, обнаружила пруд, на берегу которого находился, как записал Гофман в дневнике, «... ныне упраздненный первый кузнецкий золотой промысел». Трудно угадать какая россыпь тут была в 1824 году, возможно, речь идет о Кузнецовском прииске.

Эрнст Карлович Гофман

Зарубежный ученый-геолог на своем маршруте встречал много заброшенных приисков и назвал только один действующий того времени – Ильинский, расположенный при впадении Кушайки в Салду. Объяснить это можно тем, что на казенной добыче тогда никто не гонялся за каждой крупинкой золота, прииски появлялись, год-два действовали и исчезали. Иногда названия приисков переходили от одного к другому. Допотопная технология добычи обуславливала быструю выработку месторождений, поскольку при малом содержании металла прииск просто бросали и переходили на «целики». В оправдание заголовка очерка: попались Гофману и «рудники серебряные». На Каменной горе в трех верстах от устья Кушайки был обнаружен старый шурф, в котором, похоже, порода привлекла рудознатцев своим блеском, и они приняли ее за серебряную руду. По мнению Гофмана: «оказалось же что это ничто иное как крупнозернистый диаллагон оливково-зеленого цвета».

Все изменилось после того, как Высочайшим указом от 27 октября 1861 года, земли Гороблагодатского округа были объявлены свободными для частной золотопромышленности. Началась настоящая «золотая лихорадка».

Территория Пермской и прилегающих к ней губерний вначале была объединена в Уральскую горную область, которая затем была разделена на двенадцать горных округов, в которых разрешалось частное

предпринимательство в добыче полезных ископаемых, в том числе золота и платины. Кушва стала центром казённых золотоносных земель бассейна рек Серебряной и Салды, фактически центром Южно-Верхотурского горного округа, в Кушве жил его руководитель - окружной офицер. Кушва была и центром Первого Горно-Полицейского округа Пермской губернии, и местом пребывания Горного Исправника, который заведовал золотыми приисками Южно-Верхотурского горного округа. В Кушве золотопромышленники общими усилиями построили здание банка, в котором кроме банковских операций, необходимых предпринимателям, проходили съезды золотопромышленников Пермской губернии.

Через 20 лет после указа, в 1881 году по Гороблагодатскому округу было сделано 54 заявки на добычу золота. Все реки, речки, ручьи и овраги, и старые отвалы были обследованы: золото оказалось повсюду! И закипела работа! Качали над шурфами длинными шеями деревянные «журавли», вытягивая на конце шестов-«клювов» пудовые навалы с песком. Над другими шурфами скрипели воротки, наматывая канаты с трёхпудовыми бадьями на концах, тоже набитыми золотоносной породой. Владела в ту пору этими песками очень разношёрстная публика: купцы, местные и столичные, отставные военные и их вдовы, но в основном известные на Урале золотопромышленники: господа Кетчер, Цепляев, Шевелин, Фергель, Переяславцева. Были и свои местные владельцы приисков, жившие в Кушве и Верхней Туре: Вечтомова Клавдия Филипповна (прииск Марие-Магдалининский), Иванчиков Иван Ксенофонович (прииски Веринский и Покровский), Курочкин Иван Павлович (прииск Алексеевский), Найденов Василий Михайлович (прииск Трудно-Ильинский), Селиванов Василий Васильевич (прииск Ивано-Воскресенский).

Самый известный из промышленников был Иван Петрович Богомоллов, томский купец, который владел приисками в Сибири и на Урале. В наших краях, кроме историй о его чудачествах, он оставил свою фамилию в названии поселка и месторождения. Начиная с 1875 года, Богомоллов сдал в государственную казну почти двести пудов золота. Ему было отведено во владение более семидесяти участков. Среди них наибольшее содержание металла было на Правдивом, Святительском и Никольском приисках.

Нельзя было не обратить внимание на то, что с увеличением глубины выработок появляются многочисленные золотоносные кварцевые жилы. Как пример: не доезжая трёх верст до Крестовоздвиженского и Ильинского рудников была плоская возвышенность, называемая Барашковым покосом. Под этим покосом ещё в 1824 году разрабатывались золотоносные жилы-россыпи. Позднее генерал-лейтенант Иосса заметил, что заложенные в этом месте шурфы попали в породу, такую же, как в Березовском руднике под Екатеринбургом, здесь были точно такие же кварцевые золотоносные жилы. И «постель»

Рабочие на золотых приисках Урала

Крестовоздвиженской россыпи состояла из такого же красного талькового сланца, как и в Березовском. В 1824 г. это месторождение было заброшено, потому что внимание тогда обращалось больше на россыпи. Жилы в кварце разрабатывались редко из-за непостоянного содержания в них металла и трудоемкой технологии.

Богомолов тоже вначале разрабатывал россыпи. Но после 1880 года начал разрабатывать и коренные кварцевые жилы. И в этом преуспел. Десяток шахт пронизали месторождение и выстроились в ряд с севера на юг: Трёхсвятительская, Крещенская, Новая, Ильинская, Петровская, Ивановская, Старая, Бородинская, Крестовоздвиженская. Работы велись на глубине от десяти до тридцати саженей. На пять саженей глубже были шахты южного участка: Никольская Ульяновская, Николаевская и Николае-Веринская.

Известный в Сибири и на Урале Богомолов-промышленник и человек был неординарный: состоял в Невьянском отделении Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). И прославился своими купеческими чудачествами, разгульной жизнью, которая часто добром не заканчивается. Вот что вспоминали о Богомоллове его современники: «А старатель был знатный, как-то натакались в Богомоловске на горное золото, как печь плита стояла кварцевая, содержание металла богатое. Заилили ее про запас. Где-то в другом месте моят,

моют - мало, а тут день поработают и все долги заплатят. Такое место было. А потом авария случилась, шахты затопило. Богомолов разорился и помер нищим, как говорится, с корзинкой на руке».

Так оно было или по-другому, но в 1905 году шахты Богомолова пошли с молотка и были проданы в рассрочку анонимной компании, которая не смогла полностью рассчитаться. Рудники по решению суда отошли к главному кредитору Богомолова - местному отделению Волжско-Камского коммерческого банка, а точнее - его заведующему Константину Ипполитовичу Рощенскому, известному в Екатеринбурге общественному деятелю, члену Императорского Православного Палестинского общества.

Рощенский привлек к эксплуатации приобретенных рудников горного техника Павла Михайловича Утякова, который, получив хорошую практику лаборантом в Уральской химической и золотосплавочной лаборатории, преподавал пробирное искусство в Уральском горном училище. Кроме того Павел Михайлович - основоположник аффинажного производства на Урале. В 1903 г. им был запатентован метод отделения платины от золота.

В компанию к предпринимателям вошли ещё некто Олесов и Гольцаузен. По проекту Утякова была построена фабрика для цианирования золота. Перерабатывали, в основном, старые отвалы-«эфеля». Богомолов перед банкротством просто выработал все участки с богатым содержанием металла и перестал вкладывать средства в разведку.

В 1911 году К.И.Рощенский, чей пай в предприятии был основным, умер. Добыча металла остановилась. Всё имущество и рудники перешли к вдове,

Надежде Авдеевне Рощенской.

*Иванов М.И. золотопромышленник,
владелец Троицкого прииска*

В 1912 на площадке богомоловских шахт начались поисковые работы под руководством геолога Е.П. Стратоновича по заданию Богословского горнозаводского общества. Отвалы шахт многое рассказали геологам, богословцы заинтересовались результатами разведки, и вдова Роценского в 1914-15 гг. продала им рудники.

Управляющим у Богомолова работал человек, с известной на Урале среди золотопромышленников фамилией – Ван-дер-Беллен Петр Владимирович. Его отец, Владимир Эдуардович, появился на Урале вскоре после разрешения правительства на добычу золота частными лицами. Женился на Прасковье Александровне Частиковой, дочери крестьянина из Невьянского завода. Начинал с должности управляющего золотыми приисками наследников купца Расторгуева. Затем, переехав в Кушву, сам застолбил несколько участков. Родился сын, назвали Петром. Через четыре года после его рождения брак с Прасковьей Чистяковой был зарегистрирован в новой Верхнебаранчинской церкви. После кончины Владимира Эдуардовича всеми приисками стала владеть Прасковья Александровна с наследниками. С 1888 года упоминаются их прииски Аннинский и Пасхальный. В отчетах за 1897 год - прииски Удачный, Покровский, Александровский.

Прииски Аннинский и Пасхальный затем упоминались за Петром Владимировичем персонально, а не в составе наследников. После банкротства Богомолова он начинает делать заявки от своего имени, как золотопромышленник. Например, в 1906 году Петр Владимирович сделал заявку на участок возле речки р. Глубокой, впадающей в Салду. Прииск начинался в 250 саженьях от устья Глубокой и на две версты тянулся вверх по ее течению.

Дела шли неплохо. Молодой предприниматель принимал участие в съездах золотопромышленников, проходивших в Кушве. Женился на Анне Антоновне Трчка, дочери австрийского подданного. Семья Ван-дер-Белленов на время сезонных работ приезжала с Кушвы на Богомоловский в большой дом, который стоял на берегу Салды и служил преждему хозяину приисков гостевым при его визитах.

Были среди золотодобытчиков и другие неординарные личности, которые прославились не тем, что поили лошадей шампанским. В трех верстах от Андреевского рудника рядом с Приисковским трактом, ведущим на Кушву, находился Троицкий прииск. Он разрабатывался купцом Ивановым. На свои средства М.И. Иванов 4 января 1897 г. открыл на прииске церковно-приходскую школу.

Вот что по этому поводу сообщал местный корреспондент газеты «Урал», выходившей в Екатеринбурге: *«Много ли найдется даже среди богатых золотопромышленников, которые позаботились бы устроить на своих приисках школу? Нет, таких очень и очень мало. Отговорка одна: на приисках не стоит открывать школы, потому что они скоро вырабатываются и бросаются! Но разве мало найдется таких приисков, которые разрабатываются десятки лет, однако же, на них*

и помину нет о школе, а между тем школа на приисках имеет огромное значение, и дай Бог, чтобы это доброе дело послужило примером для других. Но, к сожалению, - говорит корреспондент, - открытие школы не всеми встречено сочувственно. Нашлись среди золотопромышленников люди, которые отнеслись к этому с глухим недоброжелательством, доходящим даже до того, что служащим и рабочим этих золотопромышленников не только запрещено отдавать своих детей в эту школу, но даже и самим бывать на приисках Иванова под страхом увольнения от службы. Не правда ли, - восклицает корреспондент, - какое грустное, недостойное порядочных людей, явление?»

Надо заметить, это была первая школа на территории нашего города, пусть и работала она недолго и не имела продолжения, но была первой в истории. Закрылась вместе с прииском, но ещё в 1906 году на Троицком стояли дома с квартирами служащих и рабочих. Для промывки песков стояла фабрика с двумя чашами.

Только купцы или другие состоятельные люди организовывали добычу золота через отводы и межевания, не зря их деятельность называли «разработкой россыпей хозяйскими работами». А были старательские работы другого порядка, когда рабочие-старатели артелью, а то и семьёй, на уже известном россыпном месторождении без межевания и отводов добывали и промывали пески, а золото и платину сдавали золотопромышленникам. Был еще один вид старателей, когда крестьяне находили неизвестные властям россыпи на своих покосах или делянках. Такие кустари золотого промысла не делали заявок, не оформляли отводов, потому что издержки при получении права работ, регистрации участка и межевании иногда превышали доходы от всего добытого металла. Из-за чиновничьих проволочек при получении разрешения на добычу, крестьяне просто «хитничали», мыли золото и платину тайком и также сбывали промышленникам. А последних мало волновало происхождение металла. Понятно, что скупали они его по заниженным ценам. Так было до Октябрьской революции.

С 20 по 23 декабря 1917 г. проходил Районный съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов Гороблагодатского округа. Он принял резолюцию о национализации рудников и приисков:

«...Постановление районного съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Гороблагодатского округа о конфискации приисков и рудников.

20 декабря 1917 года.

Выслушав доклады с мест о национализации недр и обсудив вопрос о создавшемся положении в связи с той разрухой, которая царит в настоящее время в промышленности по добыче платины, золота и драгоценных ископаемых, а также о саботаже промышленников, которые своим саботажем и закрытием приисков и рудников стремятся усилить эту разруху, дабы подорвать в массах доверие к народному пра-

вительству – Совету Народных Комиссаров, и опять вернуть себе утерянную власть, мы, представители Исовских приисков и рудников, а также и рабочие Гороблагодатского округа, стоя на платформе Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, твердо уверены, что переход власти в руки трудового народа не может не отразиться на промышленности, которая требует коренной ломки и переустройства на новых началах.

Сознавая также, что теперешнее состояние промышленности грозит весьма тяжелыми последствиями и неисчислимыми бедствиями трудовому народу и всем завоеваниям рабочих, мы полагаем, что такое положение далее не может быть терпимо.

Мы твердо должны помнить, что наши враги не дремлют и при малейшей оплошности постараются вернуть нас в прежнее рабство.

Чтобы обезвредить наших врагов, мы должны отобрать у них главное оружие нашего порабощения – землю со всеми недрами, которые должны принадлежать государству: в первую очередь прииски и рудники, как содержащие золото, платину и драгоценные камни... Съезд постановил: Все прииски и рудники, находящиеся в районе Гороблагодатского рудника с живым и мертвым инвентарем и со всеми техническими приспособлениями, а также и не полученные из государственного банка предпринимателями капиталы за сданное золото и платину - конфисковать и предать в ведение рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и утвержденных рабочих комиссаров».

Так закончился неполный век «золотой лихорадки» на Салде и Кушайке, и остались от этого времени только рассказы о чьём-то случайном скоробогатстве или о чудачествах Богомолова. После устранения крупных промышленников в районе не прекратилась работа старателей-кустарей.

лостисной почвы съ обонхъ сторонъ ископанъ
высушена. Отъ зводу версты аз двѣ, а онѣ до-
роги съ полверсты въ лѣво случился намъ пера-
вой мѣдной рудникъ Барятинскій. Онъ состоитъ
въ одной шахтѣ выкопанной на бугрѣ ради явля-
вшихся признаковъ руды; рыло уже шри сажени
съ половиною въ глубь; и изъ земли вынашо
до тысячи пудъ руды. По томъ стала жила
уже и поворотилась къ сѣверою, въ слѣд-
ствие чего начали рыть боковой ходъ и сдѣлали
оной на нѣсколько сажень; онъ былъ полой мѣ-
нѣ сѣвѣной воды и весь рудникъ покрытъ вну-
три льдомъ, такъ что развѣ въ Августѣ исче-
заетъ, и тогда продолжение работы опять на-
чинается. Руда желна идетъ по кривому чере-
пичному камню; по чему и требуютъ мало под-
ставки; досель выходило изъ ста пудъ съ фун-
товъ чистой мѣди; однакожъ надѣются что
впредь будетъ прибыльнѣе, да и рудникъ отъ
звода сшоъ близко, что остановишь его и шри
причины.

Четыре версты и шестьдесятъ сажень отъ
завода лежитъ другой мѣдной рудникъ, на ко-
его добываютъ плавную жилу въ Кушѣвѣ кал-
чеданную руду. Пригорокъ, въ коемъ она находитъ

Очерк восьмой.

Медная история Салды Прокопьевской. Всё началось с саксонских ям

Василий Никитич Татищев записал в своем дневнике в августе 1735 года *«Явился Верхотурского уезду деревни Чумкиной новокрещенный ясаи- ный вогулич Степан Григорьев и объявил медную руду, три камня, кото- рую он нашел в Верхотурском уезде близ той деревни Чумкиной, при речке Имянной в горе, которая от той деревни в четырех верстах, а от речки Имянной с полверсты.*

Приказал надзирателю Куроедову, чтоб он показанное рудное место, осмотра, описал, и, раскопав, взяв руды, выбрал доброй и средней и при- слал в канцелярию».

В четырех верстах от Степановой деревни, а от речки Именной с полверсты в горе была найдена медная руда. Судя по координатам, в последующем это месторождение было названо Колпаковским. Вот и к первой меди неподалеку от Благодати Степан тоже имеет отношение.

Герцог Максимилиан Лейхтенбергский

Татищев был незаурядным ученым, он предполагал, что уральская земля богата не только железом. Через год, в 1736 году он отправил в Академию Наук в Петербург первые девять глав из намеченных сорока пяти «Общего географического описания всей России». В «Описание» вошла и первая краткая сводка всех известных в то время в России медных руд и мест их добычи.

И Степанова находка была упомянута.

Первые десятилетия освоения горы Благодать шли интенсивные поиски каких-либо других ископаемых поблизости горы. Известняк для домен нашли еще в 1735 году, чуть позднее - буксинскую огнеупорную глину. Место выхода медной руды, указанное Степаном, за дальностью расположения, просто имели в виду.

24 августа 1739 года на Гороблагодатские заводы приехали новые управители, Карл Готлиб Фохт и Виллем Бланкентаген, с ними немецкие мастера: Иоганн Даниэль Келлер, Иоганн Генрих Бэр, Иоганн Георг Крумбигель, Иоганн Христиан Лексенринг, Самуэль Асман.

Саксонские мастера сразу же стали проводить геологоразведку прилегающих к Благодати урочищ. Поиски увенчались успехом. Вдоль речки Половинки были найдены выходы медных руд. Началась их добыча. На заводах в Верхней Туре и Кушве появились медеплавильные печи. Доказательством тому служит документ о передаче Гороблагодатских заводов 6 мая 1754 года в частное владение, на этот раз генерал-фельдмаршалу графу Петру Ивановичу Шувалову: «... *Берг-коллегия отдаст ему, графу Шувалову, для произведения и размножения казённые заводы, находящиеся в Сибирской губернии, именуемые Гороблагодатскими: Туринский, Кушвинский, Баранчинский да вновь производящийся на реке Туре. (А также) и производимые при тех заводах медеплавильные печки со всем заводским строением, с приписными крестьянами, мастеровыми и работными людьми*».

Через 16 лет после этих событий округ посетил академик Петр Симон Паллас - немецкий учёный-энциклопедист и путешественник, состоявший на русской службе. Он оставил записи в своем дневнике о «саксонских ямах», - так называли рудники между Кушвой и Верхней Турой.

Паллас пишет о рудниках в «бугре», который нынче местные жители называют «Сопкой Ермака». По прямой линии это не так уж и далеко от Кушайки. Речка Половинка берет свое начало в том же болоте, где и Салда. Логика подсказывала, что выход медных руд на Сопке не единственный в окрестностях Благодати, и поиски продолжались.

Через полвека после визита Палласа на нашей территории нашли не медную, а железную руду. В 1822 году Семен Левин, мастерской Кушвинского завода, нашел в тридцати верстах от завода и в трех верстах от речки Сорья валун бурого железняка. Месторождение зарегистрировали

и назвали Левинским. За первые десять лет на этом руднике было добыто несколько десятков тысяч пудов руды в разведочных шурфах и в начальной выработке «разносом». На малой глубине шел сначала пласт глинистого железняка, а глубже - бурого и частично красного железняка. Чугун, выплавляемый из левинской руды, после передела давал красноромкое железо. В сутки можно было выплавлять до 500 пудов чугуна, чрезвычайно жидкого и, после охлаждения, весь-

ма мягкого, с землистым изломом. Чугун был очень плотный, имел большую ковкость, вязкость, что очень приветствовалось при отливке пушек.

Поиски же медной руды в бассейне Салды пока были безрезультатными. Геологи приходили к неутешительным выводам: *«Признаки медных руд в Гороблагодатском округе, хотя обнаруживаются во многих местах, но вообще бесполезны и не ведут ни к какому важному заключению... И месторождений меди совершенно несправедливо названных рудниками особенно замечательны...»* И называются рудники возле Верхнетурицкого пруда, которые посетил за полвека до этого Паллас. А про те рудники все известно: *«Медная зелень, вкрапленная, налетелая, шлаковатая и в виде примазки, медный колчедан, медная синь, смолистая и пестрая медные руды составляют все богатство меди в Гороблагодатском округе, богатство ничтожное, но распространенное во многих местах...»*. В начале двадцатых годов у горных инженеров появилась неожиданно другая цель – золото и платина.

В 1845 году горный начальник Гороблагодатских заводов Ф.И.Фелькнер осматривал на речке Кушайке места бывших разведок на золото и оставленных рудников. В отвалах одного шурфа в вершинах речки он встретил разрушенный тальковый сланец, местами окрашенный медной зеленью. При более внимательном осмотре Фелькнером были открыты кристаллы медного купороса. Несколько лет до этого старатели, видимо, заметили в тальковом сланце колчедан, приняли его за золото, сделали пробную промывку, надежды их не оправдались и они покинули начатую разведку.

Фелькнер распорядился заложить в этом месте выработку. При проходке была встречена жила серного и медного колчедана, проходящая от севера к югу. Взятые образцы показали, что руда содержит до 6 процентов меди. Так началась медная история здешнего края.

Месторождение Фелькнер назвал Лейхтенбергским медным прииском в честь Его Императорского высочества герцога Лейхтенбергского. Где герцог и где кушайское болото? Об этом подробнее.

Максимилиан Евгений Иосиф Наполеон герцог Лейхтенбергский родился в 1817 г. в Мюнхене. Он был вторым сыном Евгения Богарне – пасынка Наполеона I. В 1837 г., по поручению своего дяди, баварского короля Людовика, Максимилиан приехал в Россию на большие кавалерийские маневры. В Петербурге поступил на военную службу – стал генерал-майором, шефом Гусарского полка. Женился на дочери Императора Николая I великой княгине Марии Николаевне. Становится президентом Российской академии художеств. Помимо военной службы у него были и иные обязанности и интересы. Герцог изучал гальванопластику, электрохимическую металлургию, увлекался минералогией, горным делом, был главным инспектором рудников в России; собрал выдающуюся минералогическую коллекцию (около 10 000 образцов). В 1840-х гг. он построил на набережной Обводного

канала в Санкт-Петербурге Лейхтенбергский гальванопластический завод, на котором проводили свои опыты академики Э. Х. Ленц и Б. С. Якоби. По указу Николая I, в 1844 г. Максимилиан Лейхтенбергский стал Главноуправляющим Корпусом горных инженеров.

В мае 1845 года герцог Лейхтенбергский отправился в поездку по уральским заводам. 31 мая он посетил и Кушвинский завод по пути в Богословск. Под впечатлением о встрече с герцогом горный начальник Фелькнер чуть позднее и назвал кушайское месторождение в память об этом событии. У нового рудника впереди была интересная судьба, но об этом следующий рассказ.

Максимилиан Евгений Иосиф Наполеон герцог Лейхтенбергский умер от чахотки в 1852 г. В его бумагах была найдена запись: «Я считал для себя счастьем управлять Институтом Корпуса горных инженеров, приносившим мне столько утешений и радостей».

«Купоросное масло» Петра Капитоновича Ушкова

Ученый-геолог Эрнст Карлович Гофман, который посетил в 1857 году Гороблагодатский округ, проходя по маршруту через Кушвинскую и Верхнетуринскую дачи, посетил и колчеданный медный рудник (так назван в дневнике) на Кушайке. Далее он пишет, что на руднике до сих пор один шурф и жила разрабатывается только до глубины 8 сажений. Воду выкачивают насосом, который приводят в движение лошади. Гофман интересно заметил об использовании добываемого сырья: *«Рудник отдан в аренду купцу, который медную руду, под названием железного колчедана вывозит в Елабугу для добывания из нее, будто бы, одной серной кислоты».*

Кто же этот упомянутый арендатор-купец. Знакомьтесь, Капитон Яковлевич Ушков, современным языком говоря, первый частный инвестор в нашу медь.

Его дед, Егор Ушков, крестьянин из деревни Старая Бондюга Елабужского уезда Вятской губернии в первой четверти XIX века имел в собственности красильную мастерскую и в числе прочих промыслов ездил по зимнему санному пути на Урал красить домотканые холсты и пряжу в деревнях и заводских поселках. В 1831 году он уже был причислен к купцам III гильдии. А отец Капитона, Яков Егорович, когда семейство в 1844 г. переселилось в Елабугу, приумножил состояние, занимаясь торговлей. Позднее Ушковы решили вложить средства в промышленное производство. После кончины отца семейный бизнес возглавил Капитон Яковлевич, который в то время состоял в купцах I гильдии. Имея опыт в деятельности винокуренных заводов, он ре-

лопистой почвы съ обоихъ сторонъ истоками высушена. Опиъ заводу версты за двѣ, а опиъ дороги съ полверсты въ лѣво случился намъ первой мѣдной рудникъ *Барлинскій*. Онъ состояишь въ одной шахтѣ выкопанной на бугрѣ ради явившихся признаковъ руды; рыпо уже шири сажени съ половиною въ глубь; и изъ земли выняпо до пысячи пудъ руды. По томъ спала жила уже и поворопилась къ сѣверовостоку; въ слѣдствіе чего начали рыть боковой ходъ и сдѣлали оной на нѣсколько сажень; онъ былъ полонъ нынѣ снѣжной воды и весь рудникъ покрытъ внутри льдомъ, такъ что развѣ въ Августѣ исчезнешъ, и тогда продолженіе работы опять начинается. Руда зелена идетъ по крѣпкому черепичному камню; по чему и требуетъ мало подставки; досель выходило изъ ста пудъ 26 фунтовъ чистой мѣди; однакъжъ надѣются что впередъ будетъ прибыльнѣе, да и рудникъ отъ завода столь близко, что оспановишь его итъ причины.

Четыре версты и шестьдесятъ сажень отъ завода лежишь другой мѣдной рудникъ, изъ коего добываютъ плавимую нынѣ въ Кушайкѣ калчеданную руду. Пригорокъ, въ коемъ она находиш-

шил заняться производством хромпика, который до того времени владельцы мануфактур покупали за рубежом. Так в 1850 году появился Кокшанский химический завод. Вскоре производство хромпика здесь уже исчислялось тысячами пудов, и он составил конкуренцию английскому не только в России, но и за рубежом. Одновременно с химическим заводом Ушков построил стекольный завод. Кроме хромпика на Кокшанском заводе вырабатывали медный и железный купоросы и серную кислоту, поскольку она была в составе хромпика. Дела у предпринимателя шли в гору: в 1853 году за представленную на промышленной выставке продукцию его завод получил от Департамента мануфактур золотую и серебряную медали.

После Крымской войны поставки серы из-за границы в Россию прекратились. Вот тогда, в 1855 году Ушков обратил внимание на уральские колчеданы и вместо английской серы для производства кислоты (купоросного масла – так ее тогда называли) на его заводе стали употреблять сернисто-медный колчедан. Наиболее чистый нашли на берегах Кушайки, на Лейхтенбергском руднике, арендовать который впредь до его полной выработки Ушков начал в 1856 году. Тогда-то сменилось название Лейхтенбергский на новое – Спасо-Серноколчеданный и появился на территории нынешнего города первый посто-

янный поселок с таким же названием, в котором жили рабочие-горняки, нанятые на работу Капитоном Ушковым.

Сын - Пётр Капитонович в 1868 году унаследовал от отца хромпиковый завод в Кокшане и основанный им второй завод, Бондюжский, в 30 верстах от Елабуги, на реке Каме. На новом заводе кроме серной кислоты начали производить сернокислый глинозем, квасцы, купоросы. П.К. Ушков также ввел технологию извлечения меди из колчеданных огарков гидрометаллургическим путём.

Первые годы сырьё с Кушайки возили на лошадях

зимой через Кушву на Ослянскую пристань, откуда летом сплавляли по Чусовой и Каме до пристаней, близких к Кокшанскому, а затем и к Бондюжскому заводам. С пуском Уральской горнозаводской железной дороги руду возили на ст. Гороблагодатскую, откуда весной отправляли до Перми или Левшино и далее снова на баржах по Каме.

В 1879 году южнее Спасо-Серноколчеданного было открыто более богатое, Андреевское месторождение. В 1883 году Петр Капитонович создал «Товарищество химических заводов П.К. Ушкова и К». Правление товарищества располагалось в Москве. Дела шли в гору. По заказу Ушакова на Мотовилихинском заводе в 1889 году был построен пятисотсильный буксирный пароход «Редедя, князь касогский», стоимостью (с оснасткой) 197 тысяч рублей. Хорошее дополнение к другому ушковскому буксиру – «Химику», уже таскающему баржи по Каме.

В 1893 году на Спасо-Серноколчеданном руднике было девять шахт. Все они расположились на близком расстоянии друг от друга вдоль жилы. Самая глубокая из них была Машинная – 72 сажени. В 1895 году, когда эксплуатация рудника заканчивалась, здесь было пройдено 12 шахт, работы велись на глубине 80 саженей.

Одновременно, в 1892 году были начаты работы на Андреевском руднике. Здесь колчедан был отличного качества. Поскольку серная кислота составляла в то время основание всего химического дела, то для ее производства требовался особенно чистый серный колчедан, и вся добытая руда с Андреевского рудника поступала на производство

Петр Константинович Ушков

серной кислоты.

В 1898 году скончался П.К.Ушков. Его дело продолжил, возглавляя товарищество, брат, московский купец Константин Ушков.

Известна благотворительная деятельность елабужских купцов Ушковых. Расходы на неё были впечатляющими: в 1904 г. на счетах благотворительного комитета значилось 1,5 млн. рублей, которые тратились на благоустройство родного города, на строительство и содержание учебных заведений. Одним словом, было видно заботу о людях. Чего не скажешь о руднике на Кушайке. Здесь хозяева лишнего рубля на приличную жизнь кушайских рудокопов не тратили.

По принятой технологии, работы в шахтах велись главным образом зимой. Колчедан, поднятый наверх, вымораживался в кучах-«разборах». От мороза куски распадались, а летом весь «разбор» промывался на шлюзах плотины. Кроме того, летом шли подготовительные работы: углублялись некоторые шахты на несколько забоев.

Шахтное дело управляющим велось небрежно. В каждом стволе расчечки шли во все четыре стороны и прямо на рудном теле, что требовало ежегодно большого расхода на ремонт крепи.

Вентиляция в руднике была естественная. Шахты сообщались между собой. Летом, в жаркие, безветренные дни удушливые сернистые газы, выделяющиеся из колчедана, иногда заставляли прекращать работы.

Зимой же холодный воздух беспрепятственно поступал в шахты через деревянное решето копра, не успевал согреться и по соседнему стволу поднимался вверх. Крепь, лестницы и полки в шахте были покрыты льдом. С потолка свисали ледяные сталактиты. Рудокопы за каждый пуд колчедана расплачивались на ледяных и сырых сквозняках своим здоровьем.

Купорос, образованный колчеданом, был настолько агрессивным, что железные полудюймовые кронштейны насосных ставов служили не больше двух лет, железные лопаты, оставленные в нижней части ствола, растворялись за неделю. Капля с потолка, попавшая в глаз, могла сделать бедолагу слепым. Обувь у шахтеров выдерживала не больше двух-трех месяцев. Проблема была и с водоотливом. Железные и чугунные насосы, естественно, исключались, и спасал насос, где корпус - это деревянные трубы, выдолбленные из целого ствола. По ним ходил деревянный же поршень, а приемный клапан был изготовлен из толстой сырой кожи.

На руднике использовалась паровая машина с одним цилиндром и маховым колесом. Она позволяла качать воду из шахты с глубины в 70 сажен и одновременно из неё же и двух других осуществлять подъем бадей системой канатов на блоках.

Андреевский рудник, начиная с 1896 года, работал без перерыва до весны 1906 года, когда и этот рудник был закрыт, а шахты затоплены. По неясным причинам на правом берегу Кушайки стало непривычно

тихо. По соседству на бывших богомоловских приисках тоже было не очень шумно. Только не шатко- не валко работал на отвалах завод Роценского.

А между тем на севере, в сотне верст от рудников Богословский медеплавильный завод в любой момент мог остановиться из-за отсутствия сырья. Тишина на кушайской площадке там не осталась незамеченной.

В 1912 на площадке ушковских шахт по заданию Богословского горнозаводского общества начались разведочные работы под руководством геолога Е.П.Стратоновича. Отвалы старых шахт многое рассказали геологам, богословцы заинтересовались результатами разведки, и в 1913 году Богословское горнозаводское акционерное общество поручило Стратоновичу сделать тщательную разведку в окрестностях Кушайки для поисков месторождений с большим содержанием меди на предмет подачи заявок. Еще год ушел на оформление юридических прав на площадку. Среди прочих мест, Стратоновича заинтересовали брошенные богомоловские прииски, и вдова Роценского в 1914-15 гг. продала Богословскому обществу прииски, в том числе Веринский, который заинтересовал геолога больше остальных.

До Ушковых дошли известия, что его отводами интересуются богословцы, и они вернулись на Кушайку. В конце 1914 года вновь начал действовать Андреевский рудник. Месторождение разрабатывалось четырьмя вертикальными шахтами, глубиной от 18 до 26 сажен. Забои были на глубине от 16 до 24 сажен. Подъем осуществлялся тремя конными воротами и одной паровой лебедкой. Воду откачивали штанговые насосы с приводом от локомотива мощностью двенадцать л.с. Работали два паровых котла, один для лебедки, другой локомотивный. Шпуры бурили вручную.

После длительного перерыва Ушковы не просто вернулись, а взяли новые горные отводы. Южнее Андреевского шла разведка на Екатерининском руднике. Били шурфы и бурили алмазными коронками. Уже была обнаружена «шляпа» месторождения из бурого железняка.

В 1916 году была начата разведка ещё южнее, на Успенском руднике и приняты два новых отвода: «Италия» и «Португалия». В 1917 году планировалось начать добычу и на старом, Спасосерноколчеданном руднике.

Богословцы тоже не терялись, вели разведку шурфами и алмазным бурением. Евгений Стратонович выбрал из всех богомоловских шахт Веринскую. Всю богомоловскую площадку проверяли на наличие золота, но и высокий процент меди в руде только приветствовался. Именно медь привлекла внимание геологов к старому золотому прииску. После проведения детальной разведки одиннадцатью пробуренными скважинами и пройденным штреком была обнаружена мощная жила серного колчедана с заметным содержанием золота и меди. Вертикальную разведочную шахту углубили до 15 сажен, по-

ставили на водоотлив небольшой паровой насос с котлом. На подъем бадьи поставили конный ворот. Стали ставить копер для механического подъема руды. Таким образом, разведочная шахта «Богомоловская» была превращена в капитальную. Назвали её «Компанейская» Из этой шахты с горизонта 15 сажен и начались эксплуатационные работы по колчедану. И дали новое название Веринскому золотому прииску – Компанейский серноколчеданный рудник.

На основе разведанных запасов Богомоловского месторождения Богословским горнозаводским акционерным обществом проектировалось строительство медеплавильного завода.

На Кушайке еще нашлось место для частного интереса. Южнее отводов Ушкова, в шести верстах к югу от Спасосерноколчеданного рудника и на 17 версте Приисковского тракта, рядом с золотодобычным прииском «Троицкий» начала разведку известная ярославская фирма «Никиты Понизовкина сыновья». К концу 1916 года здесь было пробито две разведочных шахточки, мелкие шурфики и выкопаны разведочные каналы. Была обнаружена жилка серного колчедана в несколько вершков с заметным содержанием меди.

Не сохранилась информация, как развивались события на правом берегу Кушайки весной и летом 1917 года, продолжили или нет Ушковы и Понизовкины свои работы. Но объявленная в декабре национализация имущества Богословского горнозаводского акционерного общества и постановление районного съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Гороблагодатского округа о конфискации приисков и рудников от 20 декабря 1917 года внесли коррективы в планы промышленников. Шахта Компанейская была затоплена на консервацию. А на Андреевском и на Спасосерноколчеданном рудниках просто некому было откачивать воду из шахт, всё само законсервировалось.

Очерк девятый.

Большая война в маленькой деревне

Вскоре после октябрьского переворота 1917 г. VII сессия совещания горнопромышленников Урала, проходившая в Екатеринбурге 26-28 октября, приняла решение о прекращении всякого финансирования «организаций революционной демократии наших фабрик, заводов, промыслов и рудников, как уже сделали петроградские и московские промышленники».

А в конце ноября 1917 года Совет съездов - высший орган горнопромышленников Урала разослал правлениям заводов письмо, в котором предписывал закрывать предприятия при попытке ввести рабочий контроль и «не признавать силы закона за декретами Совета народных комиссаров и других самочинных организаций, как, например, Советы рабочих депутатов, революционных комитетов и т.д.»

Уральский областной совет рабочих и солдатских депутатов сообщил через своего представителя В.И. Ленину о таком положении на Урале. Находившееся в Петрограде правление Богословского горного

округа в числе прочих округов, в которых частному капиталу принадлежало большинство заводов, тоже перестало переводить деньги на зарплату рабочим. На Урале разразился острый денежный кризис.

Ознакомившись с делами, В.И. Ленин пишет записку Ф.Э. Дзержинскому: «...Вопрос на Урале очень острый, надо здешние (в Питере находящиеся) правления Уральских заводов арестовать немедленно, погрозить судом (революционным) за создание кризиса на Урале и конфисковать все Уральские заводы. Подготовьте проект постановления поскорее...».

За проектом дело не стало и 7(20) декабря 1917 года появился первый документ о национализации, который напрямую коснулся нашей территории:

«Декрет Совета Народных комиссаров о конфискации и объявлении собственностью Российской республики всего имущества акционерного общества Богословского горного округа.

Ввиду отказа заводоуправления акционерного общества Богословского горного округа подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством Совет Народных Комиссаров постановил конфисковать все имущество акционерного общества Богословского горного округа, в чем бы это имущество не состояло, и объявить его собственностью Российской республики.

Весь служебный и технический персонал обязан оставаться на местах и исполнять свои обязанности. За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы революционному суду.

Порядок управления делами общества в Петрограде и условия в передаче отдельных заводов предприятий и отраслей во временное ведение местных Советов рабочих и солдатских депутатов, фабрично-заводских комитетов и подобных учреждений будут определены особыми постановлениями народного комиссара торговли и промышленности.

*Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин).
Народный Комиссар И. Джугашвили (Сталин)».*

22 декабря 1917 года Центросовет Богословского округа в своем циркуляре, разосланном комиссарам заводов, рудников, контор и отделов сообщал: «Декретом Народных Комиссаров Богословский горный округ объявлен национальной собственностью. Все имущество округа — как народное достояние — неприкосновенно. Уличенные в сознательном расхищении этого имущества лица, вне зависимости от занимаемого ими общественного положения, будут преданы революционному суду.

Всякая попытка к разграблению и разгрому ставших всенародной собственностью зданий, помещений, кладовых, продовольственных складов, технических магазинов, порча заводского национального имущества будет в корне подавлена всеми имеющимися в наличии средствами...».

В эти дни, с 20 по 23 декабря проходил Районный съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов Гороблагодатского округа. Он принял резолюцию о национализации рудников и приисков: «... Чтобы обезвредить наших врагов, мы должны отобрать у них главное оружие нашего порабощения – землю со всеми недрами, которые должны принадлежать государству: в первую очередь прииски и рудники, как содержащие золото, платину и драгоценные камни... Съезд постановил: Все прииски и рудники, находящиеся в районе Гороблагодатского округа с живым и мертвым инвентарем и со всеми техническими приспособлениями, а также и не полученные из государственного банка предпринимателями капитала за сданное золото и платину – конфисковать и передать в ведение рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и утвержденных рабочих комиссаров».

Все эти документы поступили и на предприятия нашего района и в полной мере повлияли на судьбу частных предприятий на нашей территории. Богословцы были вынуждены поставить шахту «Компанейская» на мокрую консервацию. Прииски просто прекратили всякую деятельность. Предприниматели замерли в своих действиях в ожидании обещанной конфискации. Обещание новой власти «все отобрать» и было предпосылкой к гражданской войне на местном уровне.

До сего времени мы располагаем информацией с точки зрения только одной из противоборствовавших в гражданской войне сторон. Она, конечно, субъективна. Пока будет так, подлинную картину событий 1918 и 1919 годов создать невозможно. Попытка приблизиться к объективности заключается в том, что публикуются ранее не использованные документы и воспоминания наравне с известными фактами.

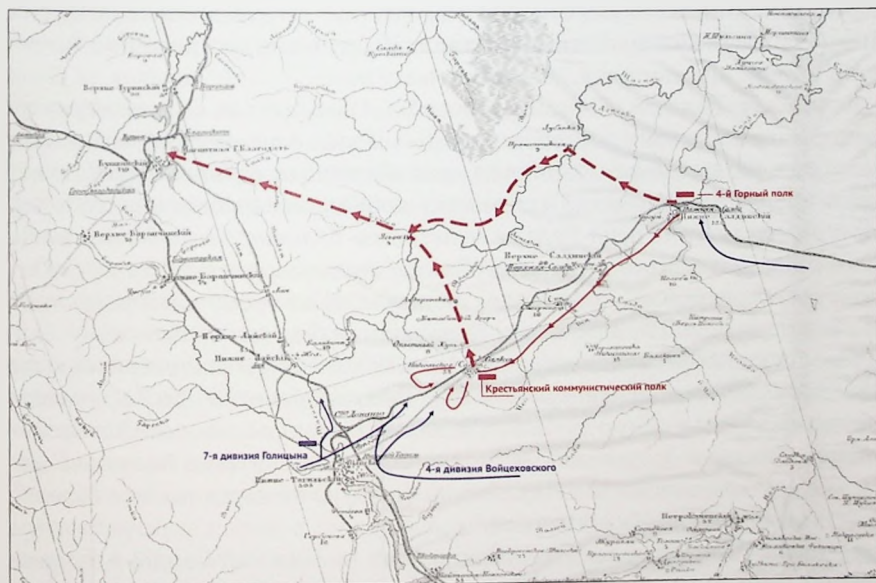
В разгаре лета 1918 года Гражданская война уже в полной мере полыхала по всему Уралу. В июле белыми войсками был взят Екатеринбург. Сжималась подкова фронта от Нижнего Тагила до Ирбита, внутри которой находился и Гороблагодатский округ. Белые войска состояли из мятежной чехословацкой Челябинской группы под командованием полковника С.Н. Войцеховского, 7-й дивизии армии Комуца под командованием В. Голицына и с востока наступал Степной Сибирский корпус Сибирской армии. Им противостояли войска Красной армии, входившие в Северо-Урало-Сибирский фронт, который 18 июля был переименован в Третью армию Восточного фронта.

Под Нижним Тагилом готовились к обороне красноармейские полки: Камышловский, Волынский, Четвертый Уральский, Первый Рабоче-крестьянский, Третий Екатеринбургский и Второй Горный. Наш район в то время представлял собой сплошную тайгу, болота, отсутствие больших поселений и хороших дорог, поэтому на его территории красноармейских подразделений не было и первыми появились белогвардейцы в начале октября. Их появлению предшествовали некоторые события.

После взятия белыми Алапаевска командование Сибирской армии 1 октября сформировало Северную правофланговую группировку, в которую вошли подразделения из 18-го Тобольского, 19-го Петропавловского и 16-го Ишимского Сибирских стрелковых полков. Перед этой колонной под командованием штабс-капитана Н. Казагранди, командира 16-го Ишимского полка, ставилась задача: по Ирбитскому тракту в направлении Верхотурья обойти с севера Кушвинскую группировку красных, чтобы, взяв Верхотурье и затем Кушву, по Горнозаводской железной дороге выйти на Чусовую и Пермь.

Прямое же наступление на Кушвинский укрепленный район с востока, через территорию нашего района, повела колонна подполковника Б. М. Черкасова, командира 20-го Тюменского полка. И третья колонна белых под командованием полковника И. Смолина наступала от Алапаевска вдоль железной дороги в сторону Нижней Салды, преследуя Первый Горный и Первый Крестьянский Коммунистический полки, которые торопились миновать Сан-Донато на пути к Кушве.

3 октября под Нижним Тагилом части двух белых дивизий — 4-я под командованием Войцеховского и значительная часть 7-й дивизии В. Голицына, перешли в наступление с юга и запада. Два батальона после скрытного рейда по малолюдным местам прорвались к Сан-Донато, где Северо-Восточная Уральская железная дорога примыкает к Горнозаводской. В результате штыковой атаки 4 октября сводный

Таежный поход

отряд дивизии горных стрелков занял Нижний Тагил и продвинулся до станции Лая. После захвата узловой станции защитники Нижнего Тагила оказались в котле: по железной дороге путь на север отрезан. Самоубийством было идти на прорыв - полки измотаны в обороне.

По Кушвинскому тракту через Лайский завод, деревню Лаю, Баранчинский завод к Кушве отступали части Второй Уральской дивизии: Первый Рабоче-Крестьянский полк, штаб и тыловые подразделения Третьего Екатеринбургского полка, Второй Горный и остатки Третьего Горного полков. Кроме того, отходили Нижнетагильский коммунистический батальон, Нижнетагильский кавэскадрон, Нижнетагильский батальон железнодорожной охраны, кавалерийский взвод горняков, отдельный Висимо-Шайтанский батальон, остатки Второго Невьянского батальона с командой конных разведчиков, Первый Камышловский полк Первой Уральской дивизии.

Четвертому Уральскому полку и некоторым ротам Третьего Екатеринбургского полка удалось обойти Сан-Дonato в направлении Салки, а потом форсировать реку Тагил и с боями через Балакино уже выйти к Лайскому заводу.

5 октября Первая Уральская дивизия красных объединилась со Второй Уральской дивизией и получила название Северо-Уральская сводная дивизия. С этого дня бои шли уже за освобождение Нижнего Тагила и оборону Кушвы. С этого же дня появились в армейских сводках Кушвинское и Верхотурское направления.

После захвата белыми Сан-Дonato советские полки, отступавшие от Алапаевска к Нижнему Тагилу, тоже оказалась в котле: Первый Крестьянский Коммунистический в районе станции Салка и Первый Горный на станции Нижняя Салда. Было принято решение: через тайгу, форсировав реку Тагил, идти к Кушве.

Командир Первого Горного полка С.Г. Пичугов так описал эту ситуацию в своей книге воспоминаний: *«Положение отрезанных полков казалось безвыходным: с запада, юга и востока подковой расположились части противника, а с северо-запада, замыкая концы подковы, преграждала путь река Тагил с ее лесисто-болотистыми долинами. За этой рекой и огромным плесом болот, тянувшимся на десятки километров, была Кушва, куда успели отступить по железной дороге части нашей дивизии и штабы, когда Тагил еще не был занят белыми.*

Пробиваться нам теперь через Нижний Тагил было невысказано, так как идти двумя полками против двух дивизий белых (4-й и 7-й) значило вести людей на явную гибель. Сдаваться на милость победителей — такой мысли и допустить не мог тогда никто. У всех было одно желание — уйти, как бы это трудно ни было, уйти через топкие болота, ползком, но уйти обязательно.»

Первый Горный полк 7 октября вышел из Нижней Салды в направлении Пряничниковой, ближайшей деревни на Тагиле.

Далее Пичугов вспоминает: *«Перед нами стояла трудная задача —*

переправиться через реку Тагил и совершить пятидесятикилометровый марш, чтобы выйти на соединение со своей дивизией, находившейся в районе Кушвы.

Средств переправы никаких не нашлось, а строить плоты не было времени. Разведка нашла брод, через который можно было переправить артиллерию, обозы, да и то с грехом пополам. Но как быть с пехотой? Вода в октябре уже настолько холодна, что вброд вести людей невозможно. Но делать было нечего. Больных и наиболее слабых переправляли на подводах, а здоровым людям пришлось идти вброд по поясу в ледяной воде. На противоположном берегу реки развели костры, у которых мокрые и продрогшие люди обсушивались и обогревались.

Нам повезло — противник почему-то не преследовал нас. Или он считал, что мы и так погибнем, завязнув в болоте, или он сам боялся лезть в это болото. Некоторые считали, что белым «некогда»: заняв новые пункты, они занимаются грабежом и пьянством.

К утру 8 октября мы достигли деревни Прянишниково — это был единственный населенный пункт на всем нашем пути до Кушвы. Здесь решено было устроить большой привал и в походных кухнях сварить болтушку, или, как называют ее на Урале, «саламату». Это просто заправленная мукой горячая вода, она заменяла нам и хлеб, и горячую пищу.

В Прянишникове мы встретили авангард 1-го Крестьянского полка. В ожидании прихода всего Крестьянского полка деревню пришлось поделить на две части. Одну половину заняли «горцы», а другую оставили акуловцам, которые подходили со стороны станции Салка...

...Закурив, мы (с Акуловым, — прим. ред.) сразу перешли на дружеский тон. Я отсытал ему табачку. Тут же обменялись взаимной информацией, из которой установили, что действовали, хотя и порознь и не договариваясь, а поступали почти одинаково: железнодорожные составы они уничтожили, как и мы, боеприпасы тоже подожгли в вагонах. Дальше на Кушву у нас была только одна дорога, и поэтому мы договорились, что впереди будет следовать его полк, а мой полк прикрывать отход.

До Кушвы оставалось два с половиной десятка километров, но дорога была настолько скверной и трудной, что бойцам все время приходилось вытаскивать из грязи артиллерию и обозы. Люди измучились и от усталости валились с ног. Питались очень плохо: кроме болтушки, ничего не имели. Наиболее слабых приходилось вести под руки или подсаживать на подводы, которых было очень мало, да и те перегружены. Двигались со скоростью черепахи. Это был очень тяжелый марш. Ослоповский, командовавший в то время 3-м батальоном 1-го Коммунистического полка, в своих воспоминаниях сравнивает этот поход с походом Таманской армии, описанным Серафимовичем в «Железном потоке».

К концу вторых суток мы кое-как добрались до Кушвы».

В Крестьянском коммунистическом полку Акулова воевали будущий маршал Ф.И. Голиков и писатель П.П. Бажов. Они тоже оставили воспоминания об этом переходе через тайгу к Кушве. Ф.И. Голиков, в то время красноармеец одной из рот, опубликовал не просто воспоминания, а свой дневник. Приведем некоторые выдержки из страниц этого дневника:

7 октября. Станция Салка

...Пока я сидел над своим дневником, командование приняло важное решение. Только что объявили: под утро отступаем дальше. Надо торопиться — как бы белые окончательно не перерезали путь на Кушву. Отступить придется по бездорожью, через болота и леса. Что и говорить, дело невеселое.

...А тут еще новое осложнение: вместе с нами через леса и болота пойдут подводы с беженцами. Белые без жалости и пощады расправляются с семьями красноармейцев. Потому и приходится нам брать с собой женщин, стариков и детей из-под Тюмени, Долматова, Верхней Течи, Катайска, Каменска, Камышлова, Егоршина, Алапаевска.

Как мы будем с ними двигаться, не могу себе представить. Но ведь не оставишь их, не бросишь на произвол судьбы!...

10 октября. Деревня Ясьва

Неужели не найдется писатель, который рассказал бы людям о нашем походе?!

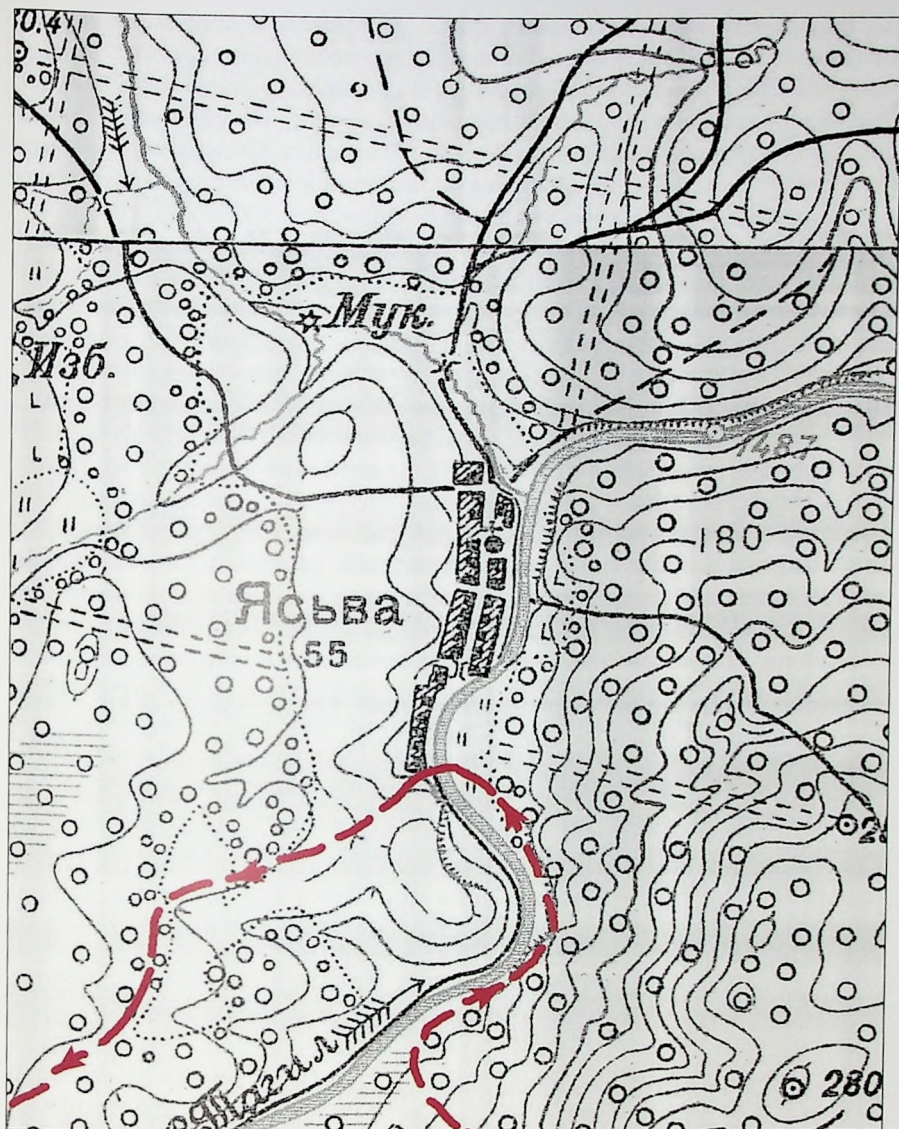
Идем уже не первый день, а запомнился каждый час, каждый шаг. Поначалу, от Салки, дорога была сносная. Мы приободрились — не так страшен черт, как его малюют. Но вскоре выяснилось, что радовались преждевременно.

Поля кончились, колонна вошла в лес. Дорога превратилась в узкую дорожку, а еще через несколько верст — в тропку. Эта тропка и привела под утро в совсем гиблые места. Кругом — болота, поросшие реденькими елями и березками.

Было бы еще полбеды, если б шли гуськом несколько человек, а то — целый полк, с артиллерией, обозом. После кавэскадрона, головного третьего батальона и штаба от тропы ничего не осталось. Что ни шаг, чуть не по колено проваливаешься в грязь. Молодым так-сяк, а пожилым тяжело.

Вместе с нашим первым батальоном двигалась полковая батарея, за ней второй батальон, потом китайские роты и, наконец, тылы 1-го Горного полка.

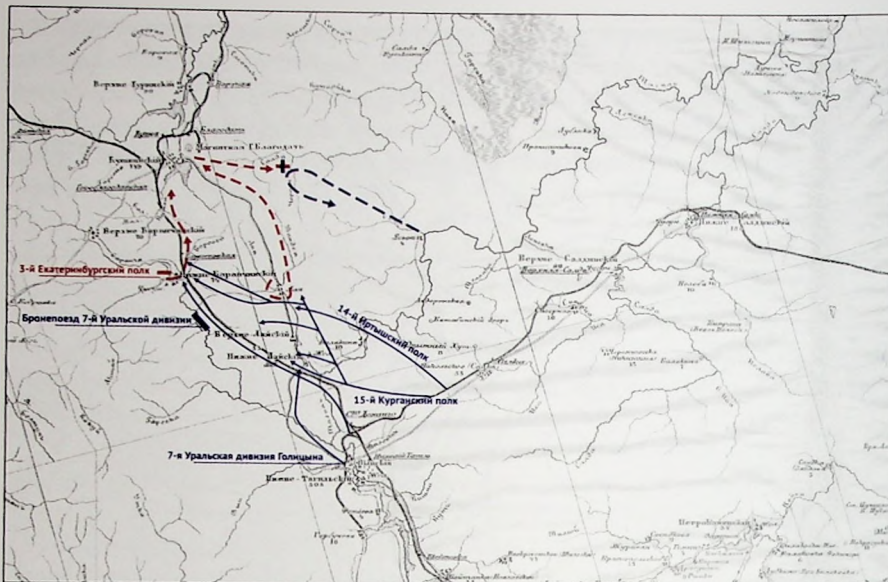
...С грехом пополам вышли к реке Тагилу у деревни Ясьва. Здесь — снова беда. Река, хоть неширокая и неглубокая, но быстрая. А ни парома, ни моста нет. Первым встал вопрос: как быть с батареей? Над этим все ломали голову: и командиры, и красноармейцы. Предлагались разные способы. В конце концов, решили перетянуть пушки канатами на

Карта деревни Ясыва. Место переправы через реку Тагил

небольшом плоту вручную. Одно орудие затонуло, и его долго вытаскивали. Сам товарищ Акулов Ф. Е. хлопотал по горло в воде. Четыре часа возились с батареей, а всего на переправе пробыли шесть часов.

За рекой Тагилом стало посуше. Плохонькие лесные проселки показались нам мостовой. Как приятно, когда под ногами не чавкает грязь, когда тебя не засасывает болото!

Наступление белых с 14 по 18 октября 1918 года

Однако опять же радоваться было рано. Мы потеряли связь с дивизией. Никто не знает, в чьих руках Кушва, к которой пробиваемся с таким трудом».

Другой участник событий, Павел Петрович Бажов, в то время редактор газеты «Окопная правда» выходил из окружения с тем же Крестьянским коммунистическим полком, что и Голиков. Он эти события описал так: «...Густой дремучий лес, и полная неизвестность впереди... Старик-проводник обещает дня через 3—4 вывести лесными тропами к Кушве...»

...Дорога невозможная. Верней, ее совсем нет. Сразу запарившиеся лошаденки едва вытаскивают артиллерию. С первого же километра становится ясным — не довезут. Но подпрягаются люди, и артиллерия кое-как тащится по лесным трощобам и болотам.

— Плоты, значит, умеешь плотить? — спросил подъехавший в это время комбат и закричал роте: — Товарищи! Кто на сплаве работал, выходи. Через Тагил батарею на плотях придется.

В роте нашлось человек десять, которые, бросив работу по настилу мостика, быстро ушли вперед.

Тагил — неширокая, но довольно глубокая речка. От длительного настаья она сильно поднялась, а бродов нигде не находили. Настлать упрощенный мост тоже было нельзя, и вопрос о переправе через Тагил орудий сильно беспокоил головной батальон.

Привал решили сделать до переправы.

С утра плоты-паромы работали, и переправа военных грузов была

довольно успешной. С батареей, однако, вышла неудача. Две пушки затонули, и бревенчатый помост плота под ними лишь мешал вытянуть их с помощью веревок. Полезли в воду разбирать плот и подкладывать катки. Эту ванну октябрьской температуры берет вместе с красноармейцами и командир полка Акулов. В результате всех этих усилий пушки были вытянуты и потащились дальше.

Через три дня этой дорожной муки стали подходить к Кушве».

Читателя может смутить то, что Ф. Голиков не упоминает о Пряничниковой, а Пичугов – о Ясьве. Дело, скорее всего в том, что Первый Горный полк все делал, как описал Пичугов, а Первый Крестьянский Коммунистический полк не пошел одной колонной. Акулов с одним из подразделений еще до взрыва моста выехал из Салки в Верхнюю Салду, Пичугова там не застал, но узнал, что Горный полк пойдет из Нижней Салды на Пряничникову. И Акулов сразу же повернул к реке Тагилу, форсировал ее и раньше Пичугова оказался в деревне. Далее все было, как описал Пичугов. Батальоны же, в которых были Голиков и Бажов, до реки шли без Акулова. Недаром вопрос с плотами решал один из комбатов. Поэтому Бажов и Голиков не были в Пряничниковой. Привал они делали перед переправой, напротив Ясьвы. Акулов с авангардом полка налегке, без обоза по хорошей дороге на левом берегу Тагила поднялся вверх из Пряничниковой до Ясьвы, где встретил свой полк и участвовал в форсировании. А дальше, после Ясьвы, полки действительно шли одной колонной.

Голиков не зря переживает в дневнике, что Сибирская армия может их опередить с востока. Подразделения белых уже 9 октября были в Пряничниковой, то есть буквально шли по пятам Горного полка. В распоряжении полков Сибирской армии, действовавших на реках Тобол и Тура, были легкие катера. Только используя их, авангард 20-го Тюменского полка, поднявшись вверх по Тагилу, мог оказаться в Пряничниковой уже 9 октября, в то время как колонна Смолина, продвигаясь по железной дороге, вошла в Нижнюю Салду только 10-го. Из Пряничниковой белые, захватив отставшие от обоза Горного полка три повозки, направились в Ясьву и уже по протоптанным лесным дорогам – к Кушве. Часть 20-го Тюменского полка, надо полагать, от Пряничниковой тоже по лесным дорогам двинулись на север, в сторону Новоселков (сейчас это поселок Выя) и Салды (Кутькиной). Так Гражданская война пришла и на нашу территорию.

12 октября красные полки, вырвавшиеся из котла через тайгу и болота, были в Кушве. И сразу же включились в боевые действия. Первый Горный полк направили навстречу колонне Казагранди, к Верхотурью, которое к этому дню уже заняли белые. Полк Филипа Акулова готовился к отражению непрекращающегося мощного наступления белых со стороны Нижнего Тагила.

Оборону на Лайских позициях до 14 октября держал в основном Первый Рабоче-Крестьянский полк под командованием М. А. Гален-

кина, усиленный за счет тагильских частей. В него был влит и Нижнетагильский коммунистический батальон под командованием А. Л. Пунтуса (бывшая Нижнетагильская Советская боевая дружина), образовавший 5-ю роту полка, пулеметная команда батальона во главе с Я. Р. Нуммуром, остатки Третьего Горного полка под командованием И. И. Баранова, образовавшие 6-ю роту полка, команда конных разведчиков под начальством Е. Н. Меринова.

20-ый Тюменский полк, преследовавший красных в Пряничниковой и Ясьве, в это время приблизился на опасное расстояние к Кушве. 18 октября командование красных докладывало: «...Противник повел наступление по дороге Ясьва-Кушва на Кушвинский завод, но в 12 верстах от указанного завода был встречен нашими войсками. После двухчасового боя противник, численность около 200 чел. был окружен и разбит наголову. Незначительные остатки этого отряда обращены в бегство. Во время преследования на протяжении 8 верст захвачено 15 повозок и 25 лошадей...». Белые врасплох не застали, потому что приказом по дивизии в Ясьве располагалась конная застава, которая вовремя предупредила штаб.

Еще об одном событии этих дней оставил свои воспоминания Захар Берсенев, красноармеец, пулеметчик 7-ой роты Крестьянского Коммунистического полка: «В Кушве пока стоим спокойно четверы сутки, (после выхода из тайги 12 октября, - прим автора) после чего нашу роту отправляют в обход, т.е. в тыл противника, подошедшего и окопавшегося в верстах в двух или в трёх в лесу у небольшой речушки юго-восточнее Кушвы. Ночь была очень темна, мы зашли в тыл версты на две и наткнулись на часового при тыловом обозе, где и началась схватка, т.е. перестрелка и в полном смысле неразбериха. Мы сразу пустили в ход все четыре пулемёта, а у белых в тылу, кроме часовых, никого не было. Постреляя несколько минут, мы всё же стали подвигаться под редким ружейным огнём белых вперёд к их окопам, из которых они отступили в сторону, думая о том, что нас в тылу много. Спустя с полчаса, стрельбы от белых не стало слышно, так как они уже из окопов совсем ушли. Не зная, в чём дело, мы стали продвигаться по обратному пути лесом к Кушве, и на рассвете лишь кое-как через болото вышли на Кушвинскую дорогу, которой и прошли в Кушву. На рассвете же наша разведка пошла осмотреть картину и участок боя, то обнаружилось, что кони тылового обоза белых, как были на привязи, так и висят убитые и подстреленные, а по дороге были коня запряжённые в кухни и обозные, так же таскаются по дороге убитыми и подстреленными.

В этом лесу у нас победа была шикарная, наша разведка вторично брала коней и привезли нам с боевого участка вдоволь хлеба, мяса, мыла, оставленного белыми. Со стороны противника есть убитые раненые, а с нашей стороны ранен командир роты Крутаков и один красноармеец...».

Ночной бой, похоже, был 15-16 октября. Рота Берсенева в этом бою, вполне возможно, разбила часть 20-го Тюменского полка, наступавшего по тракту из Ясьвы. А вскоре и весь остальной Первый Крестьянский Коммунистический полк отличился в контратаке на белых, наступавших от Нижнего Тагила, отбросив их далеко за Большую Лаю. За этот бой командование наградило полк Боевым Красным знаменем и присвоило звание «Полк Красных Орлов».

Вместе с Красными Орлами в наступлении на Лайский завод участвовали две роты Первого Рабоче-Крестьянского полка под командованием М.А. Галенкина. Позднее, после упорных боев весь полк прибыл в Верхнюю Туру для приведения себя в порядок. С этих дней в его историю вписаны страницы, связанные с боями на территории нашего района.

Не все отряды белых продвигались от Ясьвы по пятам отступавших полков и были разбиты под Кушвой. В тайге хватало и других дорог. В двадцатых числах октября были замечены конные разъезды белых от Салды (Кутькиной) по тракту к горе Благодать через рудник Колчедан, а на Верхне-Туринский завод – через Александровские углевыжигательные печи.

К тому же 19 октября два бойца из Петроградского отряда беспощадных прикомандированного к Рабоче-Крестьянскому полку Леонид Казаков и Николай Широков по заданию командира отправились в деревню Салду для реквизиции лошадей у местных жителей и в отряд не вернулись.

В Кушве в это время стоял Первый Камышловский полк, в составе которого был конный отряд П.Н. Анчутина, - полковая разведка. Командир полка дал задание Анчутину: выяснить ситуацию в районе рудника Колчедан, прииска Богомоловского и Салды. И взять языка, желательно военного.

П.П. Бажов в истории полка камышловцев так описывает этот эпизод: *«...Ранним утром разведка выехала по указанному направлению с двумя проводниками из местных рабочих. На руднике оказалось пусто. Жителей ни одной души, хотя по маленькому поселку, домов 5-6, бродят коровы. Ясно, что жители укрылись где-то в лесу. Спросить о положении не у кого. Отправились по тракту в направлении на Салду. Как раз в это время дозор сообщил, что оттуда идет какой-то обоз, впереди обоза верховой в гражданской одежде.*

Анчутин приказал спешиться, спрятать лошадей в лесу и поджидать обоз.

Местность вдоль дороги – редкий березняк и с одной стороны болото, на котором по высоким местам густые кусты вересовника. Со стороны болота вдоль дороги широкая и очень глубокая канава.

Верховой в казацком седле. По посадке видно, - привычен к езде. Заслышав ржание наших коней в лесу, насторожился, быстро заворотил лошадь и поскакал к обозу.

Разведчики, вскочив на коней, вылетели из леса на дорогу. Подводы сбились в кучу, подводчики – в лес. А передовой бросился в сторону болота, но лошадь у него не взяла канаву. Он спрыгнул с лошади, перебрался через канаву и скрылся в густых кустах вересовника. Анчутин за ним, через канаву, на лошади. Но в кустах потерял его, кричит: «Здесь он где-то. Ищите, ребята». И сам снимает карабинку...».

Белого офицера задержали, но при задержании ранили и до своих не довели. Но в то же время выяснили, что за повозками в сторону Колчедана шла целая рота пехоты для прикрытия обоза. Только двигалась она вопреки правилам позади его. Пехота с перепугу, отстреливаясь, отступила в сторону Салды, но разведчики ее преследовать не стали. Достаточно было того, что выявились серьезные намерения белых в этом районе.

Первый Рабоче-Крестьянский полк, находившийся в Верхней Туре, получил задание: выбить противника из деревни Салды и занять ее. Красное командование опасалось, что противник может прорвать на этом направлении оборону, захватив Верхнюю Туру, выйти на ст. Азиатскую и отрезать Гороблагодатский узел от Перми. Опасались не напрасно. Еще 26 октября генерал Вержбицкий для выполнения задачи по овладению Кушвинским заводом приказал восточной группе Б.М. Черкасова (20-ый Тюменский полк, одна сотня 2-го Сибирского казачьего полка со штабом в д. Салда) занимать прежнюю позицию в районе Богомоловского и войти в связь с левым флангом колонны Казаранди.

Когда 28 октября Первый Рабоче-Крестьянский полк выступил из Верхней Туры в направлении Колчедана, оказалось, что белые уже заняли Богомоловский прииск и двигаются к рудничному поселку. Пришлось прямо с марша вступить в бой. Дорога, по которой пришли красные, и сейчас еще существует за городским прудом, бывшим аэродромом и коллективными садами. Вдоль Кушайки полк Галенкина контратаковал белых, заставил их отступить от Колчедана и сам закрепился на руднике.

В этом бою погиб начальник пулеметной команды Ян Нуммур. Его тело позднее было вывезено с поля боя и доставлено на родину Нуммура, в пос. Левшино, где было похоронено с почестями. А когда на месте рудника и поселка появился город, именем Яна Робертовича назвали улицу. И не так уж далеко она находится от места гибели начальника пулеметной команды.

Во время нахождения красных в Старом Колчедане были обнаружены тела Широкова и Казакова. Свидетели рассказали, что бойцы попали в засаду. После безрезультатного допроса белые их расстреляли, а тела сбросили в один из шурфов. Погибших с почестями захоронили неподалеку от поселка.

29 октября в Колчедан на помощь полку прибыло две роты Третьего Екатеринбургского полка и кавалерийский эскадрон из нового,

созданного в Кушве Путиловского Стального кавалерийского полка.

Командир этого эскадрона Т. Я. Евсеев оставил записки о взятии 30 октября Богомоловского и Салды. Правда, в своей заметке он писал и о себе, в третьем лице.

«...В шесть часов колонны выступили с прииска «Колчедан» по заданным маршрутам на Богомоловский рудник. Левая колонна, не доходя до позиции противника метров четыреста, рассыпалась в цепь и залегла. Как только средняя колонна Галенкина завязала бой с противником, по приказанию комбата Баранова цепи левой колонны перешли в стремительное наступление, выбили противника из окопов и бросились в штыки. Белые не выдержали штыковой атаки и в панике бежали с Богомоловского. Заняв прииск, эскадрон Евсеева преследовал по малой проселочной дороге на деревню Салду. При этом конникам пришлось рассыпаться по лесу, чтобы уничтожить разбегавшихся белогвардейцев.

На большаке деревня Салда – Богомоловский рудник наших кавалеристов обстрелял противник, и конникам пришлось отступить метров на двести, оставив впереди дозоры. От командира полка поступил приказ – до подхода пехоты в бой не вступать. Узнав об успехе кавалеристов, пехотинцы прошли 11 верст менее чем за два часа. Подойдя к заставе противника, они цепью перешли в наступление на деревню Салду. Сам Галенкин шел впереди с пулеметом, стреляя на ходу, увлекая полковые роты. Противник дрогнул и побежал. За ним устремилась группа кавалеристов Евсеева. Противник оставил Салду. Конники преследовали его и дальше, а затем вернулись в Салду на ночлег. Пехотные части выставили сторожевое охранение».

Бой закончился в восемь вечера. Наступившая ночь и отсутствие данных разведки, куда отступил противник, еще сыграют свою роль в месячном противостоянии белых и красных в Салде.

Оставив две роты екатеринбуржцев в деревне, полк Галенкина вернулся в Верхнюю Туру продолжить отдых. Но отдыха не получилось, потому что роты, оставленные для обороны, через два дня сдали деревню обратно белым. У Третьего Екатеринбургского полка репутация и ранее была подмочена. Его командному составу, состоявшему из бывших офицеров царской армии, в дивизии не доверяли. А тут еще 18 октября при наступлении белых со стороны Нижнего Тагила сдалась в плен одна рота полка, находившаяся тогда в Баранчинском заводе. Перед взятием Салды командование полком принял коммунист Г.И. Пустарнак, но боевого духа в ротах по-прежнему не хватало. 2 ноября белые восстановили свои силы на базе в Новоселках и неожиданно ударили по Салде. Екатеринбургцы оставили деревню и отступили в Богомоловский.

3 ноября командир Второй бригады Клоков отдал приказ полку Галенкина немедленно вернуться в Салду и отбить ее у белых. Красноармейцы вначале заявили, что пусть деревню отбивают те, кто ее

Возможное место переправы через Тагил в Ясьве

сдал. После состоявшегося партийного собрания, на котором осудили такую позицию бойцов, фактически невыполнение приказа, уже 4 ноября один батальон полка выступил в сторону Салды, 5 ноября к нему присоединились еще два батальона, прикомандированный к Рабоче-Крестьянскому Петроградский отряд беспощадных и отступившие роты Третьего Екатеринбургского полка.

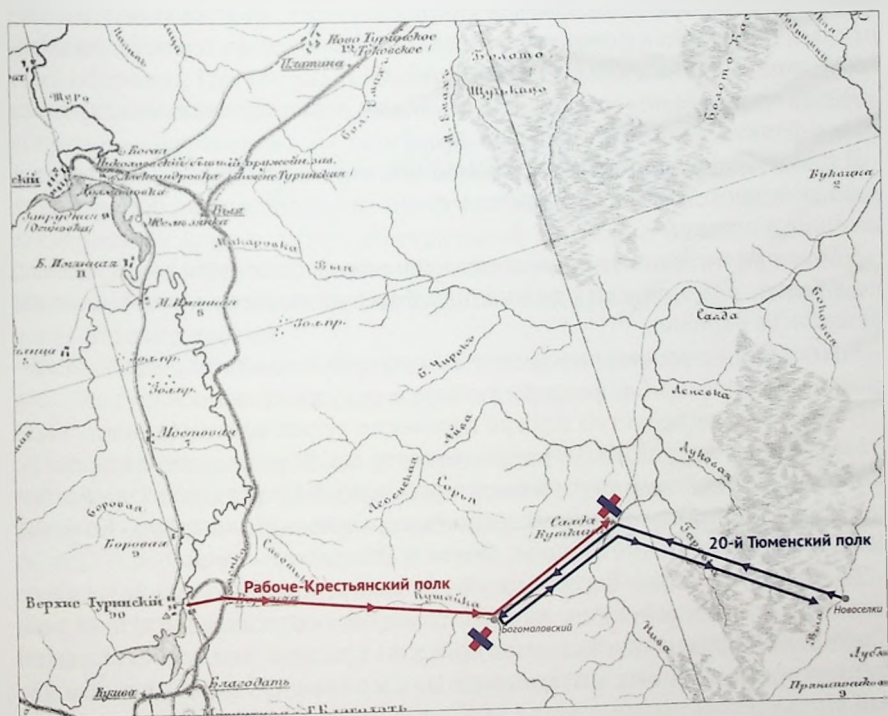
Белые ждали контрнаступления, и бой был ожесточенным. Достаточно сказать, что только полк Пустарнака потерял в этом бою 205 человек. Погиб военком полка А.И. Иванов, командир роты Петр Грушин, помощник командира роты И. Старков. В бою потеряли четыре пулемета и расчеты двух из них.

Отличилась пулеметная команда Первого Рабоче-Крестьянского полка. Красноармеец Гавриил Железков из этой команды за храбрость, проявленную в бою, был награжден Орденом Красного Знамени.

Удаленность Салды от Новоселков сыграла свою роль, резервы белых не успевали к месту боя, и в ночь с 6 на 7 ноября Салду вновь заняли красные. Летописец Гражданской войны в нашем районе Т.Г. Кин пишет об этих днях: «... Утром 7 ноября здесь состоялся массовый митинг. Он прошел весьма оживленно. Настроение красноармейцев было бодрым. Они охотно делились впечатлениями о последнем бое, в котором особенно отличился Петроградский отряд беспощадных, прикомандированный к полку в качестве разведывательного подразделения. Им командовал Гавриил Иванович Аксенов.

А спустя несколько дней (10 ноября) Первый Рабоче-Крестьянский полк получил от областного совета профессиональных союзов уральских рабочих подарки: табак в кисетах, бритвы, машинки для стрижки волос, записные книжки, карандаши и много других, нужных для солдата вещей. Члены полкового партийного бюро раздавали эти подарки прямо на позициях. Это событие вызвало у них большую радость, было воспринято как яркое проявление заботы тружеников тыла о своих защитниках. Красноармейцы просили передать через дивизионную газету «Окопная правда» искреннюю благодарность рабочим Урала».

Все последующие дни обороны Гороблагодатского узла Первый

Бои за деревню Салду

Рабоче-Крестьянский полк сдерживал противника на этом направлении. Фронтальная линия пролегла между Салдой и Новоселками. Только красные не делали попытки форсировать реку и лишить белогвардейцев их базы. Полк Пустарнака вскоре был переброшен на Верхотурское направление. Там в боях с 15 по 23 ноября он снова показал себя не с лучшей стороны, был расформирован, и большая часть его бойцов вернулась в Салду, пополнив ряды полка Галенкина. Так же пополнение прибыло после расформирования под Верхотурьем Первого Горного полка. Юго-восточное направление Кушвинского укрепрайона становилось с каждым днем важнее. Белогвардейцы, а с 18 ноября, дня провозглашения адмирала Колчака Верховным правителем России, их можно было уже называть колчаковцы, не переставали пробовать оборону Салды на прочность.

Во многих источниках упоминается, что Салда неоднократно переходила из рук в руки, но после 7 ноября известны подробности только одного боя. Он произошел 20 ноября. Т. Кин описывает его так: *«В этот день враг повел особенно энергичное наступление. Командир полка Галенкин приказал подразделениям отойти на некоторое расстояние от деревни в тыл, а затем ловким маневром по лесу возвратиться назад и неожиданно ударить во фланг противника.*

Белые с криком «ура» ворвались в оставленные окопы на восточной окраине деревни и, не встретив сопротивления, понеслись дальше, уверенные, что наши в панике отступают. Снова «ура», и они беспорядочными толпами загрохотали улицы Салды.

В это время на них и обрушился сильный огонь пулеметов и бомбометов с фланга.

В рядах белых это вызвало смятение, и они заметались по деревне, ища укрытий. Тогда послышалось громовое «ура» наших бойцов, перешедших в атаку.

Несмотря на то, что по численности наших было раза в три меньше, чем белых, они нанесли противнику большие потери и заставили его бежать из деревни.

Успеху боя в значительной степени способствовало то обстоятельство, что деревня Салда со всех сторон окружена лесом».

Это же обстоятельство вскоре принесло успех колчаковцам.

Наступали холода. Замерзали болота, на дорогах твердела грязь. Белые основательно готовились к реваншу в Салде (Кутькиной). Колонна Б. Черкасова по-прежнему находилась в Новоселках. Колонна Н. Смолина – в Нижней Салде, Ясьве и Пряничниковой.

27 ноября генерал Вержбицкий направил в войска приказ, содержащий подробный план наступательной операции частей отряда Сибирских правительственных войск на три дня. Что касается нашей территории, колонна полковника Н. Смолина (13-ый Омский и 14-ый Иртышский полки, третья чехословацкая батарея и две сотни казаков) лесными дорогами должна дойти до деревни Салды и занять

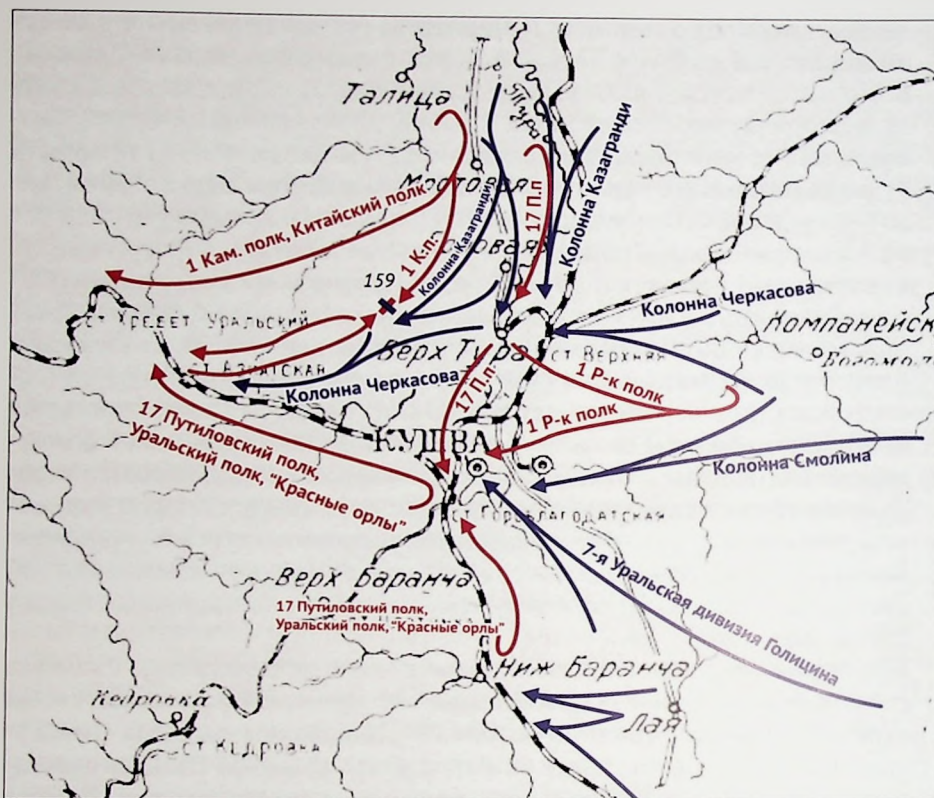
ее. Колонна подполковника Б. Черкасова (15-ый Курганский и 20-ый Тюменский полки, 4-я легкая батарея и две сотни казаков) должна помочь смолинцам выбить красных из деревни Салды, затем сходу занять Александровские печи. А полки Смолина после Салды двинутся на Богомоловский и Колчедан. Затем целью этих двух колонн будет соединение с колонной Казагранди в районе Верхнетуруинского завода и совместное наступление на Кушву и Азиатскую.

28 ноября отряд Сибирских правительственных войск генерала Вержбицкого перешел в наступление. Колонны полковников Черкасова и Смолина с двух сторон атаковали передовую позицию красных на восточной окраине деревни Салда, выбили их из окопов и повели наступление на основную позицию, расположенную на высотах западнее деревни. Эта позиция представляла собой траншею полного профиля, и атакой «в лоб» взять ее не удалось. Тут вспомним вывод Т. Кина: *«Успеху боя в значительной степени способствовало то обстоятельство, что деревня Салда со всех сторон окружена лесом»*. В этот раз обстоятельством воспользовались колчаковцы. Высота была захвачена штыковой атакой с тыла, а ее защитники перекоты. Полк оказался в окружении и пошел на прорыв в сторону Богомоловского.

Но окружение деревней не ограничилось. Часть колонны Смолина сразу с Ясьвы лесной дорогой вышла на прииск Никольский, чтобы отрезать путь отступлению основных сил красных с Салды. Никольский оборонял Петроградский отряд беспощадных. По воспоминаниям участника событий А. Канышева, несколько десятков бойцов встретили колчаковцев на северной окраине прииска и обстреляли наступающих из единственной в отряде пушки-«сорокопятки». Когда кончились снаряды, отряд отступил по дороге на Богомоловский, закрепился у моста, затем контратакой отбросил белых обратно к Никольскому. «Беспощадные» благополучно избежали окружения, приняли бой и держался до тех пор, пока полк Галенкина не прошел через Богомоловский.

Далее Первый Рабоче-Крестьянский разделился, часть полка отступила на станцию Верхняя, другая – по Приисковскому тракту через Колчедан на Кушву.

1 декабря командир 29-ой дивизии телеграммой со станции Бисер назначил Галенкина начальником боевого участка для Верхне-Туринского района. 2 декабря комбриг-2 Клоков отвечает в штаб дивизии: *«Сообщаю подробности боя под Верхней Турой и д. Боровой. По сообщению коменданта Верхнетуруинского завода 17-ый Петроградский полк разбежался без выстрела. Первый рабоче-крестьянский полк охранял ст. Верхняя и оцепил весь Верхнетуруинский завод цепями. Противник по тракту с Боровой шел с песнями. Под заводом завязался бой с Первым рабоче-крестьянским полком, который продолжался около часу. После того, как комендант уехал, бой прекратился на улицах за-*

Положение на 1-4 декабря 1918 года

вода. Тов. Галенкин сообщил коменданту, что дорога на Азиатскую отрезана. Рабочий полк с боем отступает по Кушвинскому тракту».

Итак, 2 декабря были заняты деревня Боровая и Верхне-Туринский завод. Здесь встретились колонны Казагранди и Черкасова. Отсюда наступление на Кушву продолжалось в двух направлениях: колонна Казагранди по Верхотурскому тракту и вдоль железнодорожного полотна, колонна Черкасова – через вершину Верхнетуринского пруда на ст. Азиатская.

Стреляющий ноябрь 1918 года, активное время Гражданской войны на нашей территории закончились. Были захоронены в братских могилах в Салде и белые, и красные. А война покатила дальше через Кушву, на Пермь. И начала обустроиваться относительно мирная жизнь при колчаковской власти.

На нашей территории не было казней, которые устраивали колчаковцы в Кушве и Верхней Туре. Только наступавшие по Приисковскому тракту белые разорили сельскую коммуны Степана Зайкова, а

его самого расстреляли в Кушве.

Администрация Гороблагодатского округа, состоящая из чиновников старой закалки, принялась за привычную работу. Были составлены списки оставшихся на предприятиях. Служащие управления заняли свои кабинеты, рабочие и мастера пришли в цехи. И все так же секретарь принимала из Екатеринбурга телефонеды и телеграммы для начальника округа. Открылись школы и училища. А дней через десять после занятия белыми Кушвы округ уже интересовали оклады врачей и акушеров на местах.

Зима с 1918 на 1919 год при колчаковцах в лесных поселках прошла в обычных хлопотах. Да, не работали шахты и рудники. Но не остановились технологические цепочки на углевыжигательных заведениях.

После зимы всегда приходит весна. Весна 1919 года была поворотной в Гражданской войне. Красная армия «оттолкнулась» от Волги и начала возвращать себе Урал и Сибирь. А заводы не останавливались, хотя были близки к этому. К 1 мая 1919 года на Верхнетуринском заводе оставалось 990 коробов угля при потребности 4800, да дров 100 кубов при потребности 800. Необходимо было срочно проложить узкоколейку до Юрьевского заведения - 16 верст. С Межени на Ржищенское угольное заведение строилась конно-рельсовая дорожка для перевозки дров. Подрядилась строить её артель Трофима Яковлевича Кононова. Для скорейшего завершения работы он просил материалы. Отыскалось в Кушве 400 штук рельсов и тридцать четыре ящика костылей. А 5000 пудов рельсовых накладок Серебрянский завод обещал изготовить только к середине июня.

7 июля, когда первые обозы белых потянулись через Верхнюю Туру в сибирскую эвакуацию, управитель завода обыденно, без паники утверждал смету на переустройство в литейном цехе под большой заказ железнодорожников. На другой день написал приказ о принятии практикантов-студентов на завод: двоих в доменный цех, двоих - в техническое бюро и одного в литейный. Словно за проходной и войны - то нет. 14 июля созданная командованием Третьей армии из кавалеристов 29 и 30 дивизий ударная группа в две тысячи сабель под командованием Н.Д. Томина начала наступление вдоль Горнозаводской железной дороги. 18 июля в 6 часов утра первые сотни 23-го Камского полка вошли в оставленную колчаковцами Верхнюю Туру. И по дорогам углежогов и лесорубов через нашу территорию проследовали в Нижнюю Салду. К вечеру 20 июля она тоже была освобождена. Гражданская война в Гороблагодатском округе была окончена.

Очерк десятый.

Кушайская шкатулка хозяйки Медной горы

После освобождения территории от белой армии восстановилась связь с европейской частью России, взамен аннулированных «сибирских денег» рабочим Кушвинского и Верхнетурунского заводов, углеголам и лесной администрации выдали единовременное безвозвратное пособие по 480 рублей. Нужно было оживлять основное производство, чтобы возвращавшиеся из эвакуации люди могли заработать себе на пропитание. А производства не было, как не было металла и специалистов-инженеров, многие бежали с отступившими колчаковцами. Некоторые заводы округа просто стояли, и никто не верил в их быстрое восстановление.

Не переставали жить во время войны только лесные дачи. Работали под непосредственным давлением нуждающихся в топливе железнодорожников и заводских поселков. Жила и новостройка – узкоколейка в Верхнетурунской даче. Путь от Каменки до Бородинки не прекраща-

Геологическая карта начала 20-х годов

ли строить во время войны и закончили к началу октября 1919 года. Нужно было соединить Каменку с заводом, чтобы не перегружать лес и уголь на ширококолейные вагоны. Долго просили разрешения у Богословской железной дороги на прокладку третьего рельса по их шпалам, чтобы по широкой колее до завода мог ходить узкоколеечный паровоз. В конце января 1920 года разрешение получили. На передвижку путей потребовалось 70 рабочих и три лошади. 1 февраля закончили соединение Каменки с заводом с подходом под железнодорожное полотно.

К весне 1920 года эксплуатировали уже 34 км пути. Контора правления узкоколейной железной дороги (УЖД) представляла собой восемь товарных вагонов, стоящих на Каменке, в трех верстах от завода, в лесу. В них располагались начальник станции, стрелочник, строительная артель Драгунова, канцелярия, кузнец, склад, слесарная и плотничная. Чтобы прокладывать дорогу дальше, необходимо было построить бараки для людей на Бородинке, заготовить шпалы, рельсы и другие элементы пути. И нужны были люди, много людей.

Само лесное хозяйство работало в тяжелых условиях. Прежний служивый аппарат был разрушен. Карты, документы и инструменты были увезены белыми при отступлении. Первую зиму после освобождения от Колчака Урал замерзал. Все заводы округа страдали без топлива. Там

в зиму с 1918 на 1919-ый население отвлекалось от лесозаготовительных работ различными военными нарядами. Только у верхнетуриинцев, в наших лесах было заготовлено топливо в большем, чем где-либо, количестве. Но не получалось вывезти быстро и много, поэтому строящейся дороге уделяли особое внимание.

В марте 1920 года распоряжением из Нижнего Тагила правление Верхнетуриинской УЖД перешло в подчинение управлению завода. Завод стал располагать пятью паровозами колеи 1067, фирм «Китсон», «Коккериль» и «Гортман». Вагонов узкоколейных было: товарных – 29, платформ – 24, классных – 2.

В июне 1920 года из-за ненастья движение на дороге и строительство нового пути было остановлено. На Верхнетуриинскую УЖД районным правлением был командирован заведующий строительным подотделом А.Я. Динбург. Его задача была организовать в кратчайшие сроки строительство узкоколейки. По этому же поводу собралось совещание всех руководителей Гороблагодатского округа. Совещание постановило: каждый завод должен командировать людей на строительство. Ежедневно на трассу выходило до 430 человек: на погрузку и разгрузку балласта, ремонт подвижного состава и путей, погрузку и выгрузку материалов. Ныне живущие могут представить картину строительства, если вспомнить фильм «Как закалялась сталь», в котором рассказывается о строительстве дороги между складом дров и замерзающим Киевом.

Если сегодня пустые бензобаки могут остановить строительство, то тогда было другое горючее для другого транспорта. На участке Бородинка – Серебрянская нужно было переместить от восьмисот до тысячи кубических саженей грунта. Для работы требовались лошади. И для них директор завода Зобнин просил в отделе снабжения Высокогорского района 500 пудов овса.

Строителям не хватало лопат и кайл. В августе 1920 года на трассе работало уже 500 человек. К прежним работам добавилась балластировка пути и укладка рельсов. Балласт брали из Дедюхинского карьера в трех верстах от Чирка. Для оборота паровозов на станции Чирок строили треугольник.

В сентябре число работающих увеличилось до шестисот тридцати. Через месяц, перед зимним сезоном всей узкоколейке сделали ревизию. И что же она выявила:

а) рельсами соединены: завод, Каменка, казарма Абатурова, Межень, Чирок, Бородинка;

б) путь плохой, потому что в свое время начали эксплуатацию без балластировки и без выверки рельс;

в) путь представляет волнистую линию во всех плоскостях;

г) на участке Чирок – Бородинка движения нет;

д) нет никаких дорожных знаков, ни верст, ни пикетов.

Осенью 1920 года обязанности заведующего дорогой исполнял

Шахты колчеданные

Александр Трофимович Кононов, обязанности техника – Анатолий Дмитриевич Цепин, старшим дорожным мастером работал Павел Федорович Шиханов, техническим десятником на Дедюхинском карьере – Иван Афанасьевич Москвин.

В план на 1921 год входило построить перегоны: Бородинка – Серебрянка, Серебрянка – Вогулка, Вогулка – Юрьевское, Вогулка – Спусковое, Спусковое – Буксино.

Как могли, строили, и в это же время вывозили по существующим путям лес и уголь. Но в июне 1921 года во время продовольственного кризиса не выполнили план по перевозкам, потому что люди не выходили на работу из-за голода. В августе правление округа решило вопрос о «броньпайках»- муке - валюте того времени, и отпустило для

строительства дороги 370 пайков. На земляные работы тоже просили валюту - 250 пудов овса.

К декабрю 1921 года всё же уложили пути от Бородинки до Серебрянского. За работу должно было рассчитаться Уральское управление по стройке и эксплуатации топливных ветвей на Урале (Уралтопветстрой) продуктами и деньгами, так как артели не получали денег, и кредитов на строительство тоже не выделяли. Итоговых цифр Уралтопветстрой не имел, но всё же удалось получить для УЖД за постройку: 260 аршин мануфактуры, 15 пар пимов, 728 пудов муки.

Дорогой в этот момент заведовал Крысенко. Он предоставил расчеты. Из них для нас будут интересны расценки в валюте того времени - в пудах муки:

- а) разрубка просеки за десятину площади - 10 пудов;
- б) корчевка пней за десятину - 20 пудов;
- в) земляные работы по профилю, одна косая сажень - 28 фунтов, одна кубическая сажень - 25 фунтов;
- г) кювет, канава за кубическую сажень - 20 фунтов;
- д) укладка пути за одну версту - 37, 5 пудов;
- е) заготовка шпал - одна шпала - 1 фунт.

Как пример: распилено 100 бревен с оплатой за каждое бревно мукой. На 10 рабочих выдали 4 пуда муки. И так за каждую, даже незначительную работу - мука, хотя бы фунт.

На участке Бородинка - Серебрянское при строительстве было затрачено продовольствия: 3350 пудов муки и 1250 пудов овса. За мокрые грунты уплачено мануфактуры по два аршина за 180 кубических сажень, всего 360 аршин. Кроме того, на каждый заработанный пуд муки полагалось три фунта мяса, три фунта крупы, полтора фунта соли, и четверть фунта сахара. Уралтопветстрой рассчитался не полностью, и потому задолжал Верхнетуруинской УЖД: 817 пудов муки, 630 пудов овса, 199 пудов мяса, 251 пуд 10 фунтов крупы, 45 пудов 25 фунтов соли, 8 пудов 36 фунтов сахару и 260 аршин мануфактуры. Придаем такую важность этим сведениям потому, что в эти месяцы сотни заводов по России не работали, а в голодающем Поволжье людоедство не было редкостью.

Зима 1922 года прошла без особых достижений, просто выживали, как могли.

В январе 1923 года собирались запускать кушвинские домны и мартен. Для них нужен уголь, а он лежал в складах Верхнетуруинской дачи. Гужом такие объемы невозможно было вывезти быстро, нужно срочно строить узкоколейку дальше, поэтому летом на дорогу были брошены все имеющиеся силы.

Вскоре Верхнетуруинская железная дорога Гороблагодатского горного округа Средне-Уральского горнозаводского треста в пределах построенного пути уже работала на полную мощность, отчитываясь в своих

результатах ежемесячно. Объемы росли на глазах. Если в начале 1922 года здесь эксплуатировалось семь паровозов и 87 вагонов, а в коллективе было два управленца, 26 движенцев, 38 путейцев, и 32 человека в службе тяги, то в ноябре 1922 года дорога имела восемь паровозов: четыре Коломенского завода и четыре «компаунда». В обороте было 95 вагонов. А еще через два месяца в отчете за январь 1923 года в штатах дороги значится: 24 человека в управлении, 99 – в службе пути, 135 – в службе тяги, 40 – в службе движения. Всего – 298 человек. Депо Верхне-туруинской УЖД Средне-Уральского треста находилось на ст. Верхняя.

В архивных бумагах и в воспоминаниях старожилов один из паровозов называют «Американцем». Если судить по номеру 86, то это был один из узкоколейных паровозов, работавших сначала на Ярославско-Архангельской железной дороге, затем на Кушва-Сылвицкой. Действительно, накануне первой мировой войны фирме «Балдвин» Россия передала большой заказ на локомотивы «Малетта». Североамериканский завод «Балдвин» в 1914 году построил 30 таких паровозов серии А, мощностью 640 л.с. Один из них трудился в наших лесах.

В мае на лесных перегонах дымили уже десять паровозов, а вагонов было в обороте - 110. Все потому, что стране был необходим чугун, а для уральских заводов - древесный уголь, который по-прежнему лежал в большом объеме на углевыжигательных заведениях в Верхнетуруинской даче дальше Бородинки. Нужно было срочно достраивать узкоколейку, довести ее до Буксино, где сливаются реки Салда и Выя. Эти реки можно было использовать для сплава леса.

Жизнь в лесной даче налаживалась, появлялись новые места углечения, строились жилые дома на железнодорожных станциях. По итогам переписи 1926 года появились населенные пункты станции Абатуровка, Бородинка, Межень, Чирок и многочисленные угольные заведения – печи: Бородинские, Пайвушечные, Александровские, Вересовка, Вогульские, Дедюхинские, Меженские, Ржищенские, Сорьинские, Юрьевские, Спусковое и Чирок. Даже на Выйском кордоне, который тоже считался населенным пунктом, жили 20 человек.

К 1926 году протяжённость дороги достигла 51 км.

Если лесная отрасль в нашем крае была в эти годы самой главной и без внимания не оставалась, то такого не скажешь о золотодобыче. Работавшие шахты и прииски вначале перешли к «красным», а в конце сезона 1918 года до июля 1919-го - к «белым». Те и другие уничтожали оборудование, заливали шахты и разгоняли артели старателей. К лету 1919 года отрасль была практически разрушена. Крупные промышленники, владельцы приисков ушли вместе с белой армией или просто стали жить своим хозяйством, ожидая ясности от ситуации, как, например, семья Петра Владимировича Ван-дер-Беллена. Она окончательно переехала из Кушвы на Богомоловский.

От греха подальше всей семьей сменили фамилию, укоротив её до Белиных. Петр Владимирович остался при деле и впоследствии помог

становлению Салдинского прииска, делясь своим опытом. Он дожил до глубокой старости, скончался в возрасте 93 лет. Старожилы Салдинского помнят его по деревянной колодке на ампутированной ноге.

После гражданской войны золотодобыча в нашем районе, как и во всей России, была пущена на самотек. Новая власть первые годы не спешила организовывать государственную добычу и проводить разведку новых месторождений. Проще было проводить экспроприацию украшений из золота и мешочков с песком ранее добытого металла. Золото в наших местах тайком добывали отдельные старатели и большей частью не сдавали его государству, а меняли на продукты и спирт, так как деньги стали ненадежными. Потом власть разумно решила узаконить старательство, которое и до революции приносило в казну до половины всей добычи в стране, был создан комитет по драгметаллам. В Гороблагодатском округе в 1920 году создано управление «Уралзолото», а представительству Наркомата финансов предписывалось принимать «вольноприносительское» и «подъемное» золото, оплачивая его на тех же основаниях, что и добытое. Оплата производилась денежными знаками, а также, «по желанию сдатчика», в размере не более половины следуемой суммы — продовольствием и потребительскими товарами, но навести порядок, и взять на учет прииски удалось не сразу.

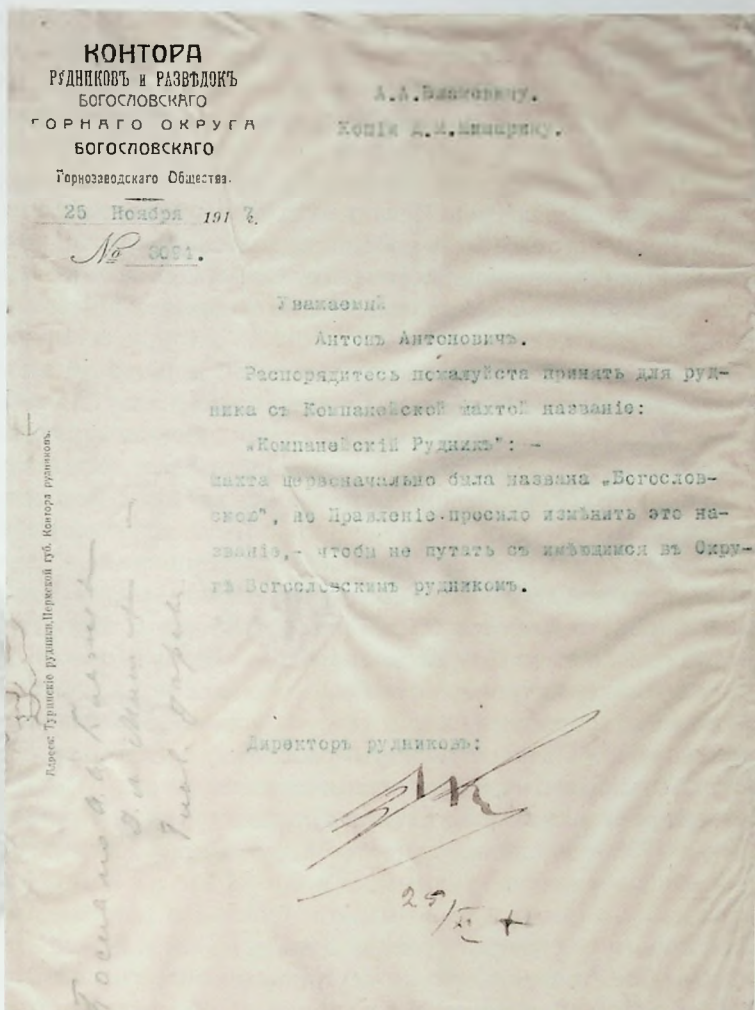
Желтый металл был нужен молодой республике. В 1921 году Советская Россия провела денежную реформу, т.е. денежные средства должны были вновь обеспечиваться золотым запасом.

В 1924 году был создан трест «Уралзолото». Контроль государства добычи золота восстанавливался. Трест был наделен исключительными полномочиями, возможностями и кредитными средствами.

В подготовленном на 1925 год плане восстановления добычи драгоценных металлов основной упор делался на поощрение работающих артелей, на большую помощь в развитии государственных организаций в сравнении с частными. В это время оживали старательские поселки на приисках Богомолковский, Дедюхинский, Архангельский, Александрово-Васильевский, Крестовоздвиженский.

По сравнению с добычей золота, где раньше была только частная инициатива, меднорудную отрасль государство сразу после Октябрьской революции прибрало к рукам. В 1921 году был создан Уральский медный трест. Он начал свою деятельность с восстановительных работ на Калатинском заводе и проверке проектов национализированных предприятий, в том числе и Богословского горнозаводского акционерного общества. Так появилось на картах и планах Богомолковское месторождение колчеданов. Оно состояло из Компанейского, Спасосерноколчеданного и Андреевского рудников, перешедших в собственность государства, а также разведанного в 1916 году Ново-Левинского рудника.

Наиболее подготовленный к эксплуатации, конечно, был Компаней-

Присвоение названия руднику.

ский. Его достаточно было расконсервировать.

Старый Ушковский Спасосерноколчеданный рудник тоже готовился под разработку. Он в 1920 году состоял из девяти шахт: Александр-Ивановская, Машинная, Солдатская, Тагильская, Татарская, №2, Макарьевская, Панковская и Тамбасовская. Шахты стояли затопленные, наполовину разрушенные, оборудования никакого не было.

Андреевский рудник был покинут хозяевами в 1918 году. К тому времени в северной части месторождения работали четыре шахты: Алапаевская, Ильинская, Сретенская и Семеновская. Самая глубокая – Семеновская была выработана до глубины 23 сажени.

Южная часть месторождения разрабатывалась шахтами: Никольской, Анно-Петровской и Пасхальной. Руда представляла почти чистый серный колчедан с малым содержанием меди. К моменту национализации здесь оставался запас добытого колчедана приблизительно 8200 тонн.

Что касается Левинского, этот железный рудник был на нашей территории с незапамятных времен. Исключительное применение здешней руды определило неспешную ее добычу, рудник не закрывали, но и не расширяли карьер, не проводили разведку. Все изменилось в 1915 году, когда геолог Е.Д. Стратонович сделал заявки по предполагаемому простиранию колчеданных залежей.

Рудознатцы всегда говорили: «Под железной шляпой часто скрывается медная голова». Так была обнаружена железная шляпа Компанейского рудника. И железная шляпа старого Левинского рудника, оказалось, имела продолжение. Толщина ее была около десяти метров, ниже стал попадаться «колчедан-сыпучка». Все это стало известно ещё в 1918 году. А пока разведка прошла до глубины 25 сажен, показав хорошие результаты, так появился рудник Ново-Левинский.

Все перечисленное добро в 1922 году возить было некуда. Богословский завод из-за выработки Турьинских рудников стоял. Рудники были затоплены, а машины сняты. Но и возле Богомоловских месторождений в том году строительство завода считалось несвоевременным. Может быть, причина была в том, что в 1920 году умер от тифа геолог Евгений Стратонович, который мог профессионально определить открытые запасы, чтобы рассеять сомнения металлургов и гарантировать непрерывность поступления руды для печей. Хотя специалисты к концу 1923 года признавали, что Богомоловское месторождение является наиболее перспективным, тем более, что на Компанейский рудник еще богословцами было начата прокладка ширококолейной железной дороги со станции Верхняя Богословской ж.д., что заметно облегчало любое строительство на месторождении. Возможно, поспособствовало ускорению принятия решений то обстоятельство, что в 1923 году простаивал Калатинский завод, и черновой меди промышленности не хватало.

В это время рядом с шахтой уже существовал поселок, который так и назывался - Богословская шахта, и жили в нем шесть мужчин и шесть женщин, а рядом был другой поселок - Богословский прииск, в нем тоже жили шесть мужчин и одиннадцать женщин. В 1924 году территорию Богомоловского месторождения продолжали исследовать на предмет возобновления добычи руды, а в 1925 году уже появились первые постройки рудничного назначения. С марта по июль 1925 года Совет труда и обороны СССР принял постановление об освоении Богомоловского месторождения и постройке медеплавильного завода. Тогда же, в июле появился вскоре известный на всю страну «Богомолстрой». Если вначале кто-то и сомневался в правильности принятых

решений, то в конце 1926 – го, проанализировав ситуацию в цветной металлургии, сделали вывод: «Придется строить на Урале два новых медеплавильных завода, Богомолковский и Сан-Донато». Пришла пора распечатать кушайскую шкатулку хозяйки Медной горы.

К тому времени на стройке уже работали шестьсот человек. Поселок так и назвали «Богомолстрой». Вскоре появился местный орган власти – Богомолковский сельский совет.

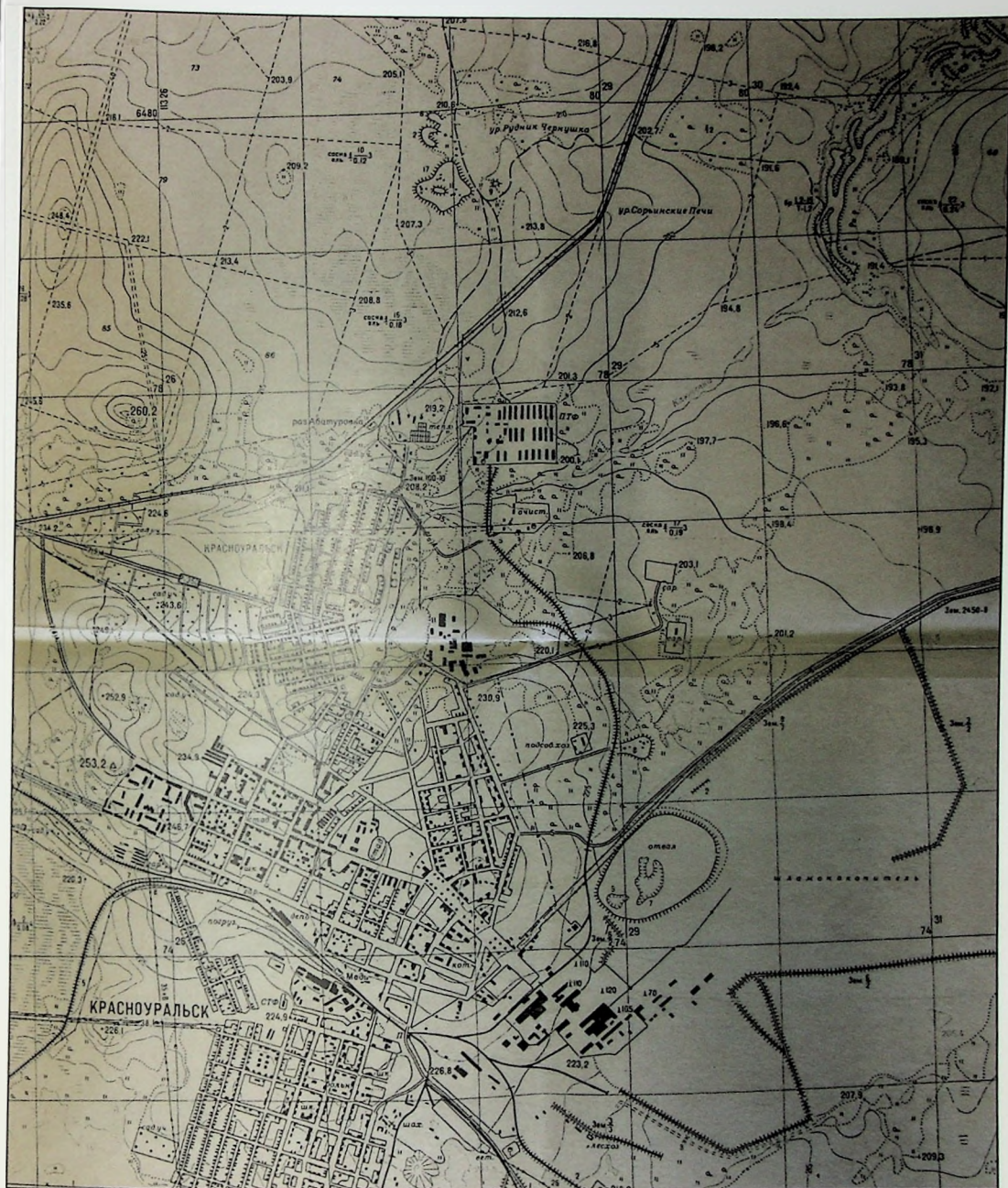
Кроме нового поселка, в справочнике за 1926 год на нашей территории указаны больше двух десятков населенных пунктов. Возглавлял список старейший добычной поселок, рядом с отвалами Спасо-Серноколчеданного рудника – Старый Колчедан, где было 75 хозяйств и 328 жителей. Далее шли прииски, железнодорожные станции, угольные заведения. В них жили в общей сложности около четырёх тысяч человек, в основном – русские. А, например, в поселке Александровские печи – поляки, на Бородинке – немцы, на Межени – латыши, на Серебрянке и Выйском кордоне – литовцы.

В 1926 году, когда еще город не сформировался, как единое целое, в поселке Левинский рудник было 105 хозяйств и проживало 513 человек. В поселке Компанейский рудник было 366 хозяйств и 1715 жителей. На будущей нашей территории кроме того существовали деревни Салда, поселки Луковое, Никольский, Новый завод.

А еще через год только из рабочих казарм поселка Богомолстрой ежедневно 1620 человек выходили на строительство государственного Красноуральского медеплавильного комбината Уральского государственного треста цветных металлов «Уралцветмет». Вот такой длинный титул был у новостройки, новой судьбы старого таежного края. Но это уже другая история.

Оглавление

Пролог	2
ЧАСТЬ I. Очерк первый. На «сквозняке» между Европой и Азией	4
Очерк второй. 1735 год. Встреча Татищева и Чумпина	12
Очерк третий. Степан Анисимов? Григорьев? Чумкин? Чумпин?	22
Очерк четвертый. А мог быть Салдинск-Осокинский	30
Очерк пятый. О Салдинских первопоселенцах	42
ЧАСТЬ II. Очерк шестой. Руда без угля – просто камень	50
Очерк седьмой. «...Рудники мои серебряные, золотые мои россыпи...»	64
Очерк восьмой. Медная история Салды Прокопьевской	76
ЧАСТЬ III. Очерк девятый. Большая война в маленькой деревне	86
Очерк десятый. Кушайская шкатулка Хозяйки Медной горы	106

Карта Красноуральска

150-00

Очерки о земле Красноуральской

Автор – П.А. Коновалов

Верстка – Д.М. Джумаев

При подготовке издания использованы документы и фотоматериалы архива Красноуральского отдела историко-краеведческой работы, личных архивов, материалов, находящихся в свободном доступе в сети Интернет

ИП Русских

Отпечатано в типографии ИП Русских А.В.
г. Екатеринбург, ул. Монтерская, 3, литер 81.
Тел.: (343) 228-02-32

ООО «Типография ФортДиалог»

Отпечатано в типографии ООО «Типография ФортДиалог»
г. Екатеринбург, ул. Монтерская, дом 3/81А, оф.323.
Тел.: (343) 228-02-32

